

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт российской истории РАН
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 1 (7)

Москва-Сыктывкар 2011

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2011. № 1 (7).

Основан в 2008 г.
Выходит 2 раза в год.

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН

Журнал издается под руководством Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

Редакционный совет

академик Ю.А.Поляков (председатель, Москва), академик В.В. Алексеев (Екатеринбург), А.Е. Загребин (Ижевск), член-корр. РАН В.Н. Лаженцев (Сыктывкар), член-корр. РАН В.А. Ламин (Новосибирск), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), Л.Л. Рыбаковский (Москва), Т.С. Садыков (Астана)

Редакционная коллегия

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), В.А.Исупов (зам. главного редактора, Новосибирск), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Е.Н. Рожкин (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), Н.М. Игнатова (Сыктывкар), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), Д.А. Несанелис (Москва), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), А.В. Репневский (Архангельск), В.А. Семенов (Сыктывкар), П.В. Федоров (Мурманск), М.С. Черкасова (Вологда)

Редакционно-издательская группа

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар), Н.К. Забоева (Сыктывкар), В.В. Якоб (Сыктывкар)

Издание подготовлено при поддержке программы фундаментальных исследований Уральского отделения Российской академии наук, проект «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

© Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии, 2011
© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2011

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, журнал «Историческая демография».
Тел. (8212)245564 (гл. ред.), (8212)245500 (отв. секр.), факс (8212)245564,
e-mail: zherebtsov.hist@mail.komisc.ru (гл. ред.), secr.hist@mail.komiscillh.ru (отв. секретарь),
ignatova.hist@mail.komisc.ru (рук. редакционно-издательской группы)

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Муравьев В.В. Формирование третичного соотношения полов в древнем населении	4
Сердюк И.А. Старость в городском населении Левобережной Украины во второй половине XVIII в. (на материалах Румянцевской описи 1765–1769 гг.)	7
Черкашина В.Н., Макаренко М.Ю. История демографической модернизации Северного Кавказа (конец XIX – первая четверть XX в.)	13
Аргудяева Ю.В. Материалы региональных архивов – источник о разделе семьи у восточнославянских крестьян-переселенцев Дальнего Востока	17
Вшивцева Ю.В. Демографическая ситуация на Кубани. 1926–1945 гг.	22
Вербицкая О.М. Особенности смертности гражданского населения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)	26
Обедков А.П. Динамика численности коренных малочисленных народов Севера и современная этническая структура населения Российского Севера	30
Рожкин Е.Н. Исторические особенности демографии исламских народов в Республике Коми (XX–XXI вв.) ...	38

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Столярова Г.Р., Мухамед Исхак Фарук Мухаммед. Этнодемографические процессы в современном Омане ..	41
Шабает Ю.П. Миграции, северные сообщества и идентичности	44
Столярова Г.Р. Этнодемографический портрет Татарстана накануне Всероссийской переписи 2010 г.	48

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДИКА ИХ АНАЛИЗА

Исупов В.А. Проблемы и перспективы историко-демографических исследований в Сибири	51
Макаренко М.Ю. Историография изучения населения Юга России (конец XIX – первая треть XX века)	56
Стешенко Н.Л. Миграции в Южной Украине (XVI–XVIII вв.) в научном наследии В. Антоновича	61
Такижбаева Н.З. Историческая демография и междисциплинарные связи	64
Прокопенко С.А. Дискуссии в исторической демографии о современных методах ретроспективного анализа и процедурах сглаживания влияния миграционного фактора	68
Горбачев О.В. Миграционная статистика второй половины XX в. как исторический источник: проблемы использования.....	75
Дементьев Б.П. Источники исторической демографии: методы анализа	78
Фадеева Е.В. Похозяйственные книги и актовые записи как источники по современной этнографии негидальцев	80
Мельник Т.Ф. Переписи населения Поморья (досоветский период): хронология, анализ, особенности	83
Федоров П.В., Малашенков А.А. Модель социальной структуры Колы XIX – начала XX в.	88
Раков А.А., Фаузер В.В., Грибанов В.В. Методические подходы к обоснованию демографического проекта ..	90

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Рудаева Е.С. Структура смертности села Мужы Березовского округа в последней трети XIX в.	92
Ракачев В.Н. Население Кубани по материалам переписи 1939 г.: проблема достоверности данных	92
Ракачева Я.В. Голод 1932–1933 гг. на Кубани и его демографические масштабы и последствия	93

РЕЦЕНЗИИ

Разумова И.А. Северный уездный город в зеркале демографической истории	94
---	----

ХРОНИКА

Всероссийские симпозиумы по исторической демографии (<i>И.Л.Жеребцов, В.А.Исупов, В.И.Меньковский</i>)	96
--	----

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

В.В. Муравьев*

Формирование третичного соотношения полов в древнем населении

В первобытном стаде и общине численность взрослых мужчин превышала численность половозрелых женщин. Переход к прямохождению, увеличение мозга и соответственно головы плода осложнили роды, в результате повысился уровень материнской смертности. Большая часть данных палеодемографии показывает, что средняя продолжительность жизни мужчин была большей, лишь некоторые материалы, относящиеся к мезолиту, свидетельствуют об исключениях [Историческая демография, с. 86]. Исследования дают информацию о снижении возраста смерти женщин в период формирования цивилизации.

Существование перевеса мужского населения над женским в зрелых возрастах не означало, что женских индивидов умирало больше, чем мужских. Биологический закон повышенной смертности мужского пола действовал. Мужских зародышей погибало больше, также выше был и уровень естественной мужской младенческой смертности. Под влиянием культурных предпочтений убивали преимущественно новорожденных девочек. Их лишали жизни и через несколько лет после рождения. Этнографы сообщают, что у эскимосов имели место случаи убийства 2- и 4-6-летних девочек, если они оставались непомолвленными или у родителей рождались сыновья. Уровень женской смертности повышался в возрастной группе взрослых. Это повышение, а также отбор девочек при уничтожении новорожденных превосходили по своему влиянию на половую структуру второй возрастной группы эффект повышенной мужской смертности, обусловленной генетически. Например, если на 130 мужских зигот при зачатии приходится 100 женских, а в зрелом возрасте остается в живых 50 мужчин и 30 женщин, несмотря на нехватку женщин, мужская смертность в этой группе выше.

В эпоху цивилизации понижающее воздействие указанных обстоятельств на продолжительность жизни женщин сохранилось. Боевые действия были факторами повышенной преждевременной смертности мужчин. Их занятием были войны, а главная задача сражения – уничтожение солдат противника. Победители брали в плен женщин и детей, но убивали мужчин, поскольку их было труднее охранять.

Третичное соотношение полов испытывало воздействие дифференциальной миграции мужчин и женщин. Ее показатели, также как различия в половой смертности, зависели от конкретных условий. Подвижность мужского населения отчасти была активной. Мужчины принимали участие в военных походах и торговых экспедициях. Миграция женщин была пассивной. Их угоняли в плен, продавали в рабство, они следовали за мужчинами в переселениях в новые места обитания.

Существовали ситуации, когда наличные половозрелые индивиды не участвовали в репродуктивной деятельности. Это происходило, когда они отказывались от нее постоянно или периодически под влиянием традиций, религиозных установок и даже политических целей. Половую активность на время запрещали обычным людям: юношам перед посвящением, воинам перед походом, охотникам перед промыслом, земледельцам перед севом. Еще одна разновидность – запрет половых связей и общения с женщинами в определенные периоды их жизни, например, после родов.

Ограничения касались лиц определенного статуса. Они относились к посредникам в общении со сверхъестественными силами. От священнослужителей ждали отказа от вступления в брак и даже оскпления. Жрецы Иштар и некоторые служители других богов были евнухами. Месопотамские мифы об Иштар, фригийские – о Кибеле и Аттисе служили идеологическим оправданием скопчества. В них – возможные исторические корни известного новозаветного поучения о евнухах [Библия, Матфей 19: 12].

Требования безбрачия, обусловленные религиозными верованиями, касались и женщин. Они встречаются в разных по происхождению и местоположению древних цивилизациях. У майя некоторые царские дочери являлись безбрачными девами солнечного божества. Вавилонские надитум, имея мужей, сами не должны были рожать

---

* **Муравьев Виктор Викторович** (Сыктывкар) – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Коми государственного педагогического института.

детей. Они давали мужьям наложниц, чьи дети считались детьми надитум. С другой стороны, существовали группы служительниц культа, вступавшие в половые связи вне брака и со многими мужчинами. В Полинезии дети таких женщин подлежали уничтожению.

Целомудрие в индийской культуре понималось двояко – как полное воздержание от половых связей и как их осуществление с определенными ограничениями. Несмотря на поэтические восхваления наслаждений любви, существовало убеждение, что половой акт приводит и к каким-то негативным последствиям, некоторой нечистоте. У Ману сказано, что мужчина после него осквернен три дня [Законы Ману 5: 63]. Скорее всего, это связано с убеждением, что с метафизической точки зрения чувственные удовольствия – неизбежное зло. Поэтому ученику, живущему у гуру, надлежало воздерживаться от общения с женщинами. Это закаляло волю, вырабатывало способность к самоконтролю, вело к накоплению духовных сил. Младшему брату не рекомендовалось создавать семью, пока не женился старший.

Для состоявших в браке целомудрие заключалось в верности супругу и соблюдении воздержания в определенные периоды времени: «...ведь все равно остается брахманом тот, кто дал обет воздержания, а сам имеет сношения со своей супругой в положенное время» [Махабхарата. Книга третья, с. 418]. Запретными были некоторые периоды, определяемые по календарю, например, дни новолуния и полнолуния, а также дни женских месячных. Нарушение обетов полного или ограниченного целомудрия требовало проведения особых очистительных обрядов. Когда ригведийский мудрец Агастья нарушает обет, уступая настойчивости Лопамудры, его ученик изменяет заговор, снявший с Агастьи вину [Ригведа I, 179].

В ханьском трактате «Тай пин цзин» говорилось: «Целомудренный мужчина – это тот, кто не распространяет свое семя, а целомудренная женщина – это та, что не превращает его в новую жизнь. Если бы мужское и женское не вступали бы в союз, то все роды живых существ исчезли бы. Так, соблазненные ложным и обманчивым названием «целомудрие», два человека нарушают нормы Неба и Земли и страдают, будучи лишены потомства. Это, безусловно, великое зло для мира» [цит. по Торчинов, с. 67]. В этом сочинении также выдвинут принцип «каждому *ян* – две *инь*». Поскольку *ян* соответствует единица, а *инь* – двойка, мужчине следовало иметь две жены [Торчинов, с. 118].

Пришедший на закате эпохи древности в Китай буддизм махаяны не требовал от мирян уходить из семьи. Изыскать для своего спасения «узкий путь» могли индивиды того и другого пола.

Потребность в оскопленных мужчинах была связана с особенностями существования полигинных семей влиятельных людей, где они являлись домашней прислужкой. Количество евнухов в государствах Древнего Востока исчислялось тысячами. Их контингент пополнялся главным образом за счет кастрации пленных мальчиков. Оскопление мужчин вызывалось и политическими причинами. Ассирийские цари ставили евнухов во главе подвластных им областей с тем, чтобы избежать угрозы возникновения там правящих династий. Скопцы служили придворными, чиновниками, писцами, некоторые из них достигали высоких государственных должностей. Евнухом был Потифар, чья супруга домогалась любви Иосифа [Библия, Бытие 39].

К репродуктивной активности не могут быть отнесены аномальные половые действия. Тексты всех древних цивилизаций содержат упоминания о различных половых отклонениях и по-разному их оценивают. Хеттские законы содержат упоминания о различных половых отклонениях. В них воспеваются гомосексуальные отношения отца и сына, скотоложество с коровой, овцой, свиньей, собакой. Подобные связи с лошадью или мулом не подлежали наказанию. Совершить половой акт с трупом не считалось преступлением.

В Индии имели место случаи отклонения от утвердившихся норм, которые сегодня назвали бы проявлениями нетрадиционной сексуальной ориентации. Они встречались достаточно часто, чтобы получить отражение в древних текстах. В них упоминается гомосексуализм, анальный секс с женщиной, связь с самкой животного. Эти отклонения в половом поведении оценивались как предосудительные. Они требовали последующего очищения и могли привести к изгнанию из касты [Законы Ману 11: 68, 174, 175]. Гомогенные сексуальные взаимодействия имели место в Древнем Китае. Нередко любовниками состоятельных лиц были евнухи. При этом гомосексуализм, в отличие от лесби, получил заметное отражение в изобразительном искусстве, историологических и художественных текстах [Кравцова, с. 304].

Действие разных факторов дифференциальной смертности женщин и мужчин определяло постоянные колебания в показателях соотношения полов, зависевшие от конкретной ситуации, места и времени. Примерное равенство числа взрослых женщин и мужчин в демах необходимо для реализации потенциальной плодовитости при преобладании моногамии. Когда ее нет, те же коэффициенты плодовитости могут быть обеспечены, даже если мужчин репродуктивного возраста в десять раз меньше, чем женщин. Диспропорции в численности способных вступить в брак мужчин и женщин играли свою роль в формировании левирата, полигинии и полиандрии. Хотя вдов призывали хранить верность умершим мужьям, иногда считая их повинными в преждевременной смерти супругов, запреты повторных браков не имели значительного распространения.

Увеличение мужской части населения оценивалось как благо. Предводители и цари проводили исчисления мужчин, материально поощряли матерей, рождавших сыновей. Чтобы отвести угрозу усиления возможного противника, издавались указы об уничтожении новорожденных мальчиков определенного народа или семьи. В обществах со сравнительно более высоким статусом женщин, отношение к рождению девочек было позитивным, их оставление на смерть у хеттов, египтян, евреев, индийцев не отмечено.

Все эти факторы по-разному проявлялись в тех или иных обстоятельствах, взаимодействуя друг с другом и природными основами формирования соотношения полов. В те или иные периоды в различных регионах имели место диспропорции в численности мужчин и женщин брачного возраста, способных к деторождению. Наложничество, повторные браки, существование приемных детей были реакцией культуры на существование таких диспропорций.

Источники и литература

- Библия. Книги Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1990.
Законы Ману. Манавадхармашастра. М.: ЭКСМО – Пресс, 2002.
Историческая демография: проблемы, суждения, задачи / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: Мысль, 1989.
Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб: Лань, 2003.
Махабхарата. Книга третья. Лесная. (Араньякапарва) / Пер. с санскрита, предисл. и коммент. Я.В. Васькова и С.Л. Невелевой. М.: Наука, 1987.
Ригведа. Мандалы I-IV / Пер. и коммент. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1989.
Торчинов Е.А. Даосизм. «Дао-Дэ цзин». СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2004.

Старость в городском населении Левобережной Украины во второй половине XVIII в. (на материалах Румянцевской описи 1765–1769 гг.)

Одной из основных демографических характеристик населения является возраст. В исследованиях любого социума применительно к людям используются термины: дети, взрослые, старые. Они обозначают определённый период в жизни человека и при этом имеют биологическую, юридическую, психологическую составляющие, а поэтому трактуются очень неоднозначно. В исторической демографии принято делить население на группы (в том числе за возрастом), чтобы исследовать его структуру или другие характеристики. Условность такого разделения очевидна, но без него невозможно было бы применять существующие сегодня историко-демографические методики [1].

Вместе с тем детство, «взрослость» и старость в украинском раннемодерном обществе с позиций исторической демографии изучены недостаточно. При этом наименьшее внимание исследователи уделили старости. Это закономерно, поскольку процент пожилых людей в традиционном (демографически молодом обществе) является незначительным. К тому же дети и люди активного возраста демонстрируют более разнообразное демографическое поведение, связанное с миграциями, браком, и пр. Вероятно, именно из-за этого украинская историография старости ограничивается только некоторыми исследованиями. Одним из них является статья Арнольда Перковского, которая касается долгожителей XVIII в., а также отдельные сюжеты в монографии Юрия Волошина, в которых анализируются возрастные характеристики населения Стародубского полка. Городское население Гетьманщины в таком ракурсе не изучалось [2].

Мы попытаемся частично заполнить этот сюжет и рассмотрим людей пожилого возраста, которые жили в городах Левобережной Украины во второй половине XVIII в. В качестве основного источника используем Генеральную опись Левобережной Украины 1765–1769 гг. – перепись населения и домохозяйств, которая проводилась по указу императрицы Екатерины II. **Организацией переписи и проведением её на территории Гетьманщины занималась Вторая Малороссийская Коллегия во главе с её президентом генерал-губернатором Петром Румянцевым** [3].

Механизм проведения описи, масштабы и содержание делают её уникальным источником для изучения разных сторон жизни городского населения Левобережья во второй половине XVIII в. 969 книг описи содержат ведомости об 3,5 тыс. населённых пунктов и их жителей [4]. По оценкам учёных, опись была самой полной из тех, которые проводились в Гетьманщине [5]. Из больших полковых городов в источнике наилучшим образом представлены Нежин, Переяслав и Стародуб, их население и станут объектом нашего исследования. Материалы переписи городов составлены из черновики и чистовиков. Преимуществом последних являются унификация и сравнительно точная информация, поэтому именно эту группу мы и будем использовать.

Чистовики переписи Нежина, Переяслава и Стародуба датированы 1766 г., они находятся в книгах 39, 148а, 278, 341 [6], которые хранятся в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Киеве (фонд № 57). Они оформлены в виде таблицы на обратной стороне каждого листа и дополнения к ней на обратной стороне следующего листа. С левой стороны каждой таблицы проставлены номер двора, название улицы, дальше – отдельные графы для сооружений: покои хозяев и прислуги, амбары, конюшни, сараи.

В графе «чины и имена» указывались фамилия, имя хозяина двора или главы семьи, его социальный статус. Ниже переписывались жена и дети: сначала – мальчики, потом – девочки. Дальше переписывались остальные жители двора. Наиболее часто это были родственники или прислуга. В источнике чётко можно проследить родственные связи жителей двора. Отдельными графами записаны возраст и состояние здоровья. В лицевой части таблицы зафиксированы права на владение имуществом, каким путём приобретён двор, занятия хозяев и их прибыль. Информация подана чётко, лаконично, данные унифицированы, что значительно облегчает их обработку [7].

Первый момент, который мы рассмотрим – это определение условной границы между активным и пожилым возрастом. С учётом того, что историческая демография разделяет население на пятилетние и десятилетние возрастные группы, такая граница должна совпадать с возрастом, кратным пяти или десяти. По мнению Юрия Волошина, в то время представлениям о старости отвечает граница в 60 лет [8]. Оправданность такого выбора, подтверждает ревизия Стародуба 1764 г., в которой население делится на три группы: младше 10 лет, 10–60 лет, старше 60 лет [9]. Вероятно, что последняя группа объединила людей старых, по понятиям того времени.

* Сердюк Игорь Александрович (Полтава, Украина) – аспирант кафедры истории Украины Полтавского государственного педагогического университета им. В.Г. Короленко, LugarOK@rambler.ru.

Русский историк Ольга Кошелева, указывая число людей пожилого возраста в населении Петербурга времён Петра I, тоже относила к ним старше 60 лет [10].

С точки зрения демографии, старость – это возрастной период жизни человека, его заключительная фаза, характер наступления которой обусловлен процессом физиологического старения организма. Это биолого-психологическое явление, возрастные рамки которого довольно условны и меняются в зависимости от социальных представлений и индивидуальных особенностей конкретного индивидуума [11].

Основным проявлением физиологического старения организма являются возрастные болезни и «дряхлость». Анализированный нами источник даёт информацию о состоянии абсолютного большинства взятых на учёт людей. Однако болезни записывались со слов горожан, к тому же писарями, а не медиками. То есть, в источнике отображена устная традиция восприятия болезни в раннемодэрном обществе. Мы думаем, что такие данные позволяют отследить, сколько людей определённого возраста считали себя больными, слабыми, немощными, а значит – и старыми (подчёрк. наше – И.С.).

Для этого подсчитываем количество таких личностей среди населения возрастом 50 лет и старше, а результаты подсчётов наносим на график (рис. 1). Среди жителей городов возрастом 50-59 лет процент больных и слабых составил 10-20%, а больше 80% людей такого возраста назвали себя здоровыми. Однако в следующей возрастной группе (60-64 года) процент больных во всех трёх городах превысил 50-процентный рубеж (его мы нанесли пунктиром).

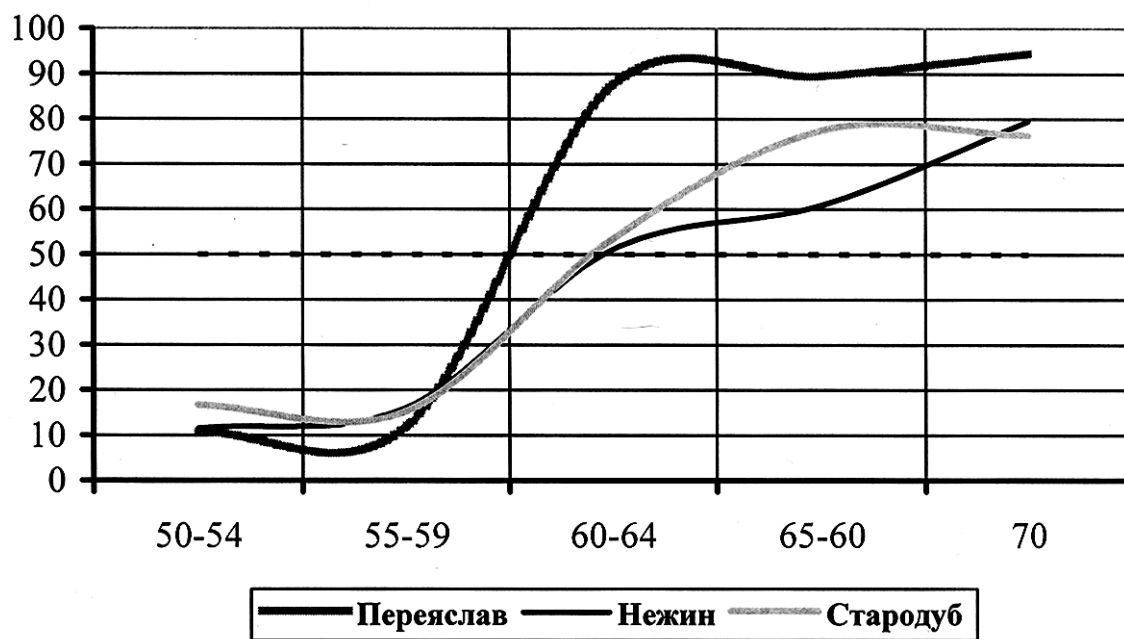

Рис. 1. Процент больных в населении городов.

С возрастом процент больных увеличивался, среди населения Нежина и Стародуба он достиг показателя 80%, а в Переяславе вообще достиг максимального значения – 94,5% (рис. 1).

График иллюстрирует, что начиная с 60-летнего возраста больше половины жителей городов считали себя больными, это, по нашему мнению, является физиологическим и психологически признаком старости. А также подтверждает правомочность выбора 60-летнего возраста как границы между активным возрастом и старостью. Кривая заболеваемости населения Переяслава отличается от кривых Нежина и Стародуба, демонстрируя более высокий процент больных среди людей пожилого возраста. Мы считаем, что это следствие более качественного проведения описи в Переяславе, а значит, и более точного указания состояния здоровья [12].

Поскольку данные переписи Переяслава считаем наиболее точными, на примере этого города сравним структуру болезней населения активного (50-59) и пожилого (60 лет и старше) возраста. Для этого все случаи болезней возьмём как 100% и распределим их в соответствии с Международной классификации болезней (МКБ) [13], адаптированной нами к особенностям определения болезни в источнике. Результаты распределения видны на примере графика, где на оси «Y» указаны группы болезней, а на оси «X» их количество в процентах (рис. 2).

Как показывают подсчёты, абсолютное большинство болезней населения пожилого возраста было связано с возрастом (84%). В источнике они упомянуты как «по старости слаб». В Переяславе такая формула использова-

лась исключительно относительно людей 60-лет и старше. В переписи Стародуба мы встречаем три случая, когда данная формула касалась состояния здоровья личностей младше 60 лет, в частности, одному из них было 50 лет [14]. Если организаторы переписи в таком случае употребляли унифицированную формулу «по старости слаб», то в описи таких городов, как Нежин и Стародуб, иногда встречаем сокращённое «слаб» или «дряхл». Следующая по численности группа объединяет болезни глаз. У пожилых лиц они составляли 5,5%, а у лиц в возрасте 50-59 лет – 50% зафиксированных источником случаев (рис. 2).

Дальше по количеству случаев фиксируется «внутренняя болезнь», которая, вероятно, была связана с болезнями кишечника и желудка. У активных людей 50-59 лет она составляет 10%, а у лиц преклонного возраста – 2,2% случаев. Такой же процент у последних занимали болезни опорно-двигательной системы, тогда как у лиц в возрасте 50-59 лет они составляли 20% случаев заболеваний. Определённую часть болезней жители городов не смогли диагностировать самостоятельно. Поэтому в источнике встречаем просто констатацию факта болезни – «болен» либо «таинственную болезнь одержим». У пожилых людей источник фиксирует только один такой случай (1%), и также один случай можно связать с травмами или увечьями: «носа нет» [15].

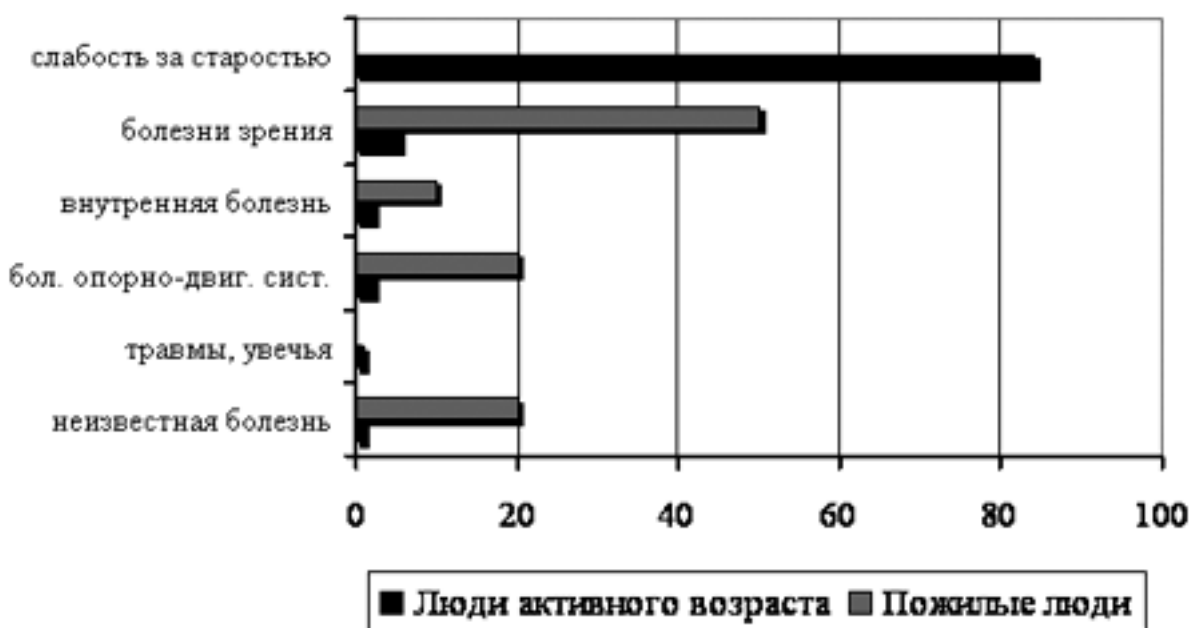

Рис. 2. Структура болезней населения г. Переяслава, %.

Структура болезней населения в возрасте 50-59 лет и лиц старше 60 лет абсолютно не похожа (рис. 2), однако маловероятно, что в действительности разница была такая большая, ведь мы сравниваем не детей и старых, а население соседних возрастных групп. Распределение, вероятно, иллюстрирует отношение к собственному здоровью в связи с возрастом. У пожилых лиц есть основная группа болезней, которой нет у лиц активных – «слабость за старостью». Примечательно, что в эту группу можно зачислить любые болезни, кроме явных увечий. Видим, что если сравнительно молодые люди расстройство здоровья объясняли болезнью, то пожилые – приходом старости. Привлекает внимание соотношение неизвестных болезней – 20% у населения в возрасте 50-59 лет и 1% в возрасте старше 60 лет. Активное население констатировало болезнь и, вероятно, пыталось диагностировать её (но безуспешно), тогда как у людей старшего возраста диагноз был очевиден – старость.

Конечно, конкретные случаи выходили далеко за рамки обобщенных картин. В описи Стародуба встречаем как семидесятилетнего Миколу Петрачюнова, который записан как «здоров», так и «слабую за старостью» пятидесятилетнюю Марию Осипову [16]. В связи с довольно преклонным (на то время) возрастом Микола мог дожить до смерти, не зная тяжелых болезней и при здоровом уме, такая смерть считалась легкой и правильной, ею Бог вознаграждал праведных людей:

«Но да(ж)дъ добрэ всэм вэрным, я(к) слу(ш)го кончати:
 И хр(с)тія(н)ско с(ъ) покаяныемъ вмирати.
 І неха(и) при сме(р)ти все буду(т) памятати:
 І до ко(н)ца языко(м) ясно глголати...» [17].

На момент переписи Микола женился во второй раз, при этом его второй жене было только 23 года. Разница в возрасте между ними была 47 лет. Учитывая минимальный брачный возраст для девушек, разрешённый законодательством, 13 лет, видим, что Микола женился второй раз в возрасте не менее 60 лет, тогда как историческая демография считает шансны на брак в таком возрасте равными нулю [18]. Как пишет русский историк Борис Миронов, общественная мораль того времени брак мужчин старше 60 лет считала чем-то неприличным и неестественным [19]. В одной из веснянок, записанной в Киевском уезде в XIX в., пелось:

«Ой якъ тяжко-важко каменю та котытыся,
А ще тяжче-важче старому та женытыся» [20].

Но Микола женился, и более того, во втором браке имел двух детей: четырёхлетнюю дочку и двухлетнего сына, значит сына он зачал в возрасте 67 лет. У его жены это был первый брак и неизвестно, чем привлёк её в три раза старший вдовец [21]. По данными Генеральной описи, Микола не был богатым, не принадлежал к казацкой старшине или городской знати. Он не имел собственной хаты (нанимал её), а на жизнь зарабатывал выпечкой хлеба [22].

В реальной жизни люди выходили за рамки общественных ограничений (это было больше характерно для городского населения). Поэтому браки между пожилыми людьми осуществлялись несмотря на общественные взгляды, более распространёнными были браки с большой разницей в возрасте, когда пожилым был кто-то один из супружеской пары:

«...же беру(т) молоды(х) старые:
а за стары(х) дэдовъ иду(т) жоны молодые» [23].

Хотя считалось, что в таких браках не будет семейного счастья и согласия, особенно, когда старший из супругов станет дряхлым, а младший будет изменять ему, или страдать:

«І блгослове(н)ство бжіе о(т)бэгаеть:
а ненави(ст) и вражда в(ъ) до(м) то(и) ся вселяеть.
Зачи(м) то негды в дому то(м) добра не будетъ:
Гды меж собою житии где неровня будетъ» [24].

Поскольку мы приняли 60-летний возраст как условную границу старости, рассмотрим половозрастную структуру населения пожилого возраста и определим его долю в населении городов вообще. По нашим подсчётам, она была относительно небольшой по сравнению с детьми или людьми активного возраста. Меньше всего их было среди жителей Нежина и Переяслава – 4,9 и 5,1% соответственно. В Стародубе их было намного больше – 7%. В Переяславе и Стародубе наблюдаем существенное преимущество женщин (56,8%-58% против 41,2%), которое обусловлено высокой смертностью мужчин. Такое явление было замечено ещё в XVIII в., о чём свидетельствует красноречивое название одного из стихов Климентия Зиновия: «О множествэ жэнь: сирэчь яко болшь на вселе(н)но(и) обрэтається пола женска: неже муже(и)ска» [25].

В Нежине, наоборот, наблюдаем незначительное преимущество мужчин: 50,9% против 49,1% лиц женского пола. Такое соотношение несколько неожиданное, поскольку половозрастная структура населения старшего возраста регулируется в первую очередь смертностью. В Нежине половая структура была изменена под влиянием активной миграции греков [26].

Мы уже констатировали большую продолжительность жизни женщин, она, вместе с разницей в возрасте между супругами [27], была причиной того, что абсолютное большинство женщин пожилого возраста было вдовами. Например, в Нежине среди женщин 60-64 лет вдов было 66,2%, в Стародубе – 68,7, в Переяславе – 76,5%. Начиная с 65-летнего возраста 6-7 городских женщин из 10 были вдовами. Среди пожилых мужчин процент вдовцов был намного ниже, например, в Переяславе он пребывал на уровне 10%. С возрастом число вдовцов возрастало, и с 65 лет каждый четвёртый мужчина Нежина был вдовцом [28].

Самыми старыми жителями Переяслава, внесёнными в Генеральную опись, были вдова Параска Ивановна (90 лет) [29] и мещанин Сазон Давидов (90 лет) [30]. Люди такого возраста считались долгожителями. Например, во второй половине XVIII в. в деканальных реестрах Правобережной Украины людей в возрасте 89 лет и старше записывали в графу «столетние люди». Парафияльные священники вели отдельные списки таких прихожан [31]. Интересно, что Сазон в таком возрасте не был вдовцом, его жене Агафии было 85 лет, и она, по данными Генеральной описи, была здорова [32]. Это единственная семейная пара Переяслава, в которой обоим супругам было больше 80 лет.

Двум самым старым жителям Нежина тоже исполнилось 90 лет, оба они были больными, по данным источника, у 90-летнего казака были бельма на глазах, а мещанин Дмитро Гноевой был за «старостью слаб» [33].

Самыми старыми жителями Стародуба были Григорий Ушинец и его жена Феодора. Григорию, на время описи исполнилось 102 года, Феодоре – 95 лет. Возраст Григория, наверное, был настолько уникальным, что только один раз в трёх городах переписчики кроме числового обозначения дописали «леть ему от роду». Логично, что в таком возрасте Григорий был «за старостью слаб», а его жена «слаба». Они жили в хате мужа их внуки

Ефросиньи [34]. Примечательно, что самым старшим жителем трёх городов был мужчина, тогда как среди людей пожилого возраста больше было женщин.

Вероятно, что дожить до столетнего возраста было тяжело, а иногда он становился мучением и ожиданием смерти. В одном из деканальных реестров Брацлавщины за 1786 год Арнольд Перковский нашёл запись о состоянии здоровья 127-летней Феськи Кривошихи: «очень изнурена, ослепла, смерти просит каждый день» [35]. Наверное, такими случаями мотивированны зафиксированные этнографами обычаи помощи тяжелобольным старым людям, которые были направлены на облегчение предсмертных мучений, а не на выздоровление. Например, лёгкую смерть могло дать возложение на умирающего свадебного рушника, либо вырубание дыры в потолке хаты [36].

Даже во второй половине XIX в. этнографам был известен обычай «сажания старых на лубок», который существовал до начала XIX в. на Украине. Старых, немощных и больных людей зимой могли вывезти в яр, оставить в заброшенной, холодной хате, чтобы они замерзли. Обычай демонстрирует отличающееся от современного восприятие старости и смерти в традиционном обществе. Как считает П. Литвинова, оно является не жестоким, а, наоборот, проявлением любви близких и детей к старому человеку, который просит Бога о смерти. При этом замерзание – одна из самых лёгких смертей, а когда тело слабое, изнурённое болезнями и старостью, такая смерть наступает очень быстро [37].

Таким образом, наше исследование подтвердило правомочность выбора 60-летнего возраста как условной границы между активным возрастом и старостью в раннемодерном городском населении Гетьманщины. Начиная с такого возраста большинство людей считало себя больными, слабыми, дряхлыми «за старостью». Конечно, были случаи, когда пожилые люди сочетались браком, рождали детей, однако такие случаи являлись исключением. Люди старшего возраста составляли наименьшую часть городского населения, среди них было больше женщин, причём – вдов. Люди, которым исполнилось 90 лет, уже могли считаться долгожителями, однако таких в трёх городах с общим населением больше 11 тысяч, не набралось и десяти.

Наше исследование не исчерпывает возможности источника, а только начинает исследование проблемы старости в городах Гетьманщины и может продолжаться в направлении определения продолжительности жизни, изучения материального состояния и способов заработка на жизнь старыми людьми, более детального изучения их здоровья, других важных аспектов.

Источники и литература

1. Опись методик смотри, напр.: Анри Л. Методика анализа в исторической демографии / Л. Анри, А. Блюм; Пер. с франц. С. Хока и Ю. Егоровой. М.: РГГУ, 1997. 207 с.
2. Волошин Ю. Государёвы описные малороссийские раскольничьи слободы: XVIII в.: Историко-демографический аспект. М.: Археодоксия, 2005. 286 с.; Перковский А. Українське населення в 60–70-х роках XVIII ст. // Український історичний журнал. 1968. № 1. С. 107–111.
3. Поэтому в исторической литературе источник часто называют «Румянцевская опись».
4. Генеральный опис Лівобережної України 1765–1769 р.р. Показчик населених пунктів. К.: Центр. держ. іст. архів УРСР в м. Києві, 1959. С. 5.
5. Когут З. Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини, 1760–1830. [Электронный ресурс] / Зенон Когут. Режим доступа: <http://litopys.narod.ru/coss5/koh06.htm>
6. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (далее – ЦГИАК Украины). Ф. 57. Оп. 1. Кн. 39; Кн. 148а; Кн. 278; Кн. 341.
7. О Румянцевской описи как историко-демографическом источнике больше см.: Сердюк І. Генеральный опис Лівобережної України 1765–1769 р.р.: виміри локальної демографічної історії // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України. Т. 19. (у 2-х кн.). Тематичний випуск: “Джерела локальної історії: методи дослідження, проблеми інтерпретації, популяризація”. Кн. I. К., 2009. С. 407–416.
8. Волошин Ю. Указанное соч.
9. ЦГИАК Украины. Ф. 51. Оп. 3. Д. 19349. Л. 2.
10. Кошелева О. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М.: ОГИ, 2004. С. 165–173.
11. Демографический энциклопедический словарь / Редкол.: Валентай Д.И. (гл. ред.) и др. М.: Сов. Энциклопедия, 1985. С. 444–445.
12. Сердюк І. Румянцевський опис Малоросії... С. 144–152.
13. Муромцева Ю.І. Демографія: Навчальний посібник. К.: Кондор, 2006. С. 62.
14. ЦГИАК Украины. Ф. 57. Оп. 1. Кн. 148а. Л. 220 об.
15. Там же. Кн. 278. Л. 159 об. Запись касается семидесятилетней нищей жительницы госпиталя Воскресенской церкви (Переяслав) вдовы Мотроны Захаровны. Поэтому отсутствие носа могло быть последствием сифилиса.
16. Там же. Кн. 148а. Л. 220 об.
17. Зіновійв К. Вірші. Приповіді посполиті / Климентій Зіновійв. К.: «Наукова думка», 1971. С. 43.

18. В демографии традиционно считается, что после 50 лет человек практически не имеет шансов на брак, в соответствии с этим рассчитываются такие показатели, как коэффициент остаточного безбрачия. См. бол.: Анри Л. Указанное сочинение.
19. Миронов Б. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XIX вв.): В 2-х т. 3-е изд. испр., доп. СПб.: «Дмитрий Буланин». 2003. Т. 1. С. 165.
20. Каковский Ю. Игры молодежи в деревне Леоновке, киевского уезда // Киевская старина. 1892. № 6. С. 445.
21. На время брака разница могла быть даже четырёхкратной.
22. ЦГИАК Украины. Ф. 57. Оп. 1. Кн. 148а. Л. 462 об.–463.
23. Зіновіїв К. Указанное соч. С. 116.
24. Там же.
25. Там же. С. 97.
26. Большинство мигрантов были мужского пола.
27. За нашими подсчётами средняя разница брачного возраста в городах составляла около 3-х лет в пользу мужа.
28. Более детально о вдовах и вдовцах в населении Переяслава см.: Сердюк І. Вдівці і вдови у Румянцевському описі Переяслава (історико-демографічний аналіз) // Краєзнавство. 2008. №1–4. С. 175–181.
29. ЦГИАК Украины. Ф. 57. Оп. 1. Кн. 278. Л. 81об.
30. Там же. Л. 124 об.
31. Перковський А. Указанное соч. С. 106–109.
32. ЦГИАК Украины. Ф. 57. Оп. 1. Кн. 278. Л. 124 об.
33. Там же. Кн. 341. Л. 12, 40об.
34. Там же. Кн. 148а. Л. 127об.–128.
35. Перковський А. Указанное соч. С. 107.
36. В.К. Малорусські похоронні обряди і повір'я // Киевская старина. 1890. № 8. С. 318.
37. Литвинова П. Какъ сажали въ старину людей старыхъ на лубокъ // Киевская старина. 1885. № 6. С. 354–356.

История демографической модернизации Северного Кавказа (конец XIX – первая четверть XX в.)

Статья посвящена анализу развития демографической модернизации на Северном Кавказе в период между переписями 1897 и 1926 гг., которые наиболее полно и точно зафиксировали состав и структуру населения. Верхняя граница исследования совпадает с принятием важного документа – Кодекса о браке, семье и опеке. Это напряженные годы российской истории. Авторы стремились определить особенности влияния исторического процесса на трансформацию региональной модели воспроизводства, выявить специфику демографического перехода на Юге России.

В последние десятилетия, когда пришедшая с Юга Планеты волна демографического взрыва встретила со снижением рождаемости в экономических развитых обществах, социальный заказ на всестороннее комплексное исследование населения приобрел особое значение. Напряженность, возникшая в результате неравномерности воспроизводства между богатым Севером и бедным Югом, формируя лавину новых проблем (стихийные миграции и связанная с ними социальная напряженность лишь одна из них), не теряет свою остроту.

К сожалению, в Российской Федерации прижились недостатки и модернизированного западного, и традиционного образа жизни. Репродуктивное поведение граждан – один из немногих социальных показателей, по которому Россия примыкает к сообществу развитых стран. Демографически избыточные государства нередко рассматривают Россию в качестве малонаселенной территории, оптимальной для миграционной экспансии, поскольку средняя плотность населения в стране в четыре с лишним раза ниже среднемирового уровня. И в этом контексте уместно вспомнить слова выдающегося российского ученого и общественного деятеля Д.И. Менделеева о причинах мировых конфликтов: «Войны же (как и переселения) ведут, прежде всего, из-за обладания землею, то есть чаще всего сообразно с теснотой населения» [1].

В РФ наметились положительные перемены: интенсивность деторождений во всех возрастах усилилась. Причем лидерами в процессе выступают республики Северного Кавказа: **Дагестан, Кабардино-Балкария, Ингушетия**.

В январе 2010 г. территории центральной и восточной части Северного Кавказа (в административно-территориальном делении – республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия – Алания, Чечня и Ставропольский край) выходят из состава Южного федерального округа, образовав отдельную единицу управления – Северо-Кавказский ФО. Это первое изменение системы федеральных округов с момента ее учреждения в 2000 г. президентом России В.В. Путиным. И сам факт свидетельствует о пристальном внимании власти к ситуации в регионе. Площадь Северо-Кавказского округа составляет около одного процента территории РФ. Центр Пятигорск – единственный из региональных «столиц» не является ни административным центром субъекта РФ, входящего в округ, ни крупнейшим городом округа. «Козырь» Пятигорска – географическое положение, оптимальная доступность для всех республик. Город не впервые становится своеобразной межрегиональной столицей. В 1934–1937 гг. здесь располагалось руководство Северо-Кавказского края.

По данным первой отечественной переписи 1897 г., на территории (Войска Донского, Кубанская и Терская области, Ставропольская и Черноморская губернии), ставшей основой образованного в 1924 г. Северо-Кавказского края, проживало 5 248 680 чел.; в 1926 г. население выросло до 8 364 086 чел. (8,8 % населения России) [2].

В конце XIX в. на Юге России грань между городом и *не-городом* часто не была четко выражена. Сочетание хозяйственно-бытовых (связи с земледелием) и религиозных факторов формировало сезонность брачности: в Ростове, Екатеринодаре, Владикавказе, Грозном, Ставрополе повышалось количество браков, заключаемых в феврале (перед Масленицей и Великим постом) и сентябре-октябре (после завершения цикла напряженных аграрных работ, между Успенским и Рождественским постами). «Пики» брачности во многом определяли сезонность зачатий/рождаемости.

Городские стереотипы поведения в наибольшей степени прослеживаются в повседневной жизни торгового приморского Таганрога. Модернизованность проявлялась в повышенном по сравнению с «сельским» возрастом вступления в брак, менее выраженном социальном контроле за матримониальным поведением и т. д. В целом, в начале XX в. на Юге России возраст вступления в первый брак даже у горожанок редко превышал 25-летний рубеж, большинство выходили замуж, не достигая двадцати лет [3].

В национальных областях установилась тенденция понижения относительного веса русских в составе населения городов: так, во Владикавказе в 1913 г. они составляли 67,1%, в 1926 г. – 57,7%; доля титульного этноса, напротив, растет [4].

На рубеже XIX–XX вв. Северный Кавказ (без Дагестана) выдвигается на первое место в стране по уровню рождаемости, сохраняя позицию до 1917 г. **Одна из основных причин – в составе населения региона по сравнению с другими территориями страны значительно повышался относительный вес репродуктивных возрастных групп.** Российская империя в свою очередь лидировала в Европейском рейтинге: уровень рождаемости почти в два раза превышал минимальный французский показатель, который не достигал 25‰.

Значительным в структуре смертности был удельный вес экзогенных факторов. В наибольшей степени их влияние проявлялось на юго-востоке региона (прежде всего – в Дагестане) и у калмыков. Основные составляющие естественного воспроизводства населения (брачность, рождаемость, смертность) в начале анализируемого периода имели выраженную сезонность. Большинство первенцев появлялось на свет в конце лета – осенью, когда период интенсивных сельскохозяйственных работ подходил к концу. Это повышало шансы ребенка выжить. Региональная специфика проявлялась в более выраженном по сравнению с другими российскими территориями «июльском пике» младенческой смертности.

Трудовой потенциал Северного Кавказа, представленный как совокупность возрастных когорт от 20 до 50 лет, составлял 38% населения региона. Аналогичный показатель империи – 37,5%. В Германии величина составляла 38,3 %, в США – почти 40,0 %. **Особенно завидным экономико-демографическим потенциалом обладала Черноморская губерния,** располагая и реальными, и потенциальными трудовыми ресурсами. В составе ее населения относительный вес возрастов от 20 до 50 лет повышался до 51,9% – один из максимальных показателей в мире; если добавить (на наш взгляд, подобное расширение оправдано аграрным характером Юга России и наиболее четко отражает реальную самодеятельность населения в условиях раннего включения подростков в трудовую деятельность) группы 10–19-летних, процент возрастет до 68,4 [5].

Накануне XX в. в составе населения Российской империи соотношение мужчин и женщин практически равное: на 1 000 мужчин приходилось 1 011 женщин; в модернизированной зарубежной Европе (Франция, Австрия, Германия, Бельгия) количество женщин превосходило число мужчин [6]. На Кубани, и особенно в Черноморской губернии, напротив четко обозначился «мужской перевес»: на 1 000 мужчин в Кубанской области приходилось 968 женщин (приблизительно столько же – в США), в Черноморской губернии – 707. Из восьмидесяти регионов Российской империи последний показатель – один из самых «нездоровых», ниже него – только уровни Приморской губернии (462 женщины на 1 000 мужчин) и острова Сахалин (373 женщины на 1 000 мужчин). В европейской же части России (объединенный показатель по 50 губерниям) в составе населения преобладали женщины: на 1 000 мужчин – 1 031 [7].

До начала Первой мировой войны большинство территорий региона отличалось гораздо большим коэффициентом брачности, чем Центр. Так, в 1911–1913 гг. средний уровень Европейской России составлял 8,1 браков на 1 000 чел., на Кубани же он в полтора раза выше – 12,0‰ [8]. Война вызвала уход мужчин призывных возрастов из мест постоянного проживания. Это привело к резкому падению брачности. В Екатеринодаре в «наполовину» мирном 1914 г. он составлял 8,7‰, в 1915 г. – 3,8‰ [9]. Если принять довоенный показатель за 100%, то уровень 1914 г. – 72,5%; 1915 г. – 31,7%.

С началом Первой мировой войны преимущественно в городах возросло количество внебрачных рождений. Все более распространенной в военные и первые послевоенные годы становится беспризорность.

Социально-демографический ущерб от мобилизационных мероприятий не ограничивался фронтовыми потерями и сокращением супружеской плодовитости в результате долгого отсутствия мужчин, приводя в ряде случаев к распаду семей. В первой половине 1920-х гг. миграционный поток выступал фактором оптимизации демографической ситуации, «выравнивая» гендерные диспропорции, сложившиеся у славянского населения в результате полосы войн и лет социальной напряженности. Половая структура менее призывных этносов осталась практически неизменной. На протяжении межпереписного периода (январь 1897 – декабрь 1926 гг.) диверсификация иммиграционных направлений стала более выраженной. В орбиту регионов-доноров вовлекались новые – все более отдаленные территории.

Несмотря на активное миграционное пополнение «демографическое эхо» потрясений 1914–1922 гг. **четко проявилось в гендерной и возрастной картине, представленной в материалах 1926 г. Мужская «половина» населения, непосредственно участвовавшая в военных действиях, пострадала несоизмеримо больше.** Это привело к тому, что традиционная проблема Северного Кавказа («недостаток» женщин) сменилась новой – их перевесом.

Анализ половозрастной структуры, зафиксированной переписью 1926 г., свидетельствует о вступлении региона в начальную стадию демографического перехода (урбанизированный Центр вошел в процесс модернизации в последней трети XIX в.), бурное развитие которого доказывают особенности динамики трех основных составляющих естественного движения населения – брачности, рождаемости, смертности. Происходит утверждение экономного типа воспроизводства, для которого характерны низкие уровни и рождаемости, и смертности. Демографический баланс восстановился на новом уровне.

После октября 1917 г. на смену христианско-патриархальной традиции семейной жизни приходят новые принципы ее организации. Некоторые городские слои (в частности, комсомольская молодежь) с готовностью восприняли «прогрессивные» социальные ценности: в их среде красные крестины, октябрины и свадьбы «без попа» быстро становятся распространенным явлением. Скорость свидетельствует – многие социальные институты, стереотипы поведения и нормы (например, пожизненный брак) действительно отжили свой век. Иным (по отношению к большинству нововведений) было отношение крестьянства.

На протяжении первой четверти XX в. набирала обороты обозначившаяся в конце XIX в. тенденция «растворения» казачества в общей массе сельского населения Юга: происходило нивелирование особенностей репродуктивного и матримониального поведения. Усиливалась тенденция понижения процента казачества в составе населения. Донской статистик З.И. Щелкунов отмечал: войсковое население области дает все меньший процент по сравнению с невойсковым. На 1 января 1903 г. войсковое население составляло 45,1%, спустя девять лет – 44,3%; причина – «за десятилетний период (1902–1911 гг. на 1 000 человек населения в крестьянские общества принималось ежегодно в среднем 20,8 человек, а в войсковое... зачислялось 1,4) [10]». Аналогичные процессы происходили и в других регионах Юга. Однако в середине 1920-х гг. казачеству удается сохранить не только специфические черты, характеризующие социально-экономический облик, но и особенности протекания демографических процессов (в частности – повышенный уровень рождаемости).

К сожалению, данные статистики не позволяют проследить дальнейшую динамику: после 1926 г. ни одна из отечественных переписей не отмечала принадлежности к казачеству. Феномен возрождения казачества как этносоциальной группы необходимо учитывать при составлении программы переписи, запланированной на 2010 г., статистических и социологических обследований.

Продолжение после Октября 1917 г. «**чеховской**» линии **жизнеохранительного поведения (активное противостояние смерти)**, отразившееся в увеличении средней продолжительности жизни (за период нэпа – на 10 лет), свидетельствовало о течении эпидемиологического перехода в русле общемировой логики развития процесса. Интенсивный рост временной продолжительности «старости» начинает трансформировать качественное, социокультурное содержание этого отрезка жизни. Впоследствии процесс приведет к своеобразной эмансипации лиц пожилого возраста, все более активному их участию в жизни социума.

Поскольку супружеские отношения в годы нэпа уже не отличаются дооктябрьской стабильностью, женщины вынуждены активнее стремиться к финансовой и социальной независимости. Происходит стремительная переоценка статуса детей и подростков, традиционных репродуктивных установок. Расширяется сфера социальных контактов ребенка. Дети из внутрисемейного достояния все больше становятся достоянием общества.

Последовательность стадий и социокультурных, экономических, медицинских детерминант развития эпидемиологического перехода на Северном Кавказе вплоть до конца XX в. проходила идентично общемировой динамике. В последней трети прошлого века русские края и области (как и большинство территории РФ [11]) вступили в процесс обратного эпидемиологического перехода. Положительный аспект социально-демографической ситуации в Северо-Кавказских республиках – в них в целом пока выдерживается логика общемирового развития социально-эпидемиологической модернизации.

Общероссийская специфика демографического перехода определялась тем, что модернизация воспроизводства населения проходила не только под влиянием эндогенных факторов социально-экономического порядка, «подобных действовавшим в странах Зарубежной Европы и Северной Америки, в Японии»: в стране усиливался «гибельный натиск экстремальных факторов», они «накладывали неизгладимый отпечаток на процессы демографического перехода, сдвигали во времени и меняли черты демографической революции» [12]. На Северном Кавказе на протяжении всего анализируемого периода их влияние оказывалось особенно выраженным. Накануне Первой мировой войны численность населения территорий, послуживших основой образованного в 1924 г. Северо-Кавказского края, составляла 8 млн 300 тыс. чел.; в 1920 г. – меньше почти на миллион. Если учитывать высокий темп предвоенного прироста, то демографическая цена возрастет до 20%. Столько, пожалуй, не потерял ни один другой регион. Основные причины – интенсивный призыв казаков на фронта Первой мировой и затяжной характер Гражданской войны.

Таким образом, следует констатировать отставание начала демографического перехода на Юге России от Центра и Северо-Запада страны. Вместе с тем процессу свойственен ускоренно-прерывистый характер развития. В первой трети XX в. в процесс демографической модернизации вступает лишь славянское население региона. Большинство титульных этносов Северного Кавказа сохраняет особенности расширенного типа воспроизводства.

Социокультурная специфика Северного Кавказа – в пограничности расположения на рубеже цивилизаций. Формируясь на границе православия и ислама, население региона не было в конце XIX – первой четверти XX вв. полностью единой общностью. Дифференцированность социально-демографического пространства сохраняется до сих пор, поскольку относительно индустриализированные области с преимущественно славянским населением и патриархально-аграрные «горские» территории модернизировались в неодинаковом темпе. Различия про-

являлись не только в социально-экономических уровнях (как правило, более низких у местных сообществ), но и в системе базовых ценностей, стереотипах репродуктивного и матримониального поведения. У каждого из титульных этносов Северного Кавказа в развитии демографических процессов присутствовала «своя» в той или иной степени выраженная специфика, все они располагались в разной удаленности от «полюса модернизированности».

Источники и литература

1. Цит. по публикации И. Молчанова // Новый мир. 1994. № 6. С. 184.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года: в 56 т. М., 1928–1935. Т. 5. С. 50.
3. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 80. Оп. 1. Д. 115. Л. 59.
4. Центральный государственный архив РСО – Алания (ЦГА РСО – А). Р-56. Оп. 5. Д. 278. Л. 5.
5. Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002. С. 50–51, 251.
6. Там же. С. 58.
7. Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 87–90.
8. Население и хозяйство Кубанского округа. Статистический сборник за 1924–1926 гг. (в двух томах) / Под общ. ред. В.И. Смирнского // Труды Кубанского окружного статистического отдела. Краснодар, 1928. Т. 2. С. 17.
9. Государственный архив Краснодарского края ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 23. Л. 9.
10. Щелкунов З.И. Состав и рост населения Области Войска Донского за 10 лет (1902–1911) // Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета. Новочеркасск, 1914. Вып. 12. С. 2.
11. См. об этом подробнее: Семенова В.Г. Демографический кризис в России с позиций обратного эпидемиологического перехода: Дис. ... д-ра экон. наук. С. 8.
12. Вересов Д. Историческая демография СССР. Benson, Vermont: Chalidze publication, 1987. С. 5.

Материалы региональных архивов – источник о разделе семьи у восточнославянских крестьян-переселенцев Дальнего Востока**

Материалы региональных архивов Дальнего Востока – Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), Государственного архива Амурской области (ГААО) и ряда других содержат немало сведений о демографических процессах, в том числе и о разделе семейных коллективов, которые в условиях Дальнего Востока имели свои особенности.

Среди восточнославянских крестьян-переселенцев в дальневосточный регион хотя и превалировали малые неразделенные семьи, но были и неразделенные семьи, так называемые «отцовские» или «братские», во главе которых стоял старший мужчина.

После крестьянской реформы 1861 г., по мере развития капиталистических отношений и отходничества, общей для страны тенденции к демократизации брачно-семейных отношений разрушались старые семейные традиции и понятия, подрывалась власть главы семейного коллектива и основы старой патриархальной семьи. Численность семейных разделов в России нарастала с каждым годом. Изданный 18 марта 1886 г. закон об ограничении семейных разделов не мог предотвратить этого прогрессирующего процесса. Интенсивно развивался он в конце XIX в. и среди дальневосточного крестьянства, имея здесь свои особенности, обусловленные спецификой социально-экономического развития региона.

Исследование этого явления имеет немаловажное значение, так как позволяет выявить не только тенденции развития семейного и хозяйственного быта, но и выявить характер межличностных и имущественных отношений в семьях крестьян-дальневосточников, проследить, в какой мере на них оказывали влияние сила старых и новых традиций, иные экономические и социально-демографические условия жизни дальневосточной пореформенной деревни, определить в этом процессе роль сельской общины.

Сельская община имела немалое значение в жизни крестьянской семьи. В свое время известный в России специалист по обычному гражданскому праву С.В. Пахман, объясняя постоянное вмешательство деревенской общины в семейный быт крестьянина, отмечал, что «...самое хозяйство крестьян, все их имущество и трудовые силы имеют для сельской общины весьма важное значение как источник и гарантия хозяйственных ее интересов...» [1]. Действительно, забота об имущественно-податной состоятельности крестьян была связана с коллективной ответственностью общины за полное и своевременное выполнение государственных повинностей. Именно поэтому в ее функции входили семейные разделы, вопросы опеки и попечительства, т.е. те проблемы, которые напрямую были связаны с состоянием имущества крестьянина, а, следовательно, и его состоятельностью по отношению к податной системе. Выполняла община и целый ряд других функций. Она помогала реализовывать нормы обычного права и общественное мнение селян, на нее возлагался контроль за нравственностью однообщинников, она регулировала семейно-брачные отношения (в том числе взаимоотношения супругов, родителей и детей, невесток и свекрови), разрешала внутрисемейные конфликты, ходатайствовала о воссоединении семей переселенцев и семейных разделах, рассматривала и другие вопросы. Все эти действия общины нашли отражение в жизнедеятельности крестьянина-дальневосточника в конце XIX – начале XX столетия.

Восточнославянское (русские, украинцы и белорусы) крестьянство, переселяясь на Дальний Восток в середине XIX – начале XX в., прибывало сюда, в основном, в составе малых, неразделенных семей, состоявших из родителей и их детей. Но были и большие, неразделенные семьи, так называемые «отцовские», в состав которых, помимо родителей и их малолетних детей, входили взрослые женатые сыновья со своими детьми или «братские» (два и более женатых брата со своими детьми). Для Дальнего Востока, как и для других осваиваемых регионов России, в первые десятилетия после поселения в новый край был характерен так называемый «вторичный» рост неразделенных семей. При обустройстве на новом месте семьи не только не делились, но и объединялись, так как подъем целинных земель, раскорчевка леса, обработка стодесятинных земельных наделов и др. работы требовали большого количества мужской рабочей силы и твердого руководства. Наличие в семье нескольких мужчин в рабочем возрасте в дальневосточном регионе необходимо было и для обработки довольно больших земельных наделов (100 дес. земли на семью), которыми наделялись крестьяне-старожилы до

* Аргудяева Юлия Викторовна (Владивосток) – главный научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор исторических наук, профессор, argudiaeva@mail.ru.

** Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Код проекта 09-И-П25-01.

1900 г. Сохранению большесемейного строя способствовали и базирование патриархальной крестьянской семьи на натуральном хозяйстве, однообразии хозяйственной обстановки, замкнутость земледельческой общины, ее определенная изолированность. В патриархальной семье и собственностью, и семейной кассой распоряжался глава семьи – старший мужчина, он же руководил семейным укладом. Сила патернализма, отцовской (братской) власти, поддерживаемая и государством, и традициями, и общиной была довольно велика.

По мере развития капиталистических отношений натуральное хозяйство разрушалось. Характерный для капитализма отход некоторых членов семьи на заработки, усиливший экономическую независимость отдельных членов семьи, общая для страны тенденция к демократизации брачно-семейных отношений и ряд других аспектов развития общества, разрушали старые семейные традиции и понятия, подрывали власть главы семейного коллектива и основы старой, патриархальной семьи. Начало ее распада в российской деревне относится к концу XVIII – началу XIX в., но особенно интенсивно этот процесс стал развиваться после крестьянской реформы 1861 г. Изданный 18 марта 1886 г. закон об ограничении семейных разделов не мог предотвратить этого прогрессирующего процесса. «Стремление к семейным разделам повсеместно и не только не ослабевает, но даже усиливается, – писал известный знаток крестьянского обычного права Н.Бржецкий, – отказы в допущении разделов или в признании уже совершившихся не достигают цели» [2].

Отметим, что проблема крестьянских семейных разделов оживленно обсуждалась в 70–90-е гг. XIX в. русскими публицистами. Выявлялись различные точки зрения на данное явление, подробно исследовались в разных губерниях России причины и следствия разделов [3]. К сожалению, семейные разделы, осуществлявшиеся крестьянами дальневосточного региона, практически никем не изучались. Между тем исследование этого явления позволяет выявить характер как демографических процессов, так и имущественных отношений в семьях крестьян – дальневосточников и проследить, в какой мере на эти явления оказывали влияние и сила старых традиций, и новые экономические и демографические условия жизни дальневосточной пореформенной деревни. На Дальнем Востоке частота семейных разделов стала нарастать, как и в европейской России, в конце XIX в. Вместе с тем были в этом процессе в Приамурье и Приморье и свои особенности, обусловленные спецификой социально-экономического развития осваиваемого региона в этот период.

Для того, чтобы осуществить раздел крестьянского хозяйства необходимо было иметь целый ряд документов: прошения главы крестьянского семейства, ходатайствующего о разделе его семьи на самостоятельные хозяйства; приговор сельского схода; копию посемейного списка о составе семейства просителя; донесение пристава определенного полицейского участка с заключением о возможности разрешения данного семейного раздела и представления окружного полицейского управления. С введением в начале XX в. института крестьянских начальников и местных по крестьянским делам присутствий, представители этих ведомств также принимали участие в решении данного вопроса. Последней инстанцией в рассмотрении дела о семейном разделе в дальневосточном регионе был гражданский или военный губернатор.

Одним из основных документов по крестьянским разделам был приговор того сельского общества, в котором состоял проситель. Сельский сход в составе не менее двух третей взрослых мужчин-однообщинников должен был определить экономическую состоятельность разделяющихся семей, способность их к самостоятельному ведению хозяйства и уплаты податей. Для этого выявлялась количество десятин земли на пахотных и усадебных участках выделяющихся семей, численность в них трудоспособных членов, наличие или отсутствие долгов по натуральным и денежным повинностям и возможность выделившихся домохозяев выполнять их в дальнейшем. Поэтому в приговорах непременно указывалось, что во вновь образуемых семейных коллективах имеется достаточное число «годных работников» («бойцов»), т.е. мужчин в возрасте 16-17 – 60 лет; сообщался состав семей с перечислением количества лиц мужского пола и их возраста, и общей численности лиц женского пола; определялась хозяйственное обеспечение новых семей (количество жилых и хозяйственных помещений, голов рабочих и нерабочих лошадей и рогатого скота, а также прочего скота; число сельскохозяйственных орудий с указанием их назначения; количество пудов пищевых и кормовых зерновых культур; размер десятин распаханной и приготовленной под пары земли и др.). Указывалось также, что разделяющееся домохозяйство отбыло все повинности, не имеет никаких задолженностей по податям и что средства, которыми будут располагать выделившиеся семьи вполне достаточны для развития отдельных самостоятельных хозяйств. В приговоре характеризовались и нравственные стороны членов семейства, в частности отмечалось, что никто из них «под судом и следствием не был и не состоит» [4]. Помимо этого, глава неразделенной семьи заявлял на сходе, что он обязуется снабдить выделившееся семейство всей домашней утварью и необходимой одеждой [5]. Если домохозяин был недоволен решением схода или сельское общество не соглашалось с ним по каким-либо вопросам, он мог подать жалобу в местное Особое по крестьянским делам присутствие.

Отметим, что без наличия какого-либо из этих перечисленных документов и прохождения этих инстанций, семейный раздел, как правило, не осуществлялся. К тому же, община в большинстве случаев стояла на защите интересов главы семьи и лишь в редких случаях шла навстречу молодой семейной паре. В этом отношении

примечателен случай, происшедший со старообрядцами Шатовыми, проживавшими в посту Камень-Рыболов Южно-Уссурийского округа. Глава семейства – Иван Шатов до 1872 г. отпускал несколько раз своего сына Игнатия на заработки в порт Владивосток. Игнатий отдал своему отцу практически все заработанные им деньги, на которые Иван Шатов выстроил дом и обзавелся скотом. Во время отсутствия Игнатия на заработках его жена оставалась дома и исполняла всю домашнюю работу весьма добросовестно, что подтверждало и общество крестьян поста Камень-Рыболов. Но несмотря на это, жена Ивана (мать Игнатия), неуживчивая по характеру, постоянно ссорилась с невесткой и даже наносила ей побои, объясняя это тем, что она учила молодую уму-разуму. Игнатий Шатов, не желая отдавать свою жену в обиду, захотел отделиться от отца, но, не получив от него согласия, ушел с женой на частную квартиру. Это не понравилось отцу, и он пожаловался на сходке обществу, которое и уговорило Игнатия вернуться к родителям. После этого Игнатий был вновь отправлен отцом на заработки во Владивосток. Жена же его оставалась в доме стариков и вновь по-прежнему подвергалась учению с побоями старухи Шатовой. Более того, по возвращению сына домой мать начала настаивать на том, чтобы он прогнал жену, а сам остался дома. Сын с этим не согласился и вновь ушел из дома отца. В ответ отец отобрал у молодых всю одежду, а мать подала жалобу военному губернатору Приморской области с просьбой принудить ее сына жить вместе с родителями. Губернатор запросил отзыв общества крестьян поста Камень-Рыболов, которое и сообщило, что «Игнатий Шатов и его жена...весьма хорошие люди, между тем как старуха Шатова настолько строптивого и злого характера, что никто не сможет с ней ужиться» [6].

Обычные мотивы семейного раздела у крестьян-дальневосточников, как об этом свидетельствуют архивные материалы, «неуживчивость» членов семьи, «нежелание подчиниться кому-либо», «ссоры и интриги баб», «большесемейность», «недруголюбие в семье», «начинающиеся раздоры в семье» и др. В качестве основного аргумента выдвигался обычно большой количественный состав семьи – этот мотив мы находим в документах о разделах у всех восточных славян (русских, украинцев, белорусов), а также их региональных и конфессиональных групп, в том числе у приверженцев официального православия, молокан и старообрядцев. Так, «...вследствие большого состава семейства» подал прошение на раздел своего хозяйства русский православный крестьянин Петр Савинов из д. Вознесенка Бельской волости Амурской области, семья которого состояла из 20 душ. Аналогичный по численному составу была семья старообрядца Лаврентия Шейкина из д. Николаевка той же Бельской волости; из 13 душ состояла семья молоканина Никандра Кузьмина из д. Тамбовка Гильчинской волости Амурской области и т.д. [7]. Следствием большесемейности, а также демократических преобразований в семейно-брачных отношениях, интенсивно развивавшимися в обществе в конце XIX в., были различные внутрисемейные конфликты, которые в иных семействах, очевидно, настолько обострялись, что это мешало полноценной хозяйственной жизни семьи. В частности, в раздельном приговоре на домохозяйство старообрядца Ильи Кустова, проживавшего в дер. Николаевка Бельской волости Амурской области и имевшего семью в 12 душ, говорилось, что «...большесемейность в крестьянской жизни постоянно вызывает разные мелкие домашние ссоры, неурядицы, обостряющие отношения членов семьи до того, что они нередко доходят до полной неприязни, что, конечно, не может не отразиться на их хозяйстве, требующем полной солидарности заинтересованных лиц» [8].

На рубеже XX в. были и семейные разделы, осуществлявшиеся постфактум. Так, семья молоканки Авдотьи Горченковой из д. Сергеевка Амурско-Зейской волости Амурской области, подавшей на сельский сход в 1897 г. словесную просьбу о разделе, фактически уже в течение десяти лет проживала тремя отдельными домохозяйствами. Иногда такие разделы происходили не только без согласия главы семейства, что свидетельствовало о разрушении патриархальной традиции строгого подчинения старшему в семействе, но и без разрешения общины. Так, при рассмотрении в феврале 1898 г. заявления о разделе семейства 57-летнего молоканина Леонтия Ивлиева Брагина из д. Тамбовка Гильчинской волости Амурской области, сельский сход в своем приговоре отметил, что «...большой его сын Павел Брагин в 1892 г. самовольно без общественного приговора отделился от отца...» [9]. В другом случае, в 1895 г., глава семьи, крестьянин с. Поповка Григорьевской волости Ханкайского участка Южно-Уссурийского округа Приморской области Александр Дидовец, сам пришел к мысли о семейном разделе. Он просил выделить в отдельное семейство его сыновей Ивана и Павла «...со всеми их семействами через их неповиновение родительской власти, чем они нарушают благосостояние всей моей семьи и препятствуют расширению хозяйства» [10]. В этой семье, очевидно, действительно часто складывались конфликтные ситуации, так как в общественном приговоре сельского схода было записано: «По соображению нашему Дидовец Александр выделил своих сыновей не потому только, чтобы приобрести стодесятинный надел, но что частые споры и не согласия с сыновьями влекут за собою расстройство хозяйства, непочтительность родителям и нарушают благоденствие всей семье» [11].

Структура разделившейся семьи могла быть различной. Отец семейства не всегда, как это следовало по традиции, оставался с младшим сыном. Судя по архивным документам, это мог быть и старший, и средний, как правило, уже женатый сын. Отделившаяся же от отца семья (или семьи – в случае деления одного домохозяйства на три самостоятельных) не всегда состояла из одного женатого сына с его детьми. Нередко в состав отделившихся

семей входили один-два женатых брата со своими детьми, а в иных случаях и их братья и сестры-подростки. Были и разделы братских семей, в том числе поэтапные. Так, в июне 1898 г. сельский сход д.Тамбовка Гильчинской волости Амурской области рассматривал просьбу о разделе русской семьи братьев-молокан Брагиных [12]. При этом выяснилось, что старший брат – Афанасий Ивлиев Брагин, еще в 1888 г. самовольно отделился от братской семьи. Оставшееся опять-таки братское семейство во главе с Василием, в 1898 г. решило разделиться на два самостоятельных, в одно из которых (11 душ) вошла семья Василия и его женатого брата Ивана, 22-х лет со своими детьми, в другое – семья женатого брата Сергея, 27-ми лет с его детьми и их младшего, еще холостого брата Николая, 17-ти лет [13]. В каждой из этих отделившихся семей было не менее двух полнокровных, «годных» работников-мужчин, которые обязаны были нести натуральные повинности, да еще мальчишки-подростки 10-16 лет, то есть мужской рабочей силы было достаточно.

Аналогичные разделы были и среди украинцев и белорусов Южно-Уссурийского округа. Так, в 1897 г. был разрешен раздел украинским семьям – «отцовской» Конона Кокая, проживавшей в с. Ивановка Ивановской волости Южно-Уссурийского акрая и «братской» Федора Коляды из с. Воздвиженка Суйфунской волости того же края [14], а в 1898 г. – белоруса Андрея Соломенного из с. Владимиро-Александровское Сучанской волости [15] Южно-Уссурийского края и др.

Следует отметить, что по принятому в Амурской области порядку раздел семейства разрешался только тогда, когда в семье было «не менее 2-х годных работников и полное домообзаводство для каждой семьи» [16]. Однако в виде исключения, в случаях, когда фактически самовольный раздел уже произошел и новые домохозяйства жили самостоятельно уже в течение нескольких лет, официально утверждали и разделы семей с одним работником [17].

Материальное обеспечение разделившихся семей могло быть как одинаковым, так и разным. Это зависело от воли главы семьи («большака»), численного состава разделившихся семей и, наконец, от решения сельского схода. Последний мог потребовать от главы семьи передачу выделяющейся семье определенного имущества. При этом конкретно перечислялось – что именно из жилых и хозяйственных построек, сельхозинвентаря, рабочего и нерабочего скота и т.п. должен был выделить «большак» [18]. Надо полагать, что решение схода зависело и от зажиточности главы домохозяйства, и, следовательно, его положения и веса в общине. Богатый хозяин при разделе всегда мог настоять на своих условиях.

Экономическая состоятельность сельского домохозяйина-дальневосточника базировалась прежде всего на обширном земельном наделе. С 60-х гг. XIX в. до 1900 г. каждая крестьянская семья в Приамурье и Приморье наделялась 100 десятинами земли. Причем во вновь образуемых селениях, заселявшихся как правило первоначально небольшим количеством семей, иногда в течение двух-трех десятилетий были свободные, выделенные для данного населенного пункта стодесятинные наделы (так называемые «номера»). Они предназначались для новых переселенцев. Но если к определенному моменту не все номера были заняты вновь прибывшими переселенцами, то эти стодесятинные наделы могли перейти в пользование выделившихся семей, причем прежние семейства, от которых отпочковались новые, также оставались с наделом в 100 десятин. И о выделении каждой, отделившейся, семье такого земельного надела специально оговаривалось в приговорах сельских сходов [19]. Причем интересы предполагаемых переселенцев не ущемлялись. Так, в 1895 г. в приговоре общества при разделе семьи Максима Гаркавого из уже упоминавшегося с. Поповка было сказано: «...раздел этой семьи не повлечет дальнейшего препятствия к принятию в село других переселенцев, так как селу отведено земли на 110 семей, а в настоящее время в селе 75 семей» [20].

Получение отделившимся домохозяйством стодесятинного надела и было одной из особенностей семейных разделов на Дальнем Востоке на рубеже XX столетия. То есть экономическая основа вновь образованного домохозяйства была обеспечена самым главным – землей.

В начале XX в. по мере увеличения на Дальний Восток переселенческого потока государство стало выделять уже по 15 дес. на мужскую душу. Запас удобных для хлебопашества земель в дальневосточном регионе к тому времени стал иссякать. К тому же в поселениях практически не осталось выделенных данной деревне свободных крестьянских наделов. Правда, к этому времени доля больших семей в дальневосточном регионе была небольшой. И все же такие семьи были. И хотя некоторые из них к этому времени фактически состояли в разделе уже в течение нескольких лет и хотели только разделить семьи официально, их стремление далеко не всегда достигало цели. К примеру, в 1907 г. сельское общество с. Бардагон Амурско-Зейской волости Амурской области направило крестьянскому начальнику 3-го участка Амурской области общественный приговор, где сообщалось, что в их деревне семь семей, состоявших из двух-трех братьев, фактически живут в разделе уже в течение нескольких лет (судя по документу – от 2-х до 18-ти лет – Ю.А.) и к настоящему времени из этих семейных коллективов образовалось уже 16 семей, каждое из которых имеет свою усадебную постройку и ведет самостоятельное хозяйство. Поэтому общество просило о предоставлении каждой выделившейся семье земельный надел в 100 дес. земли, на основании того, что надел с.Бардагон в свое время был образован по 100-десятинной норме на

каждую водворяющуюся в обществе семью. Рассмотрев это дело, Амурское по крестьянским делам присутствие сообщило крестьянам, что руководствуясь разъяснением Министерства Внутренних дел за 1901 г. о том, что земельные отводы разделившимся семьям не увеличиваются и что отделившиеся семьи с Бардагон в свое время переселились в Амурскую область в составе одной семьи и были водворены в Бардагонское сельское общество также в составе одной семьи, их прошение не имеет законных оснований к удовлетворению [21].

Такова краткая характеристика процессов семейных разделов и их особенностей в условиях Дальнего Востока России среди крестьян-переселенцев во второй половине XIX – начале XX в.

Источники и литература

1. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. СПб., 1879. Т. 2. С. 3.
2. Бржеский Н. Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902. С. 141.
3. См. важнейшие работы по этому вопросу: Ефименко А.Я. Трудовое право в крестьянской семье // Слово. 1878. № 1; Тютрюмов И. Крестьянское наследственное право // Слово. 1881. № 1; В.В. (Воронцов). Семейные разделы и крестьянское хозяйство // Отечественные записки. 1883. № 1; Исаев А. Значение семейных разделов крестьян // Вестник Европы. 1883. № 7; Андреев Ф. В защиту крестьянской семьи // Северный вестник. 1889. № 4; Личков Л. С. Крестьянские семейные разделы // Северный вестник. 1886. № 1; Колесников В.А. Причина крестьянских семейных разделов. Ярославль, 1898 и др.
4. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 1111. Л. 8.
5. Государственный архив Амурской области (далее – ГААО). Ф. 15-И. Оп. 1. Д. 121. Л. 22.
6. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 483. Л. 22об. Здесь и далее орфография и пунктуация документов сохранены полностью.
7. РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 4. Д. 723. Л. 32, 39 об., 72 об.
8. Там же. Л. 20 об.
9. Там же. Л. 49.
10. Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1111. Л. 2.
11. Там же. Л. 3.
12. Судя по всему это младшие братья уже упоминавшегося Леонтия Ивлиева Брагина.
13. РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 4. Д. 723. Л. 57 с об.
14. Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1277. Л. 2-2 об.
15. Там же. Д. 1404. Л. 432.-433.
16. Там же. Ф. 704. Оп. 4. Д. 723. Л. 95.
17. Там же.
18. ГААО. Ф. 15-И. Оп. 1. Д. 121. Л. 31 с об., 35 с об. и др.
19. РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 4. Д. 723. Л. 23 об., 35, 41, 57 об., 104 об. и др.
20. Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1111. Л. 8 об.
21. ГААО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 5. Л. 4-20.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА КУБАНИ. 1926–1945 гг.

Среди различных направлений научных исследований анализ демографической ситуации в отдельных регионах становится все более актуальным. Изучение регионогенеза многонационального Юга России – одна из наиболее важных проблем локальной истории.

В наши дни, в связи с неблагоприятной демографической ситуацией в России, существует потребность в тщательном анализе прошлого, формировании объективных выводов, в том числе и изучения исторического опыта отдельных территорий нашей страны.

События минувшего – ключ к настоящему. Мы обращаемся к ним, чтобы глубже и полнее осмыслить процессы, происходящие в демографической сфере сегодня, учесть накопленный позитивный и негативный опыт. В этом, прежде всего, мы видим актуальность ретроспективного изучения народонаселения.

Методологическое основание анализа демографической ситуации в указанный период – концепция демографической модернизации. Ее сущность в интерпретации Дж. Колдуэлла в следующем: «The demographic transition is the change in the human condition from high mortality and high fertility to low mortality and low fertility. Death is now less capricious and most people live long lives» [1]. (Демографический переход – изменение в человеческом жизненном цикле от высокой смертности и высокой рождаемости к низкой смертности и низкой рождаемости. Смерть теперь менее капризна, и большинство людей проживает долгую жизнь. – Ю.В.). Общероссийская специфика демографического перехода определялась тем, что его развитие проходило не только под влиянием эндогенных факторов: с самого начала развитие трансформировалось (по сравнению с европейской динамикой) в результате воздействия экзогенных факторов, которые долго не позволяли смертности стать «менее капризной». На Кубани на протяжении всей первой половины XX в. их влияние оказывалось особенно выраженным.

Привлечение в исследовании архивных источников, а также обращение к уже известным документальным материалам со сформулированными на современном методико-методологическом уровне вопросами позволили проследить специфические тенденции в истории развития демографического перехода на Кубани.

Объективное исследование демографических и социальных процессов в Краснодарском крае затруднено частыми перекройками административных границ. Поэтому мы систематизируем разрозненные и до сих пор не привлекавшие внимания сведения о территориальных изменениях, чтобы обеспечить репрезентативность статистики разных лет. По переписи 1926 г. Северо-Кавказский край имел территорию 293,4 тыс. км² и население 8364 тыс. чел. (без Дагестанской АССР). Еще 713 тыс. чел. проживали в трех округах, в 1921 г. переданных от Донской области к Царицынской губернии по мотивам «расказачивания» [2]. В 1934 г. Северо-Кавказский край разделился на Азово-Черноморский (центр – Ростов-на-Дону) и Северо-Кавказский (центр – Ставрополь) края. 13 сентября 1937 г. Азово-Черноморский край был разделен на Ростовскую область и Краснодарский край с входящей в него Адыгейской автономной областью.

Также особую ценность для исследователей имеет степень достоверности текущего учёта населения. Исходное дореволюционное состояние общества наиболее объективно отражено в материалах Центрального статистического комитета по состоянию на 1 января 1914 г. Перепись 28 августа 1920 г. смогла охватить лишь территории, где прекратилась гражданская война. В целом по стране было учтено более 70% жителей, а в Кубано-Черноморской области – 61% [3]. Среди методов переписи были опрос родственников и соседей, подсчёт по головам. В диссертации М.Ю. Макаренко говорится об отсутствии полных достоверных сведений о рождаемости и смертности на Кубани до 1923 г. [4]. Наиболее объективны итоги городской переписи 1923 г. и всеобщей переписи 1926 г.

Согласно материалам переписи 1926 г., совокупное население четырех округов Северо-Кавказского края, послуживших основой образования Краснодарского края – Армавирский, Кубанский, Майкопский и Черноморский (в состав этих округов не входил город Ейск и отдельные районы, по современному состоянию относящиеся к Краснодарскому краю: Ейский, Кушевский, Староминской, причисленные в 1925 г. к Донскому округу, и Белоглинский район, приписанный к Сальскому округу) – оставляло 3 038 052 чел., из которых 2 505 084 чел. (или 82,5% населения) проживали в сельской местности, остальные 532 998 чел. (17,5% населения) – в городах.

Кубань по своему составу отличается преобладанием молодого населения. Возрастная категория от 0 до 19 лет включает в себя 46,9% лиц в Черноморском, 48,6% – в Майкопском, 50,1% – в Армавирском и 50,6% в Кубанском округах. Эти показатели в целом соответствуют общероссийским данным, которые составляют 48,1%.

Зафиксированная переписью населения на Кубани в середине 1920-х гг. возрастная структура населения соответствовала прогрессивному типу, который, согласно шведскому демографу А.-Г. Судбергу, характеризуется высо-

---

* Вшивцева Юлия Викторовна (Краснодар) – кандидат исторических наук, Кубанский государственный университет.

кой долей детей (40%) и низкой долей людей старших возрастов (10%). Население при такой возрастной структуре характеризуется как молодое [5].

Перепись 1926 г. зарегистрировала изменения в половом составе населения Кубани в сравнении с предыдущим периодом. Если до революции и Гражданской войны здесь существенно преобладало мужское население, то процессы, проходившие в СССР в первой четверти XX в., значительно изменили эту ситуацию.

Согласно материалам переписи, по четырем округам в совокупности доля мужчин составляла 48%, женщин – 52%, или на 1000 мужчин приходилось 1085 женщин. Эти показатели несколько выше общероссийских.

Существовала определенная разница в соотношении полов по округам, особенно в Черноморском округе, где в противоположность другим территориям наблюдался незначительный перевес мужского населения.

Таким образом, анализ половозрастной структуры населения Кубани, зафиксированной переписью 1926 г., свидетельствует по основным показателям о вступлении региона в начальную стадию демографического перехода.

Основным источником для характеристики населения Краснодарского края в 1930-е гг. является перепись населения 1939 г. В указанный период на Кубани преобладали женщины. Следует отметить, что и в городе, и на селе соотношение полов было одинаковым (53% составляли женщины и 47% – мужчины) [6].

С 1939 г. В СССР распределение населения на городское и сельское осуществлялось на основе нескольких критериев. Для выделения городских поселений действовала система трех критериев: количественного, экономического и законодательного. Причем в советское время существовали значительные расхождения по республикам в количественной оценке минимальной численности населения для выделения населенных пунктов в разряд городских поселений.

Новый подъем городского развития был стимулирован форсированной «социалистической» индустриализацией 1930-х гг., обусловившей радикальный поворот в урбанизационном процессе. С тех пор урбанизация и «социалистическая индустриализация» стали, по словам А.С. Сенявского, неразрывны в истории советского общества [7].

Источником роста городского населения служат, как правило, сальдо естественного прироста, миграции и преобразование населенных пунктов в городские поселения. В разные периоды каждый из этих источников играет свою роль в формировании городского населения [8]. Изменение источников этого роста, наряду с динамикой численности и удельного веса городского населения, является важной характеристикой урбанизационного процесса. Процент городского населения в составе Краснодарского края (24,7%), он ниже, чем в целом по СССР (на 8,2 %) и РСФСР (на 9 %), это говорит о том, что в хозяйстве Краснодарского края в обозначенный период преобладал аграрный сектор.

Население Кубани накануне Великой Отечественной войны было молодым. Дети и подростки до 14 лет составляли 35,4% населения, лица в возрасте до 30 лет – 62,5%. Пожилые, старше 50 лет – 11,1%. Самый высокий процент населения приходился на возраст от 20 до 29 лет (19,3%), а самый низкий на 60 лет и старше (5,3%) [9]. Это свидетельствует о низкой нагрузке Краснодарского края пенсионерами и о наличии достаточного количества трудоспособного населения в крае.

В 1939 г. на Кубани грамотного населения было 83,7% [10], по сравнению с 1926 г. количество грамотных увеличилось на 27% [11], что свидетельствует о широком развитии в 1930-е гг. ликвидации безграмотности населения, впервые за сотни лет женщины в России массово были допущены ко всем видам обучения и образования.

В 1939 г. Краснодарский край продолжал оставаться многонациональным. Но соотношение этнических групп на его территории в конце 1920-х – 1930-е гг. менялось, и прежде всего, под воздействием экзогенных факторов.

Исторически сложилось так, что для Кубани характерным был значительный удельный вес украинцев за счет уездов бывшей Земли Войска Черноморского. В 1897 г. на их долю в Кубанской области приходилось 47,4%. По данным переписи 1926 г., в четырех округах Северо-Кавказского края – Кубанском, Армавируском, Майкопском и Черноморском – украинское население составляло 50,3%. В 1930-е гг. процент украинского населения, проживавшего на территории края, резко сократился (4,7%), одним из основных факторов воздействия на данный показатель стал процесс ассимиляции.

Ключевым событием в демографической истории СССР XX в. является Великая Отечественная война. По масштабам убыли населения она выделяется на фоне даже таких катастрофических событий времен Сталинского правления, как голод начала 1930-х гг. и второй половины 1940-х, политические репрессии.

Основной массив территорий Краснодарского края с конца лета 1942 г. до начала зимы 1943 г. находился в оккупации. Хроника событий указанного периода, судя по сохранившимся документам, не содержит четких дат – отдельные детали зафиксированы в актах краевой Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

На Кубани оккупанты проявили особую жестокость при уничтожении мирного населения. В местах массового истребления расстреляны или умерщвлены в походных газокамерах тысячи жителей края.

Люди также погибали вследствие резкого снижения уровня жизни: от холода, голода и эпидемий. По материалам Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), зимой 1942 г. медики столкнулись с эпидемией сыпного тифа. В декабре 1941 г. зафиксировано 29 случаев опасного заболевания, в январе 1942 г. – по неполным данным (без восьми районов) – уже 133, в феврале 1942 г. – 533 [12].

Данные текущего учета естественного движения населения Кубани за апрель 1942 г. свидетельствуют о повышении смертности: за месяц увеличение – на 9,5%, а в сравнении с апрелем 1941 г. (некоторые колебания уровня смертности также сезонны) – на 58,6%. В городах края в апреле 1942 г. смертность превысила рождаемость на 538 чел., при наличии в 1941 г. обратного явления, когда за этот же месяц родилось на 670 чел. больше, чем умерло. Таким образом, регион вступил в депопуляционное состояние, максимально выраженное в Краснодаре, Новороссийске, Армавире, Туапсе, Майкопе, Сочи [13].

Процесс снижения рождаемости на Кубани начался не сразу после вступления СССР в войну, что объясняется инерционностью этого элемента воспроизводства населения – девятимесячным временным лагом между зачатием и рождением. Согласно материалам Государственного архива Краснодарского края (далее – ГАКК), начало снижения рождаемости приходится на март 1942 г., в апреле ситуация принимает обвальный характер – уровень рождаемости на 17,6% ниже мартовского, а по сравнению с апрелем 1941 г. (сопоставление с идентичным месяцем проводим по причине сезонности процесса) сокращение – на 22,4% [14].

Войны XX в. в большей степени влияли на брачность сельского населения, поскольку для городов характерны концентрация военнослужащих, система «брони» для мужчин, работающих на военных предприятиях и в некоторых гражданских учреждениях. В селах же практически все мужчины призывного возраста подлежат мобилизации. В материалах ГАКК находим подтверждение: в военное время по сравнению с мирным (апрель 1942 г./апрель 1941 г.) в кубанских городах уровень брачности составил 45,9% довоенного уровня, в сельской местности – 37,7% [15].

До оккупации на 100 мужчин в возрасте от 16 до 55 лет в Краснодарском крае приходилось 112 женщин аналогичного возраста, после – 322 [16]. Один из самых (а, по всей видимости, – и самый) нездоровых (и это при том, что регион на протяжении всего XIX в. испытывал недостаток женщин) показателей по СССР. Причина – в аграрном регионе проживало меньше квалифицированных рабочих, сумевших получить бронь.

Важнейший демографический показатель – динамический ряд численности населения. Материалы региональных архивов не позволяют воссоздать погодную динамику, сохранилась информация лишь об общих (за весь период) изменениях. В документах ГАКК указано, что при определении показателей движения населения использованы материалы Краевой Государственной Чрезвычайной комиссии по определению ущерба, нанесенного немецкими оккупантами, и сохранившийся статистический материал Управления статистики. Численность населения края на 1 января 1941 г. составила **3 302 000 чел.**; на **1 января 1945 г. – 2 823 000**. Категории демографических потерь и структура прибывшего населения приведены достаточно подробно и в итоге указано, что население Кубани сократилось на 479 000 чел. (14,5%) [17]. Это больше, чем удельный вес потерь Первой мировой и Гражданской войн: в 1914 – 1922 гг. сокращение населения составило 12%. И в первом, и во втором случае регион пострадал в гораздо большей степени, чем большинство российских территорий.

Комплексное рассмотрение демографического облика Кубани в 1926–1940-е гг. и социально-демографических процессов, развернувшихся в условиях военного времени, позволяет сделать ряд обобщений и выводов.

Анализ структуры населения Кубани в 1920-е гг. свидетельствует о вступлении региона в первой половине 20-х гг. в начальную стадию демографического перехода. Кубанская специфика протекания демографического перехода проявилась, прежде всего, в сельских местностях региона, что во многом было обусловлено долгим сохранением там неевропейского типа брачности, традиционно присущего региону, подпитанному отсутствием мужчин в годы гражданской и особенно мировой войн – отсутствием, отложившим множество браков, а также сохранением высоких показателей рождаемости, что определялось экономическим благополучием региона, деревенской традиционностью в отношении вопросов, связанных со всем комплексом брачно-семейных отношений и т.д.

В 1930-е гг. черты, свойственные демографическому переходу к современному типу воспроизводства населения, проявлялись также слабо и непоследовательно в силу воздействия экзогенных факторов: среди городского населения, чаще среди служащих, имело место распространение, но не широкое, искусственного прерывания беременности.

В целом же, процесс демографического перехода на Кубани отставал от среднероссийских темпов. В России он развивался сложно и непоследовательно, имел прерывный характер. Перерывы (войны с тяжелыми демографическими последствиями) были масштабными и затяжными. Они послужили причиной глубоких и практически необратимых изменений в строении населения, которые не только затруднили процесс послевоенной компенсации рождаемости, но еще долго негативно влияли на тренды брачности и рождаемости, формируя так называемые «демографические волны».

Главными в этих изменениях являются трудновосполнимые изменения возрастной и половой структуры населения, которые могут быть быстро компенсированы только за счет масштабных миграций. Причины такого нарушения – повышенная смертность людей в период войны и, прежде всего, массовая гибель молодых мужчин на полях сражений. Немалое значение имеет также пониженная рождаемость в военные годы, которая приводит к существенной деформации возрастной пирамиды и сказывается на брачности много позднее, когда в брачный возраст вступают поколения, родившиеся в военные годы.

Источники и литература

1. Caldwell J.C. Demographic Transition Theory. Dordrecht, The Netherlands: Springer, 2006.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Окончательные итоги. М., 1928. Т. 3. С.454; Т. 5. С.46–50.
3. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьков Т. Л. Опыт оценки численности населения СССР. 1926–1941 гг.: Краткие результаты исследования // Вестник статистики. 1990. № 7. С. 8; Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. Краснодар, 1924. С. 145.
4. Макаренко М.Ю. Население Кубани в 1920–1926 гг. (историко-демографический аспект): Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1997. С. 48, 111–113.
5. Народонаселение: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 52–53.
6. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под. ред. Ю.А. Полякова. М., 1992. С. 23.
7. Сенявский А.С. Урбанизация в России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003. С. 115.
8. Сенявский А.С. Указ. соч. С. 117–118.
9. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под. ред. Ю. А. Полякова. М., 1992. С. 29.
10. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под. ред. Ю.А. Полякова. М., 1992. С. 40.
11. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под. ред. Ю.А. Полякова. М., 1992. С. 40.
12. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 406. Л. 1–3; Д. 300. Л. 17–19.
13. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. – Р. 1246. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.
14. Там же. Л. 10.
15. ГАКК. Ф. Р. - 1246. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.
16. Макаренко М.Ю. Влияние Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн на демографический облик Кубани // Великая Отечественная война в контексте истории XX века: Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2005. С. 139.
17. ГАКК. Ф. Р. - 1246. Оп.1. Д. 407. Л. 4.

Особенности смертности гражданского населения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

С самого начала войны в стране резко переменялась демографическая ситуация – значительно ухудшился состав населения в связи с призывом на фронт почти 14 млн. мужчин наиболее активного возраста. В процессах воспроизводства населения повсеместно обнаружались негативные тенденции, особенно в смертности. В прифронтовых областях это в огромной степени было вызвано потерями мирного населения при бомбардировках и артобстрелах, а также при эвакуации в тыл, которая также нередко осуществлялась под шквальным огнем противника. Подъему смертности способствовала и инфекционная заболеваемость, прежде всего, сыпным и брюшным тифом, которая при огромной скученности и отсутствии должного медико-санитарного контроля превратилась в неизбежного спутника эвакуации населения в тыл. Наряду с этим высокую летальность давали и такие заболевания, как пневмония, различные формы туберкулеза и другие.

Уже в 1942 г. смертность городского населения превысила довоенный уровень на 50%, а сельского – на 10%. Анализ помесечных колебаний смертности гражданского населения в 1941–1942 гг. показывает ее резкий подъем в августе-декабре 1941 г. и практически на всем протяжении 1942 г. В этот период смертность достигала очень высоких показателей – 23-25 случаев на 1000 населения и даже 28-33,6‰, что было значительно выше среднегодовых показателей. Максимальный прирост уровня общей смертности в 1942 г. (почти на 1/3) произошел в Ивановской, Вологодской, Архангельской, Калининской, Горьковской, Московской, Мурманской, Кировской, Молотовской, Свердловской, Ярославской областях, Марийской, Татарской, Чувашской, Удмуртской и Коми АССР. Иными словами, рост общей смертности отмечался практически повсеместно – как по прифронтовым и освобожденным областям, так и в районах глубокого тыла [1].

В последующий период войны своеобразие общей динамики смертности определялось уже позитивными тенденциями в сторону ее постепенного снижения. Начиная с 1943 г. смертность мирного населения постоянно снижалась, причем в довольно быстром темпе. К концу войны ее общий уровень понизился, и не только по сравнению с самым тяжелым 1942 г. (почти на 80%), но и относительно предвоенного периода (в 2 раза).

Крайне тяжелая демографическая ситуация, прежде всего, в процессах смертности, сложилась на оккупированной территории. Временной оккупации подверглась значительная территория страны, площадью почти 2 млн. кв. км, где до войны проживало 86 млн. чел. или 45% общей численности населения Советского Союза. Из этого числа свыше 15 млн. чел. было эвакуировано на восток, в основном женщин и детей, почти столько же мужчин дееспособного возраста ушло на фронт, но на занятой территории оставалось свыше 50 млн. Население за период оккупации весьма значительно уменьшилось – многие были уничтожены физически или погибли от голода и болезней, немалая часть молодежи была насильно угнана в Германию. На конец войны (май 1945 г.) в освобожденных районах страны оставалось всего 62 млн. чел., т.е. на 24 млн. меньше, чем до войны [2].

Точной цифры гражданских жертв немецкого оккупационного режима, погибших при бомбардировках, обстрелах, карательных рейдах и массовых расправах, нет. По приблизительным оценкам специалистов, во временно захваченных областях СССР от преднамеренных злодеяний оккупантов, а также в результате голода, непосильного труда, массовых эпидемий и отсутствия медицинской помощи погибло от 7 до 8,5 млн. мирного населения, среди которых наибольшие жертвы пришлись на западные районы страны. Эти общие цифры включают и 1,8 млн. жителей, преднамеренно истребленных на оккупированной территории РСФСР [3].

Начало освобождению занятых врагом территорий положила победа советских войск под Москвой в конце 1941 г., когда Красная Армия вытеснила гитлеровцев из ранее захваченных центральных областей. Уже первые данные эпидемиологической разведки Наркомата здравоохранения СССР, непосредственно следовавшей за советскими войсками, свидетельствовали об ужасающем состоянии здоровья населения, массовых эпидемиях и болезнях. В период фашистской оккупации наиболее характерными чертами быта являлись антисанитария, болезни, расстрелы мирного населения и в целом очень высокий уровень смертности. Практически повсеместно в ранее занятых фашистами районах Калининской, Тульской, Смоленской и Московской областей советские органы здравоохранения выявляли массовую заболеваемость сыпным тифом. После освобождения Смоленской области только за первые 5 месяцев 1942 г. медики зафиксировали свыше 2,3 тыс. случаев сыпного тифа, и эта заболеваемость еще долго поддерживалась за счет освобождавшихся от оккупации населенных пунктов. Такая же

* Вербницкая Ольга Михайловна (Москва) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, verb-olga@yandex.ru.

опасная картина после освобождения была в Тульской области, где на подвергавшиеся оккупации районы приходилось от 1/3 до 50% общей заболеваемости сыпным тифом и т.д.

Более двух с половиной лет значительная часть Ленинградской области, на территории которой до войны проживало около 1,4 млн. чел., находилась в фашистской оккупации. Оккупанты сжигали целые деревни (в Мгинском, Лужском, Красносельском и Славковском районах), расстреливали и вешали мирных жителей. Больных они, как правило, не госпитализировали, но, боясь распространения инфекции, запрещали контактировать с ними, кормить и выхаживать. Известны случаи, когда оккупанты в населенных пунктах умерщвляли и сжигали инфекционных больных. В результате к началу марта 1944 г. по 30 районам области общая численность населения сократилась до 313,4 тыс. чел., т.е. в 4,5 раза по сравнению с 1939 г. [4].

Санитарное положение в подвергавшихся оккупации областях усугублялось тем, что фашисты после себя оставляли разрушенную водопроводную сеть, взорванные артезианские колодцы, что вынуждало население пользоваться водой из открытых водоемов (рек, озер) или колодцев. Было разрушено большинство бань и прачечных, а водоснабжение резко ухудшилось, мыла у населения совсем не было. Это способствовало распространению массовой завшивленности, выявленной во всех районах. Особенно страдали от нее детские приюты, дома инвалидов и население, проживавшее в землянках [5].

В 1943 г. эпидемическая заболеваемость сыпным и брюшным тифом распространилась на значительную часть территории РСФСР. Основной причиной этого были недостаток доброкачественной питьевой воды и теснота жилищ как следствие военных разрушений при оккупационном режиме. Эпидемии не знали границ – их очаги вспыхивали в тыловых и прифронтовых областях. И все же наиболее массовый прирост заболеваемости отмечался в 12 освобожденных областях России. Например, в Курской области число заболевших брюшным тифом в 2,4 раза превысило уровень 1940 г., в Орловской – наполовину, в Ростовской – на 41%, Сталинградской области и Ставропольском крае – более чем на 1/3. В ранее оккупированных районах Ленинградской области пораженность чесоткой достигала 80-100%. Во многих областях сразу после освобождения увеличилось и число малярийных больных.

К чести советских медиков следует подчеркнуть, что они даже в условиях огромных разрушений сумели развернуть в бывших оккупированных областях лечебную и противоэпидемическую работу, а также временные госпитали для всех заразных больных. Население проходило специальную санитарную обработку, получало предохранительные прививки от острозаразных инфекций. И все же уровень смертности от массовых остроинфекционных заболеваний (сыпного и брюшного тифа, малярии и других) был высоким [6].

Важно подчеркнуть, что подъем смертности в годы Великой Отечественной войны оказался относительно кратковременным – лишь 1941–1942 гг. Уже с третьего года войны, как подчеркивалось ранее, началось ее неуклонное снижение. Примечательно, что в пределах сопоставимой территории за 1941 г. было зафиксировано 2 млн. смертей (в 1940 г. – 2,1 млн.). В то же время за весь последующий 4-летний период войны (1942–1945 гг.) по той же территории это число составило суммарно 6,5 млн., т.е. в среднем 1,6 млн. случаев смерти в год, или на 0,5 млн. меньше.

За период войны изменилась и возрастная структура смертности. Если до войны – в течение 1930-х гг. – в целом по стране максимум смертей фиксировался по самым младшим возрастным группам (детям до 4-х лет), то с 1942 г. возрастная поляризация в картине общей смертности населения лишилась данной четкости. С этого времени стал отмечаться рост доли умерших в трудоспособном возрасте (от 30 лет и старше), а также пожилых, что отчасти объяснимо последствиями падения рождаемости и соответствующего снижения доли детей.

Анализ структуры смертности населения РСФСР по причинам выявляет в основном ее экзогенный характер в годы войны. Так, максимальное число умерло от туберкулеза органов дыхания и других его форм – от этого в 1943 г. в городах РСФСР скончалось около 100 тыс. чел. На втором месте по количеству смертей – крупное воспаление легких и прочие его виды (примерно 80 тыс.); далее – онкологические заболевания (свыше 26 тыс. чел.); дизентерия взрослых и детей (16,5 тыс.); токсическая диспепсия (13,6 тыс.); острый гастроэнтероколит до 3-х лет (12,6 тыс.), и тот же диагноз, но у населения от 3 лет и старше (14 тыс.) и т.д. [7].

Быстро росла на первом этапе войны и материнская смертность. Как следует из данных по 45 городам страны, ее основной причиной являлся рост летальности от сепсиса (заражения крови). Согласно статистике, в 1940 г. от этого диагноза умерли четыре женщины на каждые 10 тыс. населения, в 1941 г. – пять, в 1942 г. – восемь, в 1943 г. – семь, в 1944 г. – снова четыре и в 1945 г. – три. Высокой оставалась и смертность от родов и послеродовых болезней, которая и в 1944 г. все еще оставалась на уровне 1940 г. Но особенно велик был вклад (от 30 до 55%) в материнскую смертность от абортов [8].

Одной из главных составляющих роста смертности в 1941–1942 гг. стал рост младенческой смертности (в возрасте от 0 до 1 года). Данная смертность в СССР традиционно была высока. Но начавшаяся война и обусловленное ею ухудшение санитарно-бытовых условий жизни крайне негативно отразились на детском здоровье и привели к еще большему росту детской смертности.

Самые младшие группы населения – маленькие дети до 1 года – всегда более других страдали от войны, что подтверждено историческим опытом. Например, в годы Первой мировой войны смертность детей до 1 года заметно увеличилась во всех принимавших в ней участие странах. В Италии, например, в 1918 г. она была на 50% выше, чем в 1914 г.; в Германии в 1916 г. – на 30% выше, чем в 1913 г.; во Франции – в 1915 г. на 35% выше, а в 1918 г. – на 28,4% выше, чем в 1914 г. и т.д. В России картина роста младенческой смертности характеризовалась такими же тенденциями [9].

В годы Великой Отечественной войны, как и общая смертность, максимально высокой младенческая смертность была в 1941–1942 гг. Много детей погибло под бомбами во время эвакуации, а также из-за отсутствия лекарств, недостаточного питания, что пагубно отражалось и приводило к преждевременной смерти. В годы войны СССР потерял огромное число своих младенцев: в 1941 г. – умерло 584060 детей, не достигших возраста одного года, в 1942 г. – 534767, но уже в 1943 г. – 15929, т.е. меньше в 3–3,4 раза соответственно [10].

Обращение к помесечным данным детской смертности показывает ее зависимость от времени года, когда происходило ее увеличение от той или иной причины. Так, от сыпного тифа больше всего умирало в январе; от кори – в январе-марте; скарлатины – в феврале-апреле, а также с августа и до конца года; от коклюша – в марте; механических травм – с сентября до конца года. На последнем этапе войны детская смертность продолжала снижаться, несмотря на заметный подъем рождаемости. Хотя детей стало рождаться больше, показатели младенческой смертности (до 1 года) неуклонно снижались – с 237 на 1000 родившихся (в 1942 г.) до 78‰ (в 1945 г.), т.е. ровно в 3 раза. В результате к 1945 г. по сопоставимой территории РСФСР младенческая смертность понизилась до 11,4‰ по сравнению с 14,5‰ (в 1944 г.) и 23‰ (в 1942 г.). Эти цифры свидетельствуют, что снижение младенческой смертности не было лишь автоматическим следствием падения рождаемости.

В 1943 г. младенческая смертность существенно снизилась, главным образом, за счет желудочно-кишечных инфекций, буквально косивших младенцев в жаркое время года. Наиболее существенное снижение смертности детей до одного года произошло в городах Казани, Горьком, Тбилиси, Ереване и Москве. Однако даже при этом структура детской смертности сохраняла свои негативные особенности за счет подъема смертности от воспаления легких (в 2–3 раза) и туберкулеза. Характерно, что в сельском населении младенческая смертность (до 1 года) была на 15–20% ниже, чем в городских поселениях [11].

Следует подчеркнуть, что детская смертность во многих областях РСФСР оставалась очень высокой и к концу войны. В Ленинграде за первое полугодие 1945 г. в среднем из каждых 100 родившихся умерло, не дожив до одного года, 19,6 младенцев; в Москве – 13,7, Горьком – 11,8, Свердловске – 11,6, в Кировской области – 13,6, Ярославской – 12,7, Ивановской области – 11,5, в Удмуртской АССР – 11 и т.д. В 1945 г. высока была смертность детей от пневмонии, токсической диспепсии, врожденной слабости, а также от дифтерии, дизентерии, гемоколита и туберкулеза. Весьма серьезной причиной смертности детей до одного года оставались детские болезни, особенно корь, уровень летальности от которой в 1944 г., например, имел чрезвычайно высокие показатели: 65,8 (в расчете на 10 тыс. населения). Это было в 4,5 раза выше, чем смертность от скарлатины, дифтерии и коклюша вместе взятых. Тем не менее по сравнению с 1940 г. в целом заболеваемость детей инфекционными болезнями на последнем этапе войны снизилась [12].

Непосредственной причиной значительного роста детской смертности в период войны являлось некачественное питание маленьких детей, лишенных грудного вскармливания. Трудности военного времени, острый дефицит продовольствия в стране стали основными причинами, от которых, прежде всего, погибали малые дети. Многочисленные проверки детских яслей и домов ребенка по всей стране выявляли тяжелейшую ситуацию с питанием детей-сирот. Проверка в Чите (ноябрь 1943 г.) выявила, что все детские молочные кухни города систематически недополучали основного продукта детского питания – молока. Аналогичное положение со снабжением детей молоком создалось практически повсеместно. Дети недополучали молока в городе Куйбышеве, в Молотовской, Саратовской, Ростовской, Челябинской, Омской и других областях. Еще хуже обстояло дело с молоком в Средней Азии, куда тоже было эвакуировано значительное число российских детей. Отсутствующие продукты в питании маленьких детей пытались заменить – например, вместо сливочного масла часто выдавалось растительное. Когда не хватало манной крупы, вместо нее варили овсянку, сечку, лапшу и другие крупы, непригодные для питания младенцев [13].

И все же проявившаяся в военные годы тенденция к снижению детской смертности стала важнейшим позитивным итогом демографических процессов в годы войны. И хотя ее показатели в 1945 г. (7,8‰ по СССР) оставались все еще высоки, особенно на фоне зарубежных стран Европы, их уже нельзя было назвать печально-рекордными. В период Второй мировой войны детская смертность повышалась во всех оккупированных европейских странах.

В целом, воспроизводству населения в районах СССР, подвергавшихся вражеской оккупации, в течение 1941–1945 гг. был нанесен заметно больший урон, чем тыловым областям. После окончательного освобождения в 1944 г. выяснилось, что по всем 12 освобожденным территориям РСФСР (Воронежской, Курской, Ростовской,

Смоленской, Ленинградской, Орловской, Грозненской областям, Краснодарскому и Ставропольскому краям, Кабардинской, Северо-Осетинской и Дагестанской АССР) наблюдалась естественная убыль населения из-за повсеместного превышения чисел умерших над родившимися (за исключением Кабардинской АССР) [14].

Итоги естественного движения населения РСФСР за 1941–1945 гг. отражали, прежде всего, потери от снижения рождаемости и роста смертности на начальном этапе войны. Естественный прирост населения в 1941 г. резко снизился, хотя по инерции еще сохранял положительное значение (12,6‰). В 1942–1944 гг. естественного прироста не было ни в городском, ни в сельском населении. Но уже в первой половине 1945 г. в стране началось восстановление свойственного ей уровня воспроизводства населения. К этому времени произошли существенные изменения – уровень смертности гражданского населения заметно снизился и приблизился к показателям большинства европейских стран.

Источники и литература

1. Население России в XX в. Исторические очерки. Т. 2: 1940–1959 гг. М., 2001. С. 87; ГАРФ. Ф. Р- 8009. Оп. 32. Д. 116. Л. 27.
2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2242. Л. 4.
3. Земсков В.Н. Рождение «второй эмиграции». 1944–1952 гг. // СОЦИС. 1991. № 4. С. 8; Людские потери в СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995. С. 124.
4. ГАРФ. Ф. Р-9226. Оп.1. Д. 507. Л. 4-об.
5. Там же. Ф. Р-8009. Оп. 32. Д. 172. Л. 139, 139-об.
6. Там же. Д. 1886. Л. 4,5; Ф. Р-9226. Оп.1. Д. 507. Л. 5-6.
7. Там же. Д. 1886. Л. 214-215.
8. Там же. Д. 246. Л. 326.
9. Там же. Д. 108. Л. 41.
10. Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002. С. 132.
11. ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 32. Д. 249. Л. 54.
12. Там же. Д. 249. Л. 27.
13. Там же. Д. 245. Л. 289.
14. Там же. Л. 287, 288.

Динамика численности коренных малочисленных народов Севера и современная этническая структура населения Российского Севера

Проблемы малочисленных аборигенных народностей Севера приобрели государственное значение уже в первые годы существования советской власти и оставались в центре внимания органов государственной власти на протяжении всего советского периода истории. Принятый в 1920-е гг. официальный список из 26 коренных малочисленных народов Севера, которые вели традиционный образ жизни, занимаясь оленеводством, охотой, рыбным и зверобойным промыслами, оставался неизменным до начала 1990-х гг. Коренными малочисленными народами Российского Севера были признаны алеуты, долганы, ительмены, кеты (енисейцы), коряки, манси (вогулы), нанайцы (гольды), нганасаны (тавгийцы), негидальцы, ненцы (самоеды), нивхи (гиляки), ороки (ульга), орочи, саамы (лапландцы, лопари), селькупы (остяки-самоеды), тофалары, удэгейцы, ульчи, ханты (остяки), чуванцы, чукчи, эвенки (тунгусы), эвены (ламуты), энцы (карасинские самоеды), эскимосы, юкагиры.

По данным всеобщих переписей населения, численность коренных малочисленных народов Российского Севера постепенно росла. В период с 1959 по 1989 г. общая численность 26 коренных малочисленных народов Севера увеличилась с 129,6 до 140,0 тыс. чел., или в 1,4 раза. Однако при этом их удельный вес в общей численности динамично развивавшегося населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей снизился с 3,4 до 1,9%. За рассматриваемый период численность всего населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей увеличилась с 3,8 до 9,8 млн. чел., или в 2,6 раза, что вызвало повышение их доли в общей численности населения России с 3,2 до 6,6% (табл. 1).

Таблица 1

Изменение общей численности коренных малочисленных народов и их доли в населении районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей (по данным переписей населения 1959–1989 гг.)

Показатели	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
1	2	3	4	5
Численность населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, млн. чел.	3,8	5,4	7,7	9,8
Численность населения 26 коренных малочисленных народов Севера, тыс. чел.	129,6	151,3	156,6	181,5
Доля коренных малочисленных народов Севера в общей численности населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, %	3,4	2,8	2,0	1,9

Составлено по: Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990; Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федеральная служба гос. статистики; Т. 4).

В период с 1959 по 1989 г. практически все малочисленные народности Севера, за исключением селькупов, показали положительную динамику демографического развития. При этом более чем в 2 раза увеличилась численность юкагиров (275%) и ительменов (218,2%), в 1,5-2 раза – нанайцев (150,6%), эскимосов (154,5%), ульчей (160%), долганов (169,2%), нганасанов (185,7%) и эвенов (190%), в 1,3-1,5 раза – чукчей (129,1%), удэгейцев (135,7%), тофаларов (140%), манси (142,9%), коряков (143,5%), алеутов (150%) и ненцев (150%), в 1,1-1,3 раза – кетов (110%), орочей (112,5%), хантов (116,1%), нивхов (124,3%) и эвенков (124,6%). Между тем в течение рассматриваемого периода практически не изменилась численность саамов, в 1970–1980-е гг. стабилизировалась численность кетов и наметилось снижение численности орочей (табл. 2).

* Обедков Анатолий Павлович (Сыктывкар) – кандидат географических наук, доцент Сыктывкарского филиала СПбГУСЭ.

**Динамика численности малочисленных народностей Севера
по данным переписей населения 1959–1989 гг., тыс. чел.**

Национальности	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	Прирост 1989 г. к 1959 г., %
1	2	3	4	5	6
1. Алеуты	0,4	0,4	0,5	0,6	150
2. Долганы	3,9	4,7	4,9	6,6	169,2
3. Ительмены	1,1	1,3	1,3	2,4	218,2
4. Кеты	1,0	1,1	1,1	1,1	110
5. Коряки	6,2	7,4	7,6	8,9	143,5
6. Манси	6,3	7,6	7,4	9,0	142,9
7. Нанайцы	7,9	9,9	10,4	11,9	150,6
8. Нганасаны	0,7	0,8	0,8	1,3	185,7
9. Негидальцы	–	0,5	0,5	0,6	
10. Ненцы	22,8	28,5	29,5	34,2	150
11. Нивхи	3,7	4,4	4,4	4,6	124,3
12. Ороки (ульта)	–	–	–	0,2	
13. Орочи	0,8	1,0	1,0	0,9	112,5
14. Саамы	1,8	1,8	1,8	1,8	100
15. Селькупы	3,7	4,2	3,5	3,6	97,3
16. Тофалары	0,5	0,6	0,6	0,7	140
17. Удэгейцы	1,4	1,4	1,4	1,9	135,7
18. Ульчи	2,0	2,4	2,5	3,2	160
19. Ханты	19,2	21,0	20,7	22,3	116,1
20. Чуванцы	–	–	–	1,4	
21. Чукчи	11,7	13,5	13,9	15,1	129,1
22. Эвенки	24,0	25,1	27,9	29,9	124,6
23. Эвены	9,0	11,8	12,5	17,1	190
24. Энцы	–	–	–	0,2	
25. Эскимосы	1,1	1,3	1,5	1,7	154,5
26. Юкагиры	0,4	0,6	0,8	1,1	275
Итого:	129,6	151,3	156,6	181,5	140,0

Составлено по: Народы России: энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994; Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990; Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федеральная служба гос. статистики; Т. 4).

Суммарная численность выделенных в советское время 26 коренных малочисленных народов Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока непрерывно росла. Однако темпы их роста были неодинаковы за различные межпереписные периоды. С 1959 по 1970 г. общая численность малых народов этой группы увеличилась на 16,7%, с 1970 по 1979 г. – на 3,5%, с 1979 по 1989 г. – на 15,9%. В общем итоге это вызвало абсолютный рост численности коренных малочисленных народов Севера с 1959 по 1989 г. на 51,9 тыс. чел., или на 40%.

В связи с расширением территориального состава районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, которое произошло в первой половине 1990-х гг., возникла необходимость в пополнении списка коренных малочисленных народов Севера за счёт ряда малых народностей, которые вели традиционный образ жизни, проживая в горных районах южной Сибири, а также севера и юга Дальнего Востока. Первоначально в число коренных малочисленных народов Севера были включены тазы и шорцы, учёт которых был положен переписью населения 1989 г. Последние коррективы в официальный перечень коренных малочисленных народов Севера внесла перепись населения 2002 г. Ею впервые была учтена отдельно и в составе других народов численность

13 новых этнических общностей Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока. В их числе – камчадалы, керекы, коми-ижемцы, кумандинцы, поморы, сойоты, теленгиты, телеуты, тубалары, тувинцы-тоджинцы, челканцы, чулымцы и юги. С учётом последних изменений список коренных малочисленных народов Севера включает более 40 народностей и этнографических групп. В межпереписной период их общая численность увеличилась на 76,8 тыс. чел. (или на 38,6%) и на дату переписи населения 2002 г. достигла 275,8 тыс. чел. При этом их доля в общей численности населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей составила 2,5%. Столь беспрецедентный за сравнительно небольшой период рост численности малых народов Севера был вызван главным образом обстоятельствами искусственного характера, связанными с расширением списка коренных малочисленных народов и желанием ряда опрошиваемых в ходе переписи заявить о себе как о представителе этой группы самобытных этносов. Определённый вклад в увеличение численности коренных малочисленных народов Севера внёс положительный естественный прирост, который с середины 1990-х гг. до 2002 г. превысил 7 тыс. чел.

В период между переписями населения 1989 и 2002 г. 23 коренных малочисленных народа Севера увеличили свою численность, один (нанайцы) – стабилизировал и четыре – уменьшили. Однако темпы изменения численности у разных северных народностей и этнических групп существенно различались. В абсолютном выражении наибольший рост в межпереписной период произошёл у ненцев (7,0 тыс. чел.), хантов (7,0 тыс.), эвенков (5,0 тыс.), манси (3,7 тыс.) и эвенов (2,0 тыс.), которые в совокупности обеспечили 77,9% всего прироста численности коренных малочисленных народов Севера, учтённых двумя последними переписями населения. Ещё более впечатляющими являются показатели относительного роста численности коренных малочисленных народов Европейского Севера, а также северных территорий Сибири и Дальнего Востока (табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности и рейтинг коренных малочисленных народов Севера России, учтённых в переписях населения 1989 и 2002 гг., тыс. чел.

Коренные малочисленные народы Севера	Рейтинг коренных малочисленных народов Севера по численности населения, тыс. чел.		Место, занимаемое коренным малочисленным народом Севера по численности населения		Прирост численности населения коренных малочисленных народов Севера за межпереписной период	
	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.	тыс. чел.	%
1	2	3	4	5	6	7
1. Ненцы	34,0	41,0	1	1	+7,0	120,6
2. Тувинцы-тоджинцы	–	36,0		2	36,0	–
3. Эвенки	30,0	35,0	2	3	+5,0	116,7
4. Ханты	22,0	29,0	3	4	+7,0	131,8
5. Эвены	17,0	19,0	4	5	+2,0	111,8
6. Чукчи	15,0	16,0	6	6	+1,0	106,7
7. Шорцы	16,0	14,0	5	7	-2,0	87,5
8. Нанайцы	12,0	12,0	7	8-9	0	100
9. Манси	8,3	12,0	9	8-9	+3,7	144,6
10. Коряки	8,9	9,0	8	10	+0,1	101,1
11. Долганы	6,6	7,0	10	11	+0,4	106,1
12. Нивхи	4,6	5,0	11	12	+0,4	108,7
13. Селькупы	3,6	4,0	12	13	+0,4	111,1
14. Ульчи	3,2	3,0	13	14-18	-0,2	93,7
15. Ительмены	2,4	3,0	14	14-18	+0,6	125
16. Телеуты	1,7	3,0	17-18	14-18	+1,3	176,5
17. Кумандинцы	–	3,0	–	14-18	3,0	–
18. Теленгиты	–	3,0	–	14-18	3,0	–
19. Удэгейцы	1,9	2,0	15	19-25	+0,1	105,3
20. Саамы	1,8	2,0	16	19-25	+0,2	111,1
21. Эскимосы	1,7	2,0	17-18	19-25	+0,3	117,6
22. Кеты	1,1	2,0	21-22	19-25	+0,9	181,8

1	2	3	4	5	6	7
23. Юкагиры	1,1	2,0	21-22	19-25	+0,9	181,8
24. Камчадалы	–	2,0	–	19-25	2,0	–
25. Тубалары	–	2,0	–	19-25	2,0	–
26. Чуванцы	1,4	1,0	19	26-32	-0,4	71,4
27. Нганасаны	1,3	1,0	20	26-32	-0,3	76,9
28. Орочи	0,9	1,0	23	26-32	+0,1	111,1
29. Тофалары	0,7	1,0	24	26-32	+0,3	142,9
30. Алеуты	0,6	1,0	25-26	26-32	+0,4	166,7
31. Негидальцы	0,6	1,0	25-26	26-32	+0,4	166,7
32. Челканцы	–	1,0	–	26-32	1,0	–
33. Ороки	0,2	0,4	27-28	33	+0,2	200
34. Энцы	0,2	0,3	27-28	34	+0,1	150
35. Юги	–	0,1	–	35	0,1	–
36. Кереки	–	0,02	–	36	0,02	–
Всего	199,0	275,8	28	36	+76,8	138,6

Составлено по: Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990; Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федеральная служба гос. статистики; Т. 4).

За рассматриваемый период с 1989 по 2002 г. ороки увеличили свою численность в 2 раза, кеты, телеуты и юкагиры – в 1,8 раза, алеуты и негидальцы – в 1,7 раза, энцы – в 1,5 раза, тофалары – в 1,4 раза, ительмены, эвенки и эскимосы – в 1,2 раза, нивхи, орочи, саамы, селькупы и эвены – в 1,1 раза. Высокие показатели прироста численности показали также народы, проживающие в регионах активного нефтегазового освоения. На 44,6% увеличили численность манси, на 31,8% - ханты и на 20,6% - ненцы. Среди коренных малочисленных народов с убывающим населением выделяются нганасаны, ульчи, чуванцы и шорцы. Относительная убыль чуванцев составила 28,6%, шорцев – 12,5%, ульчей – 6,3%. При этом численность нганасанов – самого северного аборигенного народа Евразии – снизилась на 0,3 тыс. человек, или на 33,1%.

Коренные малочисленные народы Севера компактно проживают в пределах 22 субъектов РФ, имеющих в своём составе районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности. При этом территория Республики Алтай является местом проживания кумандинцев, теленгитов, тубаларов, челканцев и шорцев, Республика Бурятия – сойотов и эвенков, Республика Коми – ненцев, манси и хантов, Республика Саха (Якутия) – долганов, эвенков, эвенов и юкагиров, Республика Тыва – тувинцев-тоджинцев, Камчатский край – алеутов, алоторцев, ительменов, камчадалов, коряков, чукчей, эвенков и эскимосов, Красноярский край – долганов, кетов, нганасанов, ненцев, селькупов, чулымцев, эвенков и энцев, Приморский край – нанайцев, тазов и удэгейцев, Хабаровский край – нанайцев, негидальцев, нивхов, орочей, ульчей, эвенков и эвенов, Амурская область – эвенков, Архангельская область – ненцев, Иркутская область – тофаларов и эвенков, Магаданская область – ительменов, камчадалов, коряков, чуванцев, эвенков, эвенов и юкагиров, Мурманская область – саамов, Сахалинская область – нанайцев, нивхов, ороков и эвенков, Томская область – селькупов, хантов, чулымцев и эвенков, Тюменская область – манси, селькупов, хантов и эвенков, Читинская область – эвенков, Ненецкий автономный округ – ненцев, Ханты-Мансийский автономный округ – манси, ненцев, хантов и селькупов, Чукотский автономный округ – кереков, коряков, чуванцев, чукчей, эвенков, эвенов и эскимосов, Ямало-Ненецкий автономный округ – ненцев, селькупов и хантов.

Современная этническая структура населения Российского Севера сложилась под решающим влиянием интенсивных миграций советского времени. По данным переписи населения 2002 г., доля русских в общей численности населения северных регионов достигла 81,0%, что несколько превышает удельный вес русских в населении Российской Федерации, который составил 79,8%. Так же, как и в России в целом, в пятёрку наиболее распространённых национальностей северных регионов страны, помимо русских, входят украинцы и татары. Однако в отличие от этнической структуры населения РФ в первую пятёрку наиболее многочисленных национальностей вошли два коренных народа Российского Севера – якуты и буряты, имеющие государственность в составе Российской Федерации (табл. 4).

**Этническая структура Российской Федерации и северных регионов
(по данным переписи населения 2002 г., в процентах к итогу)**

Субъекты Российской Федерации	Рейтинг национальностей по доле в общей численности населения					Другие народы
	1-е место	2-е место	3-е место	4-е место	5-е место	
1	2	3	4	5	6	7
Российская Федерация	Русские (79,8)	Татары (3,8)	Украинцы (2,0)	Башкиры (1,1)	Чуваши (1,1)	Другие (12,2)
Северные регионы Российской Федерации	Русские (81,0)	Украинцы (3,5)	Якуты (1,9)	Татары (1,8)	Буряты (1,4)	Другие (10,4)

Составлено по: Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федеральная служба гос. статистики; Т. 4).

Подавляющее большинство северян входит в состав народов индоевропейской семьи. На втором месте находятся народы алтайской семьи. На долю этих двух языковых семей приходится около 90% всего населения северных регионов. Оставшиеся менее 10% северян представлены главным образом коренными народами Севера, которые относятся к уральско-юкагирской, чукотско-камчатской и эскимосско-алеутской языковым семьям, а также к двум изолированным по языку российским народам (кеты и нивхи).

По данным переписи населения 2002 г., в большинстве северных субъектов РФ, за исключением республик Саха (Якутия) и Тыва, а также Коми-Пермяцкого автономного округа, преобладало русское население. Русские доминируют в этнической структуре 25 северных субъектов РФ, которые отличаются высоким уровнем урбанизации. Русские составляют подавляющее большинство (не менее 85%) в общей численности населения 9 северных регионов (Красноярский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Архангельская, Иркутская, Мурманская, Томская, Читинская области), абсолютное большинство (от 2/3 до 85%) – в семи регионах (республики Бурятия и Карелия, Камчатская, Магаданская, Сахалинская и Тюменская области, Ханты-Мансийский автономный округ), простое большинство (от половины до 2/3) – в девяти северных регионах (республики Алтай и Коми, Корякский, Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Чукотский, Эвенкийский и Ямало-Ненецкий автономные округа).

В результате русской колонизации в дореволюционный период и миграционных процессов советского времени, связанных с промышленным освоением северных территорий, во всех регионах Российского Севера сложился многонациональный состав населения. При этом в пятерку наиболее распространённых национальностей северных регионов России вошли 33 народа, в числе которых восемь коренных титульных наций (алтайцы, карелы, буряты, коми, коми-пермяки, тувинцы, хакасы, якуты) и 13 коренных малочисленных (долганы, ительмены, кеты, коряки, нанайцы, нганасаны, ненцы, сойоты, теленгиты, тубалары, чукчи, эвенки, эвены) российских народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (табл. 5).

Таблица 5

**Этническая структура северных регионов Российской Федерации
(по данным переписи населения 2002 года, в процентах к итогу)**

Субъекты Российской Федерации	Рейтинг национальностей по доле в населении субъекта РФ					Другие народы
	1-е место	2-е место	3-е место	4-е место	5-е место	
1	2	3	4	5	6	7
Европейский Север	Русские (78,7)	Коми (6,4)	Украинцы (4,1)	Белорусы (2,1)	Татары (0,6)	Другие (8,1)
Республика Карелия	Русские (76,6)	Карелы (9,2)	Белорусы (5,3)	Украинцы (2,7)	Финны (2,0)	Другие (4,2)
Республика Коми	Русские (59,6)	Коми (25,2)	Украинцы (6,1)	Татары (1,5)	Белорусы (1,5)	Другие (6,1)
Архангельская область	Русские (94,2)	Украинцы (2,1)	Белорусы (0,8)	Ненцы (0,6)	Коми (0,4)	Другие (1,9)
Ненецкий автономный округ	Русские (62,4)	Ненцы (18,7)	Коми (10,9)	Украинцы (3,2)	Белорусы (1,0)	Другие (3,8)

1	2	3	4	5	6	7
Мурманская область	Русские (85,2)	Украинцы (6,4)	Белорусы (2,3)	Татары (0,9)	Азербай-Джанцы (0,5)	Другие (4,7)
Коми-Пермяцкий автономный округ	Коми-пермяки (59,0)	Русские (38,2)	Татары (0,8)	Украинцы (0,5)	Белорусы (0,5)	Другие (1,0)
западно-Сибирский Север	Русские (75,4)	Татары (5,8)	Украинцы (5,1)	Алтайцы (1,4)	Башкиры (1,0)	Другие (11,3)
республика Алтай	Русские (57,4)	Алтайцы (30,6)	Казахи (6,0)	Теленгиты (1,2)	Тубалары (0,8)	Другие (4,0)
Томская область	Русские (90,8)	Татары (1,9)	Украинцы (1,6)	Немцы (1,3)	Чуваши (0,6)	Другие (3,8)
Тюменская область	Русские (71,6)	Татары (7,4)	Украинцы (6,5)	Башкиры (1,4)	Азербайджанцы (1,3)	Другие (11,8)
Ханты-Мансийский АО – Югра	Русские (66,1)	Украинцы (8,6)	Татары (7,5)	Башкиры (2,5)	Азербайджанцы (1,8)	Другие (13,5)
Ямало-Ненецкий автономный округ	Русские (58,8)	Украинцы (13,0)	Татары (5,5)	Ненцы (5,2)	Белорусы (1,8)	Другие (15,7)
восточно-Сибирский Север	Русские (85,0)	Буряты (4,2)	Тувинцы (3,0)	Украинцы (1,8)	Татары (1,1)	Другие (4,9)
республика Бурятия	Русские (67,8)	Буряты (27,8)	Украинцы (1,0)	Татары (0,8)	Сойоты (0,3)	Другие (2,3)
Республика Тыва	Тувинцы (77,0)	Русские (20,1)	Коми (0,5)	Хакасы (0,4)	Украинцы (0,3)	Другие (1,7)
Красноярский край	Русские (88,9)	Украинцы (2,3)	Татары (1,5)	Немцы (1,2)	Азербай-джанцы (0,7)	Другие (5,4)
Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	Русские (58,6)	Долганы (13,9)	Ненцы (7,7)	Украинцы (6,1)	Нганасаны (1,9)	Другие (11,8)
Эвенкийский автономный округ	Русские (61,9)	Эвенки (21,5)	Якуты (5,6)	Украинцы (3,1)	Кеты (1,2)	Другие (6,7)
Иркутская область	Русские (91,8)	Украинцы (2,1)	Буряты (1,1)	Татары (1,1)	Белорусы (0,6)	Другие (3,3)
Читинская область	Русские (92,4)	Буряты (2,3)	Украинцы (1,1)	Татары (0,7)	Армяне (0,3)	Другие (3,2)
дальневосточный Север	Русские (81,5)	Якуты (6,6)	Украинцы (4,2)	Корейцы (0,9)	Татары (0,7)	Другие (6,1)
республика Саха (Якутия)	Якуты (45,5)	Русские (41,2)	Украинцы (3,6)	Эвенки (1,9)	Эвены (1,2)	Другие (6,6)
Приморский край	Русские (89,9)	Украинцы (4,5)	Корейцы (0,9)	Татары (0,7)	Белорусы (0,6)	Другие (3,4)
Хабаровский край	Русские (89,8)	Украинцы (3,4)	Нанайцы (0,8)	Татары (0,8)	Корейцы (0,7)	Другие (4,5)
Амурская область	Русские (92,0)	Украинцы (3,5)	Белорусы (0,9)	Татары (0,5)	Армяне (0,4)	Другие (2,7)
Камчатская область	Русские (80,9)	Украинцы (5,8)	Коряки (2,0)	Татары (1,0)	Белорусы (1,0)	Другие (9,3)
Корякский автономный округ	Русские (50,7)	Коряки (26,7)	Чукчи (5,6)	Ительмены (4,7)	Украинцы (4,1)	Другие (8,2)
Магаданская область	Русские (80,2)	Украинцы (9,9)	Эвены (1,4)	Белорусы (1,2)	Татары (1,1)	Другие (6,2)
Сахалинская область	Русские (84,3)	Корейцы (5,4)	Украинцы (4,0)	Татары (1,2)	Белорусы (1,0)	Другие (4,1)
Чукотский автономный округ	Русские (51,9)	Чукчи (23,5)	Украинцы (9,2)	Эскимосы (2,9)	Эвены (2,6)	Другие (9,9)

Составлено по: Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федеральная служба гос. статистики; Т. 4).

Среди наиболее распространённых национальностей регионов Российского Севера выделяются русские, украинцы, татары и белорусы, представленные в этнической структуре населения всех регионов с законодательно утверждёнными северными территориями. При этом русские и украинцы входят в пятёрку наиболее распространённых национальностей во всех 28 северных регионах, татары – в 17, белорусы – в 13 регионах. Представители других народов встречаются лишь в отдельных северных регионах. Азербайджанцы и коми вошли в число наиболее распространённых народов в четырёх регионах Севера России, буряты, ненцы и эвены – в трёх регионах, армяне, башкиры, корейцы, коряки, немцы, чукчи, эвенки и якуты – в двух регионах. В числе коренных малочисленных народов Севера, вошедших в пятёрку наиболее распространённых народов хотя бы в одном из северных субъектов РФ, – долганы, ительмены, кеты, нанайцы, нганасаны, сойоты, теленгиты и тубалары. Низкий удельный вес малых аборигенных народов Севера в этнической структуре населения большинства северных регионов страны стал одной из специфических особенностей сложившейся на Российском Севере этнической структуры населения (табл. 6).

Таблица 6

**Рейтинг наиболее распространённых национальностей северных регионов России
(по данным переписи населения 2002 г.)**

№ п/п	Рейтинг наиболее распространённых национальностей	Число северных субъектов РФ, занимающих соответствующее место среди наиболее распространённых национальностей Севера России					Всего
		1-е место	2-е место	3-е место	4-е место	5-е место	
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Русские	25	3	–	–	–	28
2	Украинцы	–	11	8	5	4	28
3	Татары	–	2	4	10	1	17
4	Белорусы	–	–	4	1	8	13
5	Коми	–	1	2	–	1	4
6	Азербайджанцы	–	–	–	–	4	4
7	Буряты	–	2	1	–	–	3
8	Ненцы	–	1	1	1	–	3
9	Эвены	–	–	1	–	2	3
10	Якуты	1	–	1	–	–	2
11	Корейцы	–	1	1	–	–	2
12	Чукчи	–	1	1	–	–	2
13	Коряки	–	1	1	–	–	2
14	Эвенки	–	1	–	1	–	2
15	Башкиры	–	–	–	2	–	2
16	Немцы	–	–	–	2	–	2
17	Армяне	–	–	–	–	2	2
18	Тувинцы	1	–	–	–	–	1
19	Коми-пермяки	1	–	–	–	–	1
20	Карелы	–	1	–	–	–	1
21	Алтайцы	–	1	–	–	–	1
22	Долганы	–	1	–	–	–	1
23	Казахи	–	–	1	–	–	1
24	Нанайцы	–	–	1	–	–	1
25	Теленгиты	–	–	–	1	–	1
26	Ительмены	–	–	–	1	–	1
27	Хакасы	–	–	–	1	–	1
28	Финны	–	–	–	–	1	1
29	Чуваши	–	–	–	–	1	1
30	Сойоты	–	–	–	–	1	1
31	Тубалары	–	–	–	–	1	1
32	Нганасаны	–	–	–	–	1	1
33	Кеты	–	–	–	–	1	1

Составлено по: Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федеральная служба гос. статистики; Т. 4).

Сложившиеся к началу XX в. этнические территории коренных народов Севера были учтены при формировании территориального состава административных и политических автономий на севере РСФСР в 20-е гг. прошлого века. Длительное проживание коренных народов Севера в составе единого государства способствовало укреплению взаимоотношений между соседними народами и их комплиментарности на основе сложившейся общности их культуры и бытового уклада, кормящего ландшафта и отношений с окружающей природной средой, рода занятий и способов хозяйствования, особенностями психологического склада и стереотипа поведения. Общие эволюционно-исторические корни этногенеза и вероисповедания северных этносов России позволяют говорить о становлении на территории Российского Севера особой этно-культурной цивилизации коренных народов Севера, формирующейся в пределах тундры, крайне-северной и северной тайги. Пользуясь терминологией Л.Н. Гумилёва, можно говорить о формировании особого таёжно-тундрового суперэтноса, объединяющего в своём составе коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока.

подавляющее большинство автономных округов было образовано в РСФСР в 1929 г. При этом их границы и административный статус оставались неизменными до начала XXI в., когда был инициирован процесс укрупнения субъектов РФ. Следствием этого стали сокращение числа национально-территориальных автономий и потеря рядом малочисленных народов Севера обрётённого в советские годы статуса титульных национальностей. В наибольшей степени этот процесс затронул автономные округа Сибири и Дальнего Востока, которые в последние десятилетия оказались в депрессивном состоянии. Начало процессу административного укрупнения субъектов РФ было положено объединением Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа под эгидой единого Пермского края. В последующие годы в результате проведённых референдумов и официальных процедур по добровольному объединению статуса административных автономий в составе РФ лишились Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Корякский, Усть-Ордынский Бурятский и Агинский Бурятские автономные округа, вошедшие в состав объединённых субъектов РФ.

Этнические территории большинства аборигенных народностей, имеющих официальный статус малочисленных народов Севера, находятся только в границах Российского Севера. Это налагает особую ответственность государства за судьбу всех малых народов Севера России. Несмотря на продолжающееся разреживание этнических территорий коренных малочисленных народностей Севера, оказавшихся вовлечёнными в процесс промышленной разработки природных ресурсов и транспортного строительства, характер их расселения в последние десятилетия принципиально не изменился. Как и прежде, территории компактного расселения малых народов Севера выступают одним из ведущих признаков делимитации и районирования северных территорий. Вместе с тем сохранение среды традиционного обитания и этнокультурной самобытности коренных малочисленных народов Севера приобретает большое гуманитарное значение. Генетическая неспособность адаптации малых народов Севера к многочисленным издержкам цивилизации диктует необходимость государственной поддержки в деле сохранения природной среды их обитания, народных промыслов и отраслей так называемой «северной индустрии» (оленоводство, охота и рыболовство), систем ведения хозяйства и традиционного природопользования, культурного своеобразия и функционирования языка.

Кажущееся благополучие социально-демографического развития малых народов Российского Севера, основанное на анализе показателей официальной статистики, не должно заслонять потенциальную угрозу их возможного регрессивного развития и вымирания. Тем более, что предпосылками возможного перехода к неблагоприятному сценарию демографического развития остаются сложные проблемы высокой смертности коренных малочисленных народов Севера и связанная с этим низкая ожидаемая продолжительность их предстоящей жизни. Решение этих социально-демографических проблем коренных малочисленных народов остаётся в числе приоритетных направлений демографической политики северных территорий России.

Источники и литература

1. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
2. Народы России: энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994.
3. Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.
4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федеральная служба гос. статистики; Т. 4).

Исторические особенности демографии исламских народов в Республике Коми (XX–XXI вв.)**

Общепринятое определение Республики Коми как многонациональной территории было подтверждено итогами Всероссийской переписи населения 2002 г. Три пятых численности населения составили русские, четверть – коми, от 6 до 1% – украинцы, татары, белорусы. Представители других национальностей в общей численности населения республики заняли менее 1%, а в сумме на более чем 100 национальностей пришлось всего около 3,3% [1].

Как видим, подавляющее большинство населения республики относится к народам, традиционно исповедующим православие. К проживающим в республике представителям народов, на этнических родинах которых главенствует ислам, относятся татары, башкиры, азербайджанцы, многие кавказские и среднеазиатские этносы. Общее число их по разным оценкам колеблется от 30 тыс. до 40 тыс. чел.

Первые относительно массовые миграции представителей исламских народов на территорию тогда ещё Коми АССР происходили в конце первой половины XX в. Перед войной индустриализация Коми АССР шла через деятельность сложившейся системы ГУЛАГа. Количество вольнонаёмных было невелико. Например, в 1932 г. в Ухтпечлаге на 4690 заключённых приходилось всего 78 вольнонаёмных (1,7%) [2]. Во время войны произошли качественные изменения в составе трудовых ресурсов. Изменялись как количественные показатели, так и этнические. На начало 1941 г. в Коми состояло на учёте 11,2 тыс. ссыльных, 37,8 тыс. спецпереселенцев и 249 тыс. заключённых [3]. В то же время за годы войны на фронт было отправлено только из мест заключения более 100 тыс. чел. и 2,5 тыс. спецпереселенцев – «бывших кулаков» [4], их необходимо было заменить на рабочем месте. Замена происходила по нескольким направлениям миграции.

Внешняя миграция в Коми начиная с 1940 г. имела выраженную этническую составляющую. Первые этнические массовые спецпереселения были польские и прибалтийские [5]. В то же время в Коми АССР поляков было направлено на порядок больше, чем представителей прибалтийских народов. Например, только в 1940 г. было завезено 19388 польских граждан, из них трудоспособных 9987 чел. [6]. Из прибалтийских республик были присланы в основном литовцы. Трудились они большей частью в лесной промышленности, где была высока потребность в рабочей силе низкой квалификации.

Следующие крупные этнически окрашенные миграции относятся к периоду непосредственно войны. Самые массовые спецпереселенцы среди них – немцы. Представители остальных национальностей среди спецпереселенцев составляли во время войны в Коми АССР относительно небольшие диаспоры (от нескольких тысяч чехов и украинцев до нескольких сотен и десятков крымских татар, калмыков, чеченцев и т.д.) [7]. В конце войны начали прибывать украинцы (ОУНовцы), перемещённые немцы из оккупированных европейских стран и «фольксдойче». Количество представителей мусульманских народов было невелико, их ссылали большей частью в другие местности.

Многонациональное население Республики Коми в основном сформировалось во второй половине XX столетия. Важнейшим периодом в этом процессе был послевоенный период, когда миграции, внесшие решающий вклад, перешли из разряда подневольных в категорию свободных. Движение в этом направлении было непростым, разнонаправленным и подверженным различным управленческим воздействиям.

До середины 1950-х гг. миграции, особенно в малонаселённой местности, относящейся к крайнему северу (имевшей к тому же особый «гулаговский» статус) регламентировались и контролировались государством. Во второй половине 1950-х гг. картина кардинально изменилась [8]. **Начался период послевоенной индустриализации республики.**

Вероятно, имелось несколько периодов миграционной активности. Например, несомненно, на национальный состав повлияла направленность набора [9, 10], осуществляемого со второй половины 1950-х гг. [11, 12, 13]. Среди территорий, в которых проходил организованный набор трудовых ресурсов, была и Татарская АССР. Кроме того, с 1955 г. шёл общественный призыв на комсомольские стройки. В Коми это были в первую очередь:

- угольная отрасль – со второй половины 1950-х гг. [14];
- лесная отрасль – со второй половины 1950-х гг. [15];

* **Рожкин Евгений Николаевич** (Сыктывкар) – кандидат экономических наук, ученый секретарь Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, secr.hist@mail.komiscillh.ru.

** Публикация осуществлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

– железнодорожный транспорт – со второй половины 1950-х гг. [16, 17];
– Сыктывкарский лесопромышленный комплекс – конец 50-х, начало 60-х гг. (строительство и найм на производство) [18].

От переписи 1939 г. к переписи 1959 г. число представителей мусульманских народов выросло значительно. Например, численность татар – с 709 до 8459 чел. (рост в 20 раз), азербайджанцев – со 112 до 1374 чел. (рост в 12,3 раза), узбеков – с 51 до 1245 чел. (рост в 24 раза), башкир с 56 до 623 чел. (рост в 11,1 раза), чеченцев с 58 до 282 чел. (рост в 4,9 раза). Численность представителей других мусульманских народов была невелика [19].

Конечно, вклад периода подневольных миграций значителен, но он далеко не в полной мере определяет формирование современных трудовых ресурсов, в основном сложившихся к концу 1980-х гг. [20]. Так, численность представителей национальностей, депортированных в 1940-х гг., в 1960–1980-е гг. значительно уменьшилась. Это касается поляков, латышей, эстонцев, литовцев [21]. Позднее всего начали выезжать немцы, которые были сняты с учёта как спецпереселенцы только в 1970-е гг. [22]. Отчасти в связи с поздним «освобождением» немцев связана их относительно большая численность в Коми к концу 1980-х гг.: люди успели создать семьи, закрепилось второе поколение и т.д. В то же время численность представителей других национальностей, в частности выходцев из некоторых Волжских республик, с Кавказа и из Средней Азии, выросла за 20 лет к переписи 1989 г. в 2-4 раза (татары, чувашаи, узбеки, казахи, туркмены, абхазы, аварцы, балкарцы и т.д.) [23].

Влияние миграции на национальный состав населения республики наглядно подтверждается данными переписей. Так, например, численность «прочих» национальностей в межпереписной период 1979–1989 гг. увеличилась в 1,4 раза [24]. Большинство представителей различных национальностей жило к 1960-м гг. в городах и служило источником формирования трудовых ресурсов для промышленности. Самая высокая доля горожан по переписи 1970 г. была у евреев (86,7% от численности евреев), литовцев (86,3%) и татар (78,2%). Только у коми (66,9%) и молдаван (56,5%) большая часть жила на селе [25].

Во второй половине 1980-х гг. на первое место среди причин миграции выходит негативная социально-экономическая и политическая ситуация в некоторых регионах Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии [26]. В 1990-х гг. к общей кризисной ситуации добавляется фактор роста национального самосознания в национальных республиках. Отчасти в связи с этим возрастает выезд из Коми представителей отделившихся от СССР государств.

Интересно проследить общее сальдо миграции в 1980–1990-х гг. представителей основных этнических групп мусульманской уммы Республики Коми. Для татар характерно превышение числа въехавших над прибывшими до 1990 г., затем вплоть до настоящего времени сальдо учтённой миграции отрицательное и равняется – 7946 за период с 1990 до 2002 г. Это третий результат после русских и украинцев. Число татар с 27 тыс. чел. по переписи 1989 г. уменьшилось до 15 тыс. чел. по переписи 2002 г. Другая картина с азербайджанцами. Если численность татар в Республике Коми с 1950-х гг. вплоть до 1990 г. росла, то численность азербайджанцев менялась скачкообразно. По переписи 1970 г. их число уменьшилось по отношению к 1959 г. в полтора раза и составило 905 чел. Затем наблюдался практически непрерывный рост, и к переписи 2002 г. численность составила 6066 чел. То есть, если в 1970 г. татар в Коми было в 10 раз больше, чем азербайджанцев, то в 2002 г. татар больше только в 2,5 раза [27]. В 2002 г. больше всего представителей мусульманских народов было в порядке убывания в Воркуте, Усинске, Ухте, Сыктывкаре и Инте [28].

Подводя итог, можно утверждать, что имеющаяся этническая структура мусульманской уммы Республики Коми сложилась во второй половине XX в. Основную роль в её формировании сыграли трудовые миграции, связанные с ускоренной послевоенной индустриализацией. Соотношение основных исламских народов внутри уммы меняется. В настоящее время уменьшается доля татар и башкир, увеличивается доля азербайджанцев, кавказских народов Российской Федерации и среднеазиатских народов.

Важно также отметить, что в результате разнонаправленной миграции генетический состав некоторых диаспор (прежде всего народов Закавказья) за последние 20 лет коренным образом изменился. Выехали многие из тех, кто участвовал в «великих стройках социализма», создавая индустриальный потенциал Республики Коми. И наоборот – въехали «новые мигранты», которые работают преимущественно не в добывающей и тяжёлой промышленности, а в сферах услуг, торговли, транспорта, ЖКХ и т.п.

Источники и литература

1. Национальный состав населения и межнациональные отношения в Республике Коми. Сыктывкар, 2005. С. 3.
2. Максимова Л.А. Сталинские лагеря и освоение Европейского Северо-Востока // Очерки по истории политических репрессий в Коми. Сыктывкар, 2006. С. 125, 136.
3. История Коми с древнейших времён до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 402.
4. Книга Памяти Республики Коми. Сыктывкар, 1996. Т. 4. С. 420-421.
5. Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР от 30.12.1939 № 2122-617 сс. О спецпереселенцах осадниках // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2007. Т. 2. С. 606-607.

6. Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар, 2009. С. 102.
7. Там же. С. 66.
8. Комсомольско-молодёжные и лес: о работе комсомольско-молодёжных бригад в Коми АССР // Молодёжь севера. 1977. 10 июля.
9. Микушев А. Там, где шумит тайга: о новосёлах в Тыбью // Красное знамя. 1956. 11 сент.
10. Шевелёв Л. Всем классом: о выпускниках Любимовской средней школы Курской области, приехавших на строительство Печорской железной дороги // Красное знамя. 1957. 2 окт.
11. Зубов Т. Работают комсомольцы: на строительстве вторых путей Печорской железной дороги // Ухта. 1956. 5 дек.
12. Рошал М. Смена: очерк о жизни молодёжи, приехавшей на шахты Воркуты // Красное знамя. 1956. 6 нояб.
13. Дьяченко П. Комсомольско-молодёжные бригады созданы: на шахте № 2 комбината «Интауголь» // Красное знамя. 1956. 17 июня.
14. Рошал М. Смена: очерк о жизни молодёжи, приехавшей на шахты Воркуты // Красное знамя. 1956. 6 нояб.
15. Комсомольско-молодёжные и лес: о работе комсомольско-молодёжных бригад в Коми АССР // Молодёжь севера. 1977. 10 июля.
16. Микушев А. Там, где шумит тайга: о новосёлах в Тыбью // Красное знамя. 1956. 11 сент.
17. Шевелёв Л. Всем классом: о выпускниках Любимовской средней школы Курской области, приехавших на строительство Печорской железной дороги // Красное знамя. 1957. 2 окт.
18. Турубанов А.Н. Создание индустриальной базы строительства Сыктывкарского лесопромышленного комплекса // Проблемы повышения эффективности производства, развития производительных сил Коми АССР. Сыктывкар, 1973.
19. <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>
20. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. С. 38.
21. Национальный состав Коми АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Сыктывкар: Коми Республиканское управление статистики, 1990. С. 5.
22. Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар, 2009. С. 38.
23. Национальный состав Коми АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Сыктывкар: Коми Республиканское управление статистики, 1990. С. 6.
24. Национальность – важный аспект: по итогам переписей населения 1979 и 1989 гг. в Республике Коми. Госкомстат Республики Коми // Вперёд. 2001. 23 марта.
25. Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чём рассказывают переписи). Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2001. С. 93.
26. Национальный состав Коми АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Сыктывкар: Коми Республиканское управление статистики, 1990. С. 5.
27. Национальный состав населения и межнациональные отношения в Республике Коми. Сыктывкар, 2005. С. 39.
28. Там же. С. 40.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Г.Р. Столярова, Мухамед Исхак Фарук Мухамед*

Этнодемографические процессы в современном Омане

Государство Оман, занимающее площадь 312 000 км², расположено на востоке Аравийского полуострова. Омывается водами Персидского, Оманского заливов, Аравийского моря. На юго-западе Оман граничит с Йеменом, на западе – с Саудовской Аравией, на севере – с Объединенными Арабскими Эмиратами. Султанату также принадлежит множество малых островов в Оманском заливе и Ормузском проливе (например, остров Саляма), а также в Аравийском море (например, остров Масира).

Оман на протяжении многих столетий был одним из самых закрытых государств мира и вполне справедливо получил название «Тибет Ближнего Востока». Во время своей изоляции экономика Омана представляла собой натуральное хозяйство. В результате эпидемий и миграции произошел спад в численности населения. Бюджет Правительства Султаната в 1930 г. составлял 500 тыс. оманских риалов (менее 200000 долларов США), а в 1966 г., за год до добычи нефти, – всего миллион оманских риалов. Таким образом, низкое экономическое положение оказало свое влияние на миграцию населения. Государство не могло предоставить населению услуги здравоохранения и образования, а среднегодовой доход оманца был крайне низок.

В течение последних трех десятилетий оманское общество подвергалось изменениям под влиянием других арабских обществ. Произошли коренные изменения, которые повлияли на его социальное, культурное и экономическое положение, а также на его структуру, ценности и уклад традиционной жизни. Положение Султаната является сегодня более устойчивым и предпочтительным по сравнению с другими арабскими странами. Во многом это является следствием новой стратегии экономического развития страны, опирающейся, с одной стороны, на планирование национального хозяйства, а с другой – на ориентацию максимального использования собственных сил и ресурсов. В этой связи Оман обеспечен таким надежным ресурсом как нефть, которая являлась и до сих пор является «кровью национальной экономики». Другим важнейшим ресурсом является более высокая квалификация национальной рабочей силы и специалистов Омана по сравнению с другими мусульманскими и развивающимися странами, что позволяет Оману делать ставку на постепенное вытеснение иностранных рабочих и служащих собственными национальными кадрами.

По административному делению Султанат Оман включает три провинции и пять регионов; все провинции и регионы, в свою очередь, делятся на 59 областей.

Благоприятные географические и климатические условия предопределили достаточно раннее заселение данной территории человеком. Массовая миграция в регион происходила на рубеже III и II вв. до н.э. и связана с упадком города Мариба в Йемене. Тогда в Оман переселилось племя Азад под предводительством короля бен Фахма, после чего в Оман стали стекаться арабские племена, одни из которых корнями происходили от южных арабов и заселяли юг Аравийского полуострова, а другие, северные арабы, приходили с запада и северо-запада. Эти племена стали кочевать по направлению к юго-востоку полуострова.

Официального учета населения в Омане долгое время не велось. Некоторые исследователи [1] считают, что численность населения Омана не подвергалась сильному изменению на протяжении последних нескольких столетий, что подтверждают приведенные ниже факты:

- 1) на протяжении веков не произошли значительные изменения в природных факторах, которые бы оказали кардинальное влияние на численность оманского народа. Некоторые изменения в сторону увеличения произошли в численности членов бедуинских племен и жителей оазисов;
- 2) постоянные межплеменные войны в течение многих веков привели к потере людей с обеих сторон и особенно к потере мужской половины племен;

* **Столярова Гузель Рафаиловна** (Казань) – доктор исторических наук, профессор кафедры этнографии и археологии Казанского государственного университета, guzelstol@mail.ru; **Мухамед Исхак Фарук Мухаммед** (Султанат Оман) – аспирант кафедры этнографии и археологии Казанского государственного университета в 2007–2010 гг., kishaq64@mail.ru.

- 3) наибольший прирост населения, главным образом, группы кочевых арабов, не отразился на увеличении общей численности населения Омана в силу перемещения членов племени из одного племени в другое;
- 4) с определенной точностью можно говорить об уменьшении численности населения в результате миграции в Занзибар и Восточную Африку;
- 5) наряду с миграцией целых групп племен из Омана произошла миграция и в обратном направлении из прибрежных регионов Ирана и Африки.

В начале XX в. в Омани была проведена перепись населения, которая дала следующие результаты (табл. 1) [2].

Таблица 1

Численность населения регионов Омана (по данным переписи 1906 г.)

№ п/п	Регион	Численность населения, чел.	Удельный вес, %
1	аль-Батына	105 500	22,4
2	аз-Захира	31 500	6,7
3	Зафар	4 500	0,9
4	Западный аль-Хаджар	98 400	20,8
5	Восточный аль-Хаджар	85 750	18,2
6	Джа'лян	12 000	2,5
7	Маскат и Матрах	40 650	8,6
8	Первоначальный Оман	34 300	7,3
9	Юг Омана	1 500	0,3
10	Руус эль-Джибаль	13 750	2,9
11	аш-Шаркыйя	44 200	9,4
	Итого:	472 050	100,0

Из таблицы видно, что распределение населения в Омани имеет некоторые особенности.

Так, например, численность населения равнины аль-Батына составляла 22,4% от общей численности. Это связано с тем, что в этой местности находится 34% от всей фермерской площади Омана. Здесь жители также занимаются рыболовством. На долю Западного аль-Хаджара приходилось более 20% населения страны, на столицу Маскат – более 8%, а на регионы аш-Шаркыйя, Восточный аль-Хаджар и Джа'лян вместе – 30,1%. Удельный вес населения региона аз-Захира, гор аль-Ахдар и пустынного региона вместе составлял 19%.

Численность населения Омана в 1970 г. была меньше численности в 1906 г. на 65000 чел. [3]. Произошли определенные изменения и в географическом распределении населения.

Так, население равнины аль-Батына составляло 34,5% от общей численности населения страны, что на 12% больше, чем в начале века. Этому способствовала миграция людей из других районов Омана. Доля Западного аль-Хаджара и столицы снизилась по сравнению с 1906 г. Численность населения регионов аш-Шаркыйя, Восточный аль-Хаджар и Джа'лян также уменьшилась и составила в 1970 г. 25%. Население аз-Захиры, гор аль-Ахдар и пустынного региона составило 16% от общей численности. Увеличение численности произошло в Зафаре и составило 3,4%.

Ввиду значения демографических составляющих во взаимодействии с реальной действительностью Султаната Оман и его будущими перспективами, связанными с реализацией программ по развитию, правительство решило улучшить демографическую ситуацию в стране и регулярно проводить учет населения, учитывая огромное значение этих данных с целью их использования в реализации проектов развития или при подсчете результатов этих проектов. С 1970-х гг. в Омани стало уделяться большое внимание демографическим вопросам. В результате численность населения Султаната стала быстро расти и в 1993 г. достигла 2 018 074 чел., из них граждан Омана – 74%, приезжих – 26%. Численность мужчин (граждан Омана) достигла 755 071 чел. (51%), а женщин – 725 460 (49%) [4]. К 2007 г. в Омани проживали 3 204 897 чел. (более 550 тыс. из них не имеют гражданства Омана, преимущественно это выходцы из Индии и Пакистана). Из них городское население составляет 13%, сельское – 87%. Плотность населения составляет 13,2 чел./км.² По сравнению с 1995 г. население страны увеличилось на 3,71%. По прогнозам ООН, численность населения в 2025 г. составит 5352 тыс. чел, а в 2050 г. – 8310 тыс. чел. [5].

Большая часть населения сконцентрирована в провинции Маскат и регионе аль-Батына. На провинцию Маскат приходится 549 150, на регион аль-Батына – 564 677 чел. Численность населения провинции Зафар достигла 189 094, провинции Мусандам – 28 727, региона аз-Захиры – 181 224, ад-Дахылийи – 229 791, аш-Шаркыйи – 258 344, аль-Усты – 17 067 чел.

Классификация населения по возрастному принципу показывает, что оманское общество – это молодое общество. Люди, не достигшие 15 лет, составляют 51,81%, от 15-59 лет – 43,53%, а старше 60 лет – 4,66%. Увеличение доли молодого поколения указывает на то, что наблюдается тенденция к росту рождаемости, с одной стороны, и к снижению процента смертности – с другой [6].

Средний возраст составляет 22,3 г. у мужчин, 16,5 – у девушек; средняя продолжительность жизни выросла по сравнению с 1995 г. и составляет 70,4 года у мужчин (68 лет в 1995 г.) и 74,9 года у женщин (72 года в 1995 г.). На 1000 женщин приходится 1278 мужчин. Среднее количество детей у женщин 5,9.

Основную часть населения Омана составляют арабы – 70%. Население сохраняет древнее традиционное деление на две группы: араб-ариба (чистокровные арабы), к которым относят себя потомки племени кахтан, обосновавшиеся в стране первыми, и муста-ариба (смешанные арабы), в частности, потомки племени низар, пришедшие сюда позднее, скорей всего из внутренней Аравии. Кроме них в Омане проживают следующие группы:

- 1) белуджи (около 5%) – это выходцы из Белуджистана (иранская провинция) и Макрана (горная система на юге Ирана), которые переселились в Оман несколько веков назад. Большая их часть населяет побережье аль-Батыны, а некоторые проживают в Маскате, Матрахе и регионе аз-Захира. Их трудно отличить от арабов оманцев по внешности и экономическому положению;
- 2) оманцы-африканцы (около 8%), появились в Омане в результате работорговли. В основном они населяют прибрежные районы, такие как регион аш-Шаркыйя, Салала, а также равнину аль-Батына;
- 3) третья группа не превышает 5% населения, но имеет большое значение для экономического развития страны. К этой группе принадлежат постоянно проживающие в стране иранцы, индийцы;
- 4) после 1970 г. в Омане появилась абсолютно новая демографическая группа, к которой относятся временно проживающие работающие иностранцы из Индии, Пакистана и некоторых арабских стран. Они составляют около 10% от общей численности населения. Иностранцы стали появляться в Омане, когда правительство начало инвестировать полученные от экспорта нефти деньги в проекты экономического и социального развития [7].

Султанат Оман за короткий промежуток времени превратился в государство с развитой экономикой, благодаря выходу на новый уровень в сфере промышленности и сельского хозяйства. Он перешел от экспорта нефти к ее переработке, от импорта сельской хозяйственной продукции к развитию собственного хозяйства. За последнюю четверть века Оман превратился в современное государство с великолепными дорогами, ультрасовременными постройками, спортивными сооружениями, роскошными отелями.

Современный Оман вошел в шестерку стран с высоким уровнем дохода, в которых ВВП на душу населения составлял на апрель 2007 г. не менее 13846 долл. США. Уровень неграмотных составляет 18,6% (от 15 лет и старше). По состоянию здоровья Оман также далеко вырвался вперед, по сравнению с 1970 г. Так, уровень детской смертности снизился до 10 на 1 тыс. чел. (в 1970 г. – 126), продолжительность жизни выросла до 74 лет, ранее – 52,1 [8].

Таким образом, мы видим, что население Омана весьма полиэтнично: помимо коренного населения, предки которых прибыли с других, более отдаленных земель, присутствуют потомки уже ассимилирующихся выходцев из Индии и потомков бывших рабов. Но в целом традиции и культура едины для всех, отличаясь лишь небольшими нюансами. Существенная роль при этом отведена религии, которая затрагивает все сферы жизни.

Источники и литература

1. Шульц Ф. Султанат Оман. Введение в географию. Штутгарт, 1980. Ч. 1. С. 68.
2. Лоример Ф. Справочник стран Персидского залива. Бейрут, 1984. С. 2523-2524 (на араб. яз.).
3. Министерство Национальной экономики: Социальный и экономический атлас. Маскат, 1993. С. 126 (на араб. яз.).
4. Там же.
5. <http://www.omaninfo.com/oman/factsheet.asp>.
6. Министерство Национальной экономики... С. 126.
7. Шульц Ф. Указ. соч. С. 59-60.
8. Байбаков А. Будут ли арабы жить лучше? // Азия и Африка сегодня. 2008. № 1. С. 27.

Миграции, северные сообщества и идентичности**

Европейский Север России обладает огромными ресурсами, играет важнейшую роль для регулирования климата и экологии планеты, а его геополитическое значение в обозримой перспективе может существенно возрасти. На первый взгляд недостатка внимания к изучению севера нет, но в основном о проблемах северных территорий пишут экономисты и эконом-географы, а также экологи.

Отечественные специалисты все настойчивее пишут о деградации северных территорий [1], а зарубежные, в свою очередь, говорят о многовариантности сценариев развития Европейского Севера РФ, включая и достаточно неблагоприятные [2]. Что касается сферы публичных дискуссий, то и здесь обсуждение современных экономических, социальных реалий, которые имеют место в указанном регионе, очень часто имеет характер апокалиптических пророчеств, сводящихся к заявлениям о «потере Севера» [3]. Более того, формула «потерянный север» из сферы публицистики успешно перемещается в научные дискуссии. Таким образом, географическое понятие «Европейский Север» приобретает уже социальный смысл, поскольку этот регион все устойчивее воспринимается как культурная периферия, как стагнирующая территория, как зона социального неблагополучия.

Оснований для того, чтобы говорить о проблемном характере развития Европейского Севера, более чем достаточно. Это в первую очередь касается демографических процессов, которые ныне характеризуются постоянным снижением общей численности населения северных областей, округов и республик и отрицательным сальдо миграции. С 1989 по 2002 г. Мурманская область потеряла 23% своего населения, Ненецкий автономный округ – 24, Республика Коми – 18,6% [4]. В последние годы ежегодная убыль населения Архангельской области в среднем составляет 10 тыс. чел. [5], не меньшие потери населения имеют место в Республике Коми [6], значительны они и в Мурманской области [7]. При этом снижение численности в основном связано не с отрицательным естественным приростом, а с внешней миграцией. Несколько лучше демографическая ситуация в Карелии и Вологодской области, но наше внимание сосредоточено в основном на самых северных регионах. В этих регионах население стабилизировалось только в НАО. По прогнозам демографов, в ближайшие годы миграционный отток будет стабильно выше встречных миграционных потоков на Европейском Севере в целом [8]. Но особенно показательно то, что северные регионы массово покидает молодежь.

В аналитическом материале, подготовленном территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми, отмечается, что с 2002 г. в РК идет снижение доли молодежи в общем составе населения в результате усиленной миграции представителей этой социальной группы за пределы республики. В 2007 г. из республики уехал каждый пятый житель в возрасте 14-29 лет [9]. В числе тревожащих ее социально-экономических проблем молодежь отмечает сложности с трудоустройством, низкий уровень оплаты труда, пьянство и наркоманию, плохую заботу властей о населении. Биографические эссе, которые в рамках изучения жизненных стратегий молодежи писались по нашему заданию студентами вузов г. Сыктывкара, также подтверждают стремление значительной части молодежи к выезду за пределы региона.

Наш опрос, проведенный в трех «северных региональных столицах» в марте 2010 г., показал, что 35,5% жителей Архангельска, 38,8% Мурманска и 39,6% Сыктывкара хотели бы уехать из своих городов и регионов навсегда или на длительное время, а среди молодежи доля потенциальных мигрантов еще более высока (в возрасте до 25 лет – 51,4% выразили желание уехать). При этом в региональных центрах, как правило, выше средние доходы населения, хорошо развит рынок труда, лучше организованы сервис и образовательная сфера, в то время как в других городах и поселках северных регионов ситуация менее благоприятна, а неудовлетворенность населения своим положением, как показывают данные ряда наших исследований, значительна, а потому больше и доля лиц, желающих покинуть свое нынешнее место жительства.

Высокий уровень миграционной готовности, однако, связан не только с общей неудовлетворенностью своей жизнью (она, как оказалось, достаточно высока у жителей региональных центров), но, скорее всего, обусловлен общими неясными перспективами регионального развития. На вопрос о том, «Имеете ли вы представление о том, каким образом будет развиваться ваша область или республика в ближайшие годы» дали положительный ответ 8,3% респондентов в Архангельске, 11,3% – в Сыктывкаре и 13,2% – в Мурманске. Более того,

* Шабает Юрий Петрович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Доклад подготовлен на основании материалов, полученных в ходе реализации проекта «Территориальные сообщества, региональные идентичности и этничность на Европейском Севере РФ: исторические и культурные основания процессов этнической дифференциации и межкультурной интеграции», выполняемого по Программе фундаментальных исследований РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Направление 5. Традиции и новации в культуре народов России.

от 42 до 48% опрошенных в названных городах заявляют, что им неясна северная политика федерального центра, что субрегиону не уделяется должного внимания со стороны руководства страны и только около 6% респондентов во всех трех городах согласились с мнением, что федеральное правительство уделяет много внимания развитию северных регионов и у него есть ясная северная политика.

По существу есть все основания утверждать, что идет процесс *деколонизации Европейского Севера*, в результате которого деградируют и перестают существовать не только многие села и деревни, но и поселки, а в ближайшей перспективе вопрос стоит о возможной ликвидации крупных поселений и целых городов («ворота в Арктику» – Амдерма в НАО, шахтерская Инта в Коми).

Заметим, что промышленная колонизация Севера началась в конце XIX – начале XX в. и в отличие от русской колонизации, продолжавшейся с IX по XVII в., носившей стихийный (естественный) характер, она с самого начала проходила под контролем государства и стала ответом на попытки Норвегии распространить свое влияние на Шпицберген, Новую Землю и Мурман [10]. Эти попытки привели к усилению экономического влияния норвежских промышленников на Русском Севере и к тому, что некоторые территории, в том числе и Новая Земля, стала восприниматься как «ничейная земля» [11]. Только последовательные и масштабные усилия царской власти смогли подтвердить статус северных территорий как российских земель. Сегодня вновь возникает проблема «ничейной земли», ибо процесс сокращения населения Европейского Севера не только не остановлен, но и усиливается, а многие поселения, особенно села и деревни, либо прекращают свое существование, либо деградируют, поскольку утратили стимулы для развития. Специалисты отмечают, что в современном мире все большее влияние приобретает концепция, согласно которой неиспользуемые полностью или слабоосвоенные территории (и территории покинутые населением) становятся своего рода «ничей» землей, а обладающее подобной землей государство как бы ограничивает или даже теряет «суверенитет над ее ресурсами, в случае, если другие страны желают ими воспользоваться» [12]. Россия в последние годы пытается активно отстаивать свои права на арктические и субарктические территории и устраивает дорогостоящие экспедиции, целью которых является установка на дне Ледовитого океана государственного штандарта (других аргументов в пользу приоритета России участники «экспедиций» не добывают) или другие символические акции. Однако утрата населения, которое освоило арктические и субарктические территории еще несколько веков назад, и забвение того, что полярные моря и прилегающие территории издавна являются зоной хозяйственной деятельности коренных жителей Севера (поморы, к примеру, задолго до норвежцев пришли на Шпицберген), будет потерей главного, и отнюдь не символического, аргумента в современных геополитических спорах.

Нынешние процессы деколонизации стимулируются также тем, что Север перестал быть привлекательным для мигрантов в социально-экономическом плане, а, точнее сказать, его привлекательность стала существенно ниже. С другой стороны, ряд добывающих компаний делает сегодня ставку не на местное население, а на временно привлекаемых работников, чье место постоянного жительства находится за пределами региона. Важную роль сыграла и демилитаризация Севера, которая особенно активно проводилась в 1990-е гг. В результате многие военные объекты были ликвидированы или законсервированы. Масштабы научных исследований также были значительно сокращены, вследствие чего закрыт ряд метеостанций, сокращены или ликвидированы геологические партии и т. д.

Но наибольшее значение имела *деиндустриализация Севера* и отказ от диверсификации хозяйственных комплексов. В 1990-е гг. ликвидировались угольные шахты, ремонтно-механические заводы, швейные и мебельные фабрики, предприятия строительной индустрии, а в сельской местности разорялись колхозы и совхозы, леспромхозы и механизированные колонны. Строительство новых предприятий практически не велось, а расширение и реконструкция старых были направлены лишь на то, чтобы поддержать преимущественно сырьевую ориентацию экономики Севера. Проекты, которые могли бы преобразовать экономику целого региона и создать не отдельные очаги экономического роста, но сформировать целый производственный кластер, вокруг которого стал бы развиваться средний и мелкий бизнес, так и остались на бумаге.

Примером может служить идея создания в Коми глиноземно-алюминиевого комплекса, включающего крупнейший в России бокситовый рудник в пос. Керки, глиноземный завод под Сосногорском и Аллюминиевый завод в г. Печоре (получающий энергию с Печорской ГРЭС). Сегодня под вопрос поставлена реализация другого крупнейшего проекта – освоение Штокмановского газового месторождения. Все это создает неуверенность в завтрашнем дне и усложняет процессы консолидации местных сообществ. К примеру, в 2007 г. лаборатория социально-политических исследований Сыктывкарского университета провела опрос населения в самом благополучном городе Республики Коми, ее нефтяной «столице» Усинске. В этом процветающем городе лишь немногим менее сорока процентов опрошенных заявили о своей неуверенности в завтрашнем дне. Обоснованность и распространенность таких настроений хорошо иллюстрируют замечания респондентов на полях анкет, суть которых примерно одинакова: «Нефть кончится и ничего не будет». При этом в «рейтинге тревог» жителей Усинска неуверенность в завтрашнем дне заняла второе место (на первом оказались высокие цены на товары и услуги). Люди, приехавшие в свое время на Север для самореализации или для решения своих материальных проблем,

сегодня воспринимают не только свое личное положение как нестабильное, но и не верят в будущее своих городов и поселков, а нередко и в будущее региона в целом. Не случайно ослабевает местная идентичность, которая в прежние годы в ряде поселений была достаточно ярко выраженной. Не случайно и то, что региональные идентичности являются неустойчивыми и слабо выраженными.

Весьма показательны в этом отношении данные опросов, которые были проведены в Республике Коми в 1996 и 2004 гг. В обоих случаях большая часть респондентов отрицала, что в республике сформировалось единое территориальное сообщество, объединенное общими интересами и общей идентичностью. В середине 1990-х гг. только треть опрошенных считала, что возможно говорить о подобном сообществе применительно к Коми, в 2004 г. таких было несколько больше, но в пределах статистической погрешности, а потому не свидетельствовало об усилении процессов гражданской интеграции на уровне республики. Опрос, который был проведен нами в марте 2010 г. в трех региональных центрах в данном отношении, дал весьма показательный результат. На вопрос анкеты «Как Вы считаете, можно ли говорить о том, что жители вашего региона – это единое и сплоченное сообщество, у которого есть общие интересы и традиции» ответили «да» 39,7% респондентов в Архангельске, 38,8% в Мурманске и 32,8% в Сыктывкаре, а большая часть либо отрицала, что территориальное сообщество интегрировано, либо затруднялась ответить на данный вопрос. Северные региональные идентичности так и не сформировались, хотя успешный опыт целенаправленного формирования таких идентичностей, осуществлявшийся не на этнической, а на территориальной (гражданской) основе, в России имеется (татарстанцы – в Татарстане, югра – в Ханты-Мансийском автономном округе). Таким образом ни региональная идентичность, ни местная солидарность не могут служить стабилизирующим фактором на Европейском Севере РФ.

Общей идентичности фактически нет ни на уровне северных индустриальных городов, ни на уровне областей, республик и округов. Отдельные административные регионы воспринимаются только как территории, но не как общий дом для целостных местных сообществ. Безусловно, подобное восприятие территориальных сообществ имеет свои основания. В первую очередь это связано с очаговым характером развития северных субъектов РФ.

Северные города и поселки слабо связаны друг с другом, и их производственные структуры ориентированы не на внутрирегиональные рынки, а на внешние. Производственная кооперация и технологическая взаимосвязь между предприятиями северных областей и республик или слаба, или вовсе отсутствует. Это находит отражение и на самовосприятии жителей. Наиболее ярким примером в этом плане может служить шахтерская Воркута. Ее жители не только ощущают уникальность города и его жителей, но и четко отделяют себя от республиканского социума. Здесь не читали республиканских газет, не смотрели передачи республиканского телевидения, а население города, вместе с жителями других северных городов, как бы условно выделяли в особое сообщество. «Изоляционизм» и «урбоцентризм» нашли выражение и в местном городском фольклоре (расхожее утверждение «Воркута – столица мира»), и в высокой степени местной солидарности. Именно эта солидарность способствовала тому, что воркутинские шахтеры и их профсоюзы довольно долго являлись лидерами рабочего движения в России [13].

Локальность северных сообществ и их замкнутость внутри себя не явилось порождением специфики промышленного освоения Севера в советские годы. Северные сообщества были локальны изначально. Об этом свидетельствуют как языковые, так и этнографические материалы. Исследования социологов показывают, что локальность остается важной чертой образа жизни сельской глубинки на Севере [14].

Эта локальность еще более усиливается потому, что привычные пути и способы сообщения перестают объединять людей в силу того, что пассажирское сообщение по рекам, которые являются естественными и наиболее древними путями сообщения, практически повсеместно прекращено. Во многих отделенных населенных пунктах, где прежде исправно функционировали местные аэропорты, они закрыты и т.д.

Если же говорить в целом об этнических идентичностях на Севере РФ, то у большинства местных этнических групп они ослаблены и все более характерными становятся множественные этнические идентичности, т.е. осознание себя представителем сразу нескольких этнических групп (чаще всего двух). Но при этом процессы этнической эрозии, которые характерны для большинства немногочисленных народов Европейского Севера, менее всего проявляются у саамов и ненцев, т.е. у групп, которые уже давно имеют особый статус и которые получают дополнительные стимулы для развития за счет эксплуатации своего особого положения [15].

Слабость региональных (и этнических) идентичностей на Севере, воздействие процессов деколонизации и деиндустриализации дают основания предполагать, что и общая северная идентичность также не может быть сегодня значимым культурным маркером. Но в реальности именно общая северная идентичность выражена наиболее очевидно среди территориальных гражданских идентичностей. На вопрос «Ощущаете ли вы себя северянином» в Архангельске однозначно положительно ответили 61,6% респондентов, в Мурманске – 77,3% и в Сыктывкаре – 58,1%, а доля тех, кто не желает признавать себя представителем северного сообщества во всех трех городах – менее 10%. При этом ответы на уточняющий вопрос об этнической составляющей северной идентичности позволяют говорить, что в понимании жителей названных трех «северных региональных столиц» север-

ная идентичность не связана с «народами севера», то есть она носит не этнический, а гражданский характер. При этом наиболее значимыми основаниями этой идентичности являются как место жительства, так и гражданская солидарность. В индивидуальном культурном образе Севера преобладает восприятие его не как периферии, а как родины и как особой части страны, с которой связаны жизненные стратегии ее жителей. При этом значительная часть респондентов отмечала, что северянином может себя считать не только житель северных регионов, но и тот, кто живет за их пределами, но чья судьба связана с севером, т. е. это не просто земляческая связь, но именно идентичность.

Слабость региональных идентичностей и наличие прочной северной идентичности показывают, что европейский север воспринимается все же как «Русский Север», но *не как русская этническая провинция*, а как единый культурный регион, образ которого прочно укоренился в массовом сознании.

Источники и литература

1. Север: проблемы периферийных территорий / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар, 2007; Пилясов А.Н. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. М., 2009.
2. Bjørn Brunstad, Eivind Magnus, Philip Swanson, Geir Hønneland, Indra Øverland. Big Oil Playground, Russian Bear Preserve or European Periphery? The Russian Barents Sea Region towards 2015. Eburon Delft: Eburon Academic Publishers, 2004.
3. Данилов Д. Северный морской путь и Арктика: война за деньги уже началась//www.rusnord.ru
4. Шабаев Ю.П. Этнодемографическое развитие коми в контексте демографических процессов у финно-угорских народов Российской Федерации. Доклад на пленарном заседании Всерос. науч. конф. «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)». Сыктывкар, 2006. С. 6.
5. Русский Север становится безлюдным // www.kominarod.ru
6. Шабаев Ю. П. Коми // Этническая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2008. М., 2009.
7. Население / Кольская энциклопедия // www.kolaenc.gov-murman.ru
8. Север: проблемы периферийных территорий / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар, 2007.
9. Молодежь Республики Коми. Аналитический материал. Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. Сыктывкар, 2008.
10. Федоров П.В. Северный вектор в российской политике. Центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск: Мурманский педагогический ун-т, 2009.
11. Нильсен Йенс Новая земля – «ничейная земля»? // Народы и культуры Баренцева региона. Тромсе, 1996.
12. Ушкалов И.Г., Малаха И.А. Территориальные общности населения Севера (Зарубежный опыт и некоторые выводы в контексте решения российских проблем) // Человек на Севере: условия и качество жизни. Сыктывкар, 1999. С. 30.
13. Ильин В.И. Власть и уголь. Шахтерское движение Воркуты (1989–1998 годы). Сыктывкар, 1998.
14. Плюснин Ю.М. Поморы: современное состояние сельских общин побережья Белого моря: Аналитический доклад по результатам социологического исследования поморского населения республики Карелия, Мурманской, Архангельской области (1995–1997 гг.). Новосибирск, 1997.
15. Shabaev Iurii. Paradoxes in the Social and Cultural Transformation of the European North of Russia // Sibirica. Vol. 9. No 1, Spring 2010.

Этнодемографический портрет Татарстана накануне Всероссийской переписи 2010 г.**

Доклад посвящен характеристике этнодемографической ситуации в Татарстане как фона общесоциальных и межэтнических процессов [1].

Главными результатами предыдущего межпереписного периода (1989–2002 гг.) стала приостановка процесса депопуляции в республике, особенно набравшей обороты в первую половину 1990-х гг., и изменение соотношения численности основных этнических групп.

Численность населения в Татарстане, по данным переписей населения с 1959 г. по 2002 г., постоянно росла, но если в советское время прирост населения за межпереписные периоды составлял от 200 тыс. до 300 тыс. чел., то в период с 1989 по 2002 г. прирост составил чуть более 137 тыс. чел. При этом в 1990-е гг. разница между количеством родившихся и умерших представляла отрицательные величины, возрастающие из года в год, а естественная убыль восполнялась исключительно за счет внешних мигрантов.

В период после переписи населения 2002 г., согласно данным Татарстанстата на 2009 г., численность населения РТ сократилась на 10,6 тыс.чел., из чего следует, что предстоящая перепись населения впервые за последние 50 лет зафиксирует отрицательную динамику численности населения. Однако при этом наметилась и благоприятная тенденция: в 2000-е гг. показатели естественной убыли населения из года в год сокращались (от -13507 чел. в 2002 г. до -4662 чел. в 2008 г.), причем, у городского населения в 2008 г. впервые за последние 15 лет отмечен естественный прирост.

Помимо естественного воспроизводства, на численность населения влияют миграционные процессы. Динамические тенденции в распределении миграционных потоков свидетельствуют о том, что Татарстан продолжает оставаться в группе регионов, привлекательных для мигрантов. Так, если в 2000 г. сальдо миграции в РТ составило +8727 чел., в 2001 г. – +7263 чел., то в 2006 г. миграционный прирост составил 9242 чел., в 2008 г. – 10433 чел. Показатели миграций в сельской местности численно в 2,5-3 раза ниже, чем в городе, но особенности распределения миграционных потоков по прибывшим и выбывшим в обоих массивах идентичны.

Наибольшую долю в населении республики составляют татары и русские. В течение всего советского периода численность русского населения в целом по республике устойчиво превышала численность татар. В 2002 г. русских было учтено в абсолютных цифрах 1492602 чел., что составило 39,5% от общей численности населения республики – это наименьший показатель доли русского населения за все время, когда проводились советские переписи, то есть с 1926 г. Если в 1989 г. численность русских увеличилась по сравнению с 1979 г. на 3,9%, то в 2002 г. зафиксировано сокращение русского населения на 5,3%.

Кроме того, впервые за весь период проведения переписей русские утратили свою первую позицию по численности в структуре городского населения. По данным переписи 2002 г., русские составили 46,1% городского населения РТ (в 1959 г. – 57,9%, 1979 г. – 56,1%, 1989 г. – 50,8%), т.е. темпы уменьшения доли русского населения в городах существенно выше, чем в общей структуре народонаселения. Если в период между переписями 1979 и 1989 гг. численность русских горожан возросла на 10,9%, то к 2002 г. она снизилась на 4,7%. В сельской местности темпы снижения численности русских несколько снизились: если в 1989 г., по сравнению с 1979 г., это снижение составило 24,7%, то к 2002 г. доля сельского русского населения уменьшилась на 8%. Доля русских в общей структуре сельского населения снизилась по сравнению с 1989 г. на 2,1% и составила 20,8% (в 1959 г. – 26,0%, 1970 г. – 23,5%, 1979 г. – 23,5%).

Ухудшилась и половая структура русского населения. В 2002 г. русских мужчин в абсолютных цифрах зафиксировано на 44,2 тыс. меньше, чем в 1989 г., в том числе в городе – на 38,2 тыс.чел., в сельской местности – на 6 тыс.чел. У женщин снижение составило 38,5 тыс., в том числе среди горожан – на 24,5 тыс., среди сельских жителей – на 14 тыс.чел. До этого общая численность мужчин и женщин в республике стабильно росла, но происходило это за счет роста городского населения (численность мужчин и женщин на селе столь же планомерно сокращалась). Соотношение мужчин и женщин по республике составляет у русских 1189, но в городах этот показатель выше – 1201, что приближается к показателям переписи 1970 г. и 1960-х гг. в целом, когда особенно остро ощущались демографические последствия Великой Отечественной войны.

* Столярова Гузель Рафаиловна (Казань) – доктор исторических наук, профессор кафедры этнографии и археологии Казанского государственного университета, guzelstol@mail.ru.

** Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №10-01-18054е.

В противоположность русским у татар проявилась положительная демографическая динамика. Перепись 2002 г. дала возможность при характеристике демографического облика татар трижды применить понятие «впервые»: впервые доля татар в населении оказалась абсолютно доминирующей, преодолев планку в 50% (52,9%); впервые численность татар республики превысила 2 млн. чел.; впервые за все время существования республики татары численно (на 1,6%) обошли русских и составили относительное большинство городского населения – 47,7% (в 1989 г. – 42,1%, в 1979 г. – 37,7%, в 1970 г. – 36,7%). Еще больше увеличилась за период между переписями 1989 и 2002 гг. доля татар и в структуре сельского населения: с 65,5 до 67,8%.

В половой структуре татарского населения в период между переписями 1989 и 2002 гг. произошли следующие изменения: численность мужчин возросла на 109,8 тыс. чел., в том числе в составе горожан – на 87,8 тыс. чел., в составе сельских жителей – на 22 тыс. чел.; численность женщин увеличилась на 124,8 тыс. чел., подавляющее большинство из которых – 123,6 тыс. чел. увеличили количество городских жителей. Прирост женщин-татарок в сельской местности составил 1,2 тыс. чел. Соотношение женщин и мужчин у татар в целом по республике: на 1000 мужчин приходится 1155 женщин (в том числе в городе – 1181, в сельской местности – 1106), что выглядит более оптимально, чем половая структура русских.

Таким образом, причин сокращения численности и доли русского населения в РТ и роста соответствующих показателей у татар как минимум две. Во-первых, при единых тенденциях естественного движения населения демографическая ситуация у русских выглядит ущербнее, чем, к примеру, у татар, т.е. показатели смертности русских выше, а показатели рождаемости ниже. К примеру, в 2003 г. рождаемость у русских составила 7,2‰, а смертность – 12,5‰ (естественная убыль -5,3‰), а у татар рождаемость – 7,6‰, смертность – 9,8‰ и естественная убыль – 2,7‰. К тому же структура населения по полу у татар более благоприятна, чем у русских.

Вторая причина заключена в этнических аспектах механического движения населения. С наступлением постсоветского периода в республику начало прибывать большое количество мигрантов из бывших союзных республик, в составе которых преобладали этнические татары (особенно из среднеазиатского региона). Судя по всему, значительный приток татарского населения сыграл существенную роль в перераспределении групп этнического большинства в населении Татарстана. Одновременно в отдельные годы было отмечено отрицательное сальдо миграции у русских. Поскольку интенсивность миграционных потоков пока не снижается, можно ожидать укрепление позиции титульной этнической группы в населении по результатам предстоящей переписи населения 2010 г.

В половозрастной структуре обеих групп этнического большинства в Татарстане больше сходства, чем различий. Лица, входящие в младшие возрастные группы (до 18 лет), составляют 24,9% у татар (в том числе 24,7% среди городского и 25,1% среди сельского населения) и 22,4% у русских (в том числе 22,0% среди городского и 24,2% среди сельского населения); в обеих этнических группах и в городе, и на селе мужское население преобладает над женским. В группах основного фертильного возраста (19–40 лет) находится 31,8% русских (в том числе 32,8% в городе и 26,4% в сельской местности) и 31,5% татар (в том числе 30,2% среди горожан и 26,8% среди жителей села). Совокупная доля мужчин в этих группах также выше доли женщин. На старшие возрастные группы (старше 55 лет) приходится 20,8% татар (16,8% в городе и 28,8% на селе) и 22,2% русских (21,3% в городе и 28,3% на селе). При этом доля женщин в обеих этнических группах, в обоих массивах вдвое превышает долю мужчин. Особенно разительна картина в возрастной группе от 70 лет и старше, где у татар находится 4,2% мужчин и 8,1% женщин в структуре городского населения и 7,9% мужчин и 17,6% женщин в структуре жителей села, а у русских, соответственно – 4,7% и 10,5% (город); 7,2% и 17,7% (село).

Что касается динамики численности других этнических групп – в совокупности представители 115 национальностей, проживающих в Татарстане, составили в 2002 г. 7,6% всего населения – то резких колебаний не отмечается. Это относится, в первую очередь, к представителям местных поволжских народов – чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов, башкир. В численности остальных этнических меньшинств РТ случаются скачки роста и снижения, но лишь в относительных показателях, тогда как абсолютные показатели невелики (например, численность арабов и турок в РТ с 1989 по 2002 г. выросла, соответственно, в 206 и 32 раза, тогда как абсолютная численность составила 540 чел. турок и 206 арабов).

Новым в переписи 2002 г. в сравнении со всеми остальными послевоенными переписями стало выделение кряшен в составе татар. Как известно, этому предшествовала острая общественная дискуссия, в которой сторонники выделения кряшен отдельной строкой, инициированные руководством кряшенских общественно-культурных объединений и поддержанные специалистами Института этнологии и антропологии РАН, делали упор на фактически сформировавшееся этническое самосознание кряшен. Одновременно противники большей частью из сторонников радикально-национальных татарских общественно-политических движений опасались раскола «единой татарской нации», потери татарами второго места по численности среди народов России. В итоге перепись 2002 г. зафиксировала в России около 300 тыс. кряшен, что, по оценке специалистов, составляет около 10% этнических кряшен. В Татарстане кряшенами себя назвали 18760 чел. или примерно 0,5% всего населения. Большинство кряшен (11911 чел.) проживает в городах. Представляется, что оценить истинный масштаб консолиди-

рованности этнического самосознания крымчан можно будет, лишь наблюдая динамику их численности в предстоящих переписях населения.

В этнодемографическом облике Татарстана появилась новая черта, связанная с массовым въездом в республику трудовых мигрантов. Эта категория лиц существовала и в советский период, но в последние 20 лет ситуация существенно изменилась.

Данные переписи населения 2002 г. по РТ выявили достаточно позитивную направленность этноязыковых процессов. С 1989 по 2002 г. число русских Татарстана, владеющих татарским языком, увеличилось с 1,1 до 4,3%. Безусловно, принятие законов о государственных языках РТ, реализация программ и концепций развития образования, языков и культуры, в которых нашла свое отражение языковая политика региона, приносит свои плоды. Тот факт, что из 2261 общеобразовательной школы республики 1147 являются татарскими, из них 92 – гимназии, лицеи, школы с углубленным изучением отдельных предметов, в 380 школах имеются классы с татарским и русским языками обучения, а также наличие 119 чувашских, 44 удмуртских, 20 марийских, четырех мордовских, одной башкирской школы и одной школы с еврейским этнокультурным компонентом, свидетельствует, что в Татарстане сформировалась целостная система обеспечения культурно-образовательных потребностей проживающих в республике этнических групп. К этому следует добавить, что в 52 воскресных школах РТ изучаются языки 27 национальностей (украинский, азербайджанский, армянский, польский, немецкий, еврейский, грузинский, узбекский, киргизский, таджикский, башкирский, лезгинский, ассирийский, ряд языков народов Поволжья, арабский, французский, английский, итальянский, индийский, афганский и др.).

Таким образом, в преддверии очередной Всероссийской переписи населения в этнодемографических процессах в Республике Татарстан наметились как позитивные, так и негативные тенденции. Безусловный положительный потенциал обнаруживается в темпах естественного прироста и основании половозрастной пирамиды, в миграционном обмене и этноязыковых процессах. Ряд неоднозначных тенденций обнаруживается в демографическом развитии русских, что, по мнению некоторых аналитиков, может вызвать цепную реакцию негативного характера. В любом случае демографические процессы выступают необходимым фоном для изучения целого комплекса общественных проблем.

В.А. Исупов*

Проблемы и перспективы историко-демографических исследований в Сибири**

Современная демографическая ситуация. Интерес к проблемам исторической демографии, который сегодня остро чувствуется как в научной среде, так и среди широкой общественности определяется целым рядом обстоятельств. Главное из них (помимо всех прочих) состоит в том, что демографическая ситуация, сложившаяся в России в конце XX в. продолжает вызывать серьезную озабоченность. Она характеризуется сложными и неординарными процессами. К началу XXI столетия Россия в целом и подавляющее большинство (за небольшим исключением) её отдельных регионов подошли в состоянии устойчивого процесса депопуляции. Развернувшиеся во второй половине 1960-х гг. негативные процессы в области воспроизводства населения, выразившиеся в сокращении рождаемости и увеличении смертности в начале 1990-х гг. переросли в стойкое абсолютное сокращение численности россиян. Ныне это сокращение приобрело характер, угрожающий национальной безопасности. Современная Россия имеет один из самых высоких в мире темпов убыли населения. Сокращается и численность населения Сибири, что являет собой чрезвычайно редкий феномен в демографической истории региона.

Исторический фактор в демографической динамике. Попытки российского правительства разработать эффективную демографическую политику и реализовать программы демографического развития пока не увенчались успехом. Позитивные сдвиги есть, но они обусловлены структурными, а значит ситуационными, временными факторами. Принципиально изменить демографическую ситуацию, добиться решительного перелома не удастся. Рождаемость остается низкой, смертность высокой. Разрыв в продолжительности жизни населения России и развитых стран не только не сокращается, но напротив, увеличивается.

Причины современной кризисной демографической ситуации многообразны. Их анализ лежит вне рамок данной статьи. Но бесспорно, что одним из факторов негативного влияния являются причины исторического характера. Корни нынешней, крайне напряженной демографической ситуации уходят в прошлое. Ответ на вопрос о том, что происходит сегодня, необходимо искать, помимо всего прочего, и в особенностях исторического развития страны. Это декларируют не только историки, но признают сами демографы. «Ни настоящее, ни будущее не может быть понято без знания прошлого», – указывается в предисловии к одной из лучших отечественных книг по демографии [1].

В данном случае нельзя упускать из виду пролонгированность демографических процессов, их сильную растянутость во времени. Лаг между причиной и следствием в демографии составляет несколько десятилетий. «Горизонт демографа, – писал известный французский демограф А. Сови, – по крайней мере, время жизни одного поколения. Проходит около 20 лет, пока ребенок станет взрослым, и еще полстолетия, прежде чем он окончит трудовую деятельность» [2]. Демографы не только хорошо осознают значение исторического фактора, но чаще, чем представители других наук, обращаются к истории. Доказательством тому являются работы А.Г. Вишневого, А.Г. Волкова, Л.Е. Дарского, А.Я. Кваши, Л.Е. Рыбаковского, Б.Ц. Урланиса и других выдающихся демографов.

Демографическая подсистема общества эволюционирует под влиянием двух основных групп факторов и, прежде всего, собственно демографических, таких, например, как половозрастная структура населения, календарь рождений, возрастные вероятности смерти, репродуктивное поведение людей и другие. Блестяще владея методами демографического анализа и математическим аппаратом, отечественные демографы добились весьма серьезных результатов в исследовании внутренней логики развития демографической подсистемы общества. Но если рассматривать эволюцию населения в широком историческом контексте, нельзя не учитывать воздей-

* **Исупов Владимир Анатольевич** (Новосибирск) – доктор исторических наук, зав. сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН, vladimir_2004_@mail.ru.

** Публикация осуществлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

ствие внешних (по отношению к демографической подсистеме), недемографических факторов социально-экономического, политического и культурного характера. А это задача историков. Историки могут и должны сыграть роль, только им предназначенную. «Учитывая, что выявление закономерностей развития может быть осуществлено лишь на историческом материале, можно сделать вывод о том, что такой комплексный подход обеспечивает только история», – подчеркивал еще в 1985 г. Я.Е. Водарский [3].

Таким образом, без историков с их развитым инструментарием анализа общественно-политических процессов и их воздействия на динамику народонаселения, глубоко разобраться с демографическими процессами, а тем более разработать эффективную демографическую политику невозможно. В этом случае исследователи прибегают к содействию истории. В этом дискурсе, несомненно, историческая демография имеет прямые выходы на современность.

Становление исторической демографии. Но историческая демография важна не только как научное направление, способствующее решению конкретных задач прагматического характера. Так, учет событий первой половины – середины XX столетия очень важен для глубокого уяснения процесса формирования и дальнейшего движения демографических волн, а, следовательно, для понимания на первый взгляд казалось бы хаотичных колебаний рождаемости, происходящих сегодня. При всем том прагматическая функция исторической демографии это лишь одна сторона медали. Есть и другая. Без знаний о динамике населения в прошлом, о его численности, структуре, воспроизводстве и миграциях, наши представления об истории отечества неполны и отрывочны. Нельзя не согласиться с утверждением Ю.А. Полякова, В.З. Дробижева и Д.К. Шелестова, что «историческую демографию можно назвать становым хребтом... исторической науки» [4]. Поэтому историки всегда стремились учитывать демографический фактор в развитии общества. И все же для большинства из них проблемы народонаселения были и остаются всего лишь боковой ветвью исследований. К истории населения они обращаются, решая свои главные задачи, или, что часто случается, упрощенно используют статистические данные о населении только как иллюстративный материал. Историческая демография в таких условиях является не самостоятельным научным направлением, но выступала скорее в роли своеобразной вспомогательной исторической дисциплины.

Между тем необходимость вычленения исторической демографии в особую научную дисциплину (с собственным объектом и предметом исследования, особыми целями и задачами), была осознана очень давно. В исторической науке сформировалось четкое понимание необходимости проводить специальные исследования по истории народонаселения. Достаточно напомнить монографию П.Н. Милюкова, вышедшую пятым изданием еще в 1904 г. [5]. В ней развитию населения России посвящен специальный и объемистый очерк.

В Сибири первые работы, которые можно отнести к историко-демографическим, увидели свет в первые годы сразу после завершения Гражданской войны [6]. В них были предприняты попытки подвести итог предшествующему бурному периоду демографических кризисов и катастроф. В 1930 г. была издана и ныне пользующаяся широкой известностью монография Е.З. Волкова, в основном посвященная решению задач историко-демографического характера [7]. Очевидным успехом Е.З. Волкова была реконструкция численности и движения населения России и её отдельных регионов (в том числе и Сибири) в годы Первой мировой и Гражданской войн. В сибирском регионе значительный вклад в историко-демографические исследования внес А.И. Чураев, в 1933 г. выпустивший монографию, посвященную развитию населения Восточной Сибири [8].

Однако в силу ряда причин, главным образом политического характера, демографические, в том числе и историко-демографические исследования во второй половине 1930-х гг. были свернуты. Советское государство не было заинтересовано в открытом обсуждении огромных потерь, которые понесло население СССР в начале 1930-х гг., особенно во время голода 1932–1933 гг. Демографический институт АН СССР в Ленинграде был закрыт в 1934 г. Отныне Сталин сам диктовал данные о численности населения и параметрах демографического развития СССР.

В Сибири, демографические исследования были сосредоточены в органах статистики. Многочисленные и зачастую неоправданные реорганизации статистических органов привели к тому, что демографические изыскания были фактически свернуты. Публикация статистических сведений прекратилась. В Сибири последней публикацией, затрагивающей историко-демографическую проблематику, стала небольшая по объему брошюра К.И. Романова, опубликованная в 1935 г. [9].

Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. в обстановке всеобщей подозрительности, повальной шпиономании и открытого государственного террора не могли стимулировать исследования. Перепись 1937 г. вообще была объявлена фальсифицированной врагами народа. На статистиков обрушились репрессии.

Перепись 1939 г., вместо получения объективных сведений о населении, была призвана языком цифр подтвердить правильность политической линии партии. Газета «Правда» накануне публикации данных переписи указывала: «Трудящиеся всех стран увидят... как под благодатными лучами Сталинской Конституции из года в год увеличивается рождаемость в нашей стране, как неуклонно повышается культурный уровень советских людей» [10]. По сути, демография, едва зародившись как наука, была подвергнута погрому. О снижении научного

уровня работ говорит хотя бы тот факт, что почти все статьи, вышедшие по итогам переписи 1939 г. были не научными, но скорее политико-идеологическими. Курьёзно, что авторы были настолько напуганы репрессиями, что все публикации, за редким исключением, носили одинаковое название [11]. В сибирском регионе издание материалов по населению ограничивалось краткими данными о численности и социально-классовом составе жителей региона [12]. Никаких сведений, а тем более аналитики о воспроизводстве и миграциях населения не публиковалось.

Публикации по историко-демографическим сюжетам ограниченно возобновились только во второй половине 1950-х гг. [13]. В 1957 г. известный историк В.К. Яцунский призвал интенсифицировать исследования по истории населения [14]. Однако недоступность источников, строжайшая цензура, ограниченность проблематики привели к тому, что призыв оказался «гласом вопиющего в пустыне». В этих условиях исследователи вынуждены были ограничиться созданием работ, посвященных критике так называемых «буржуазных теорий и фальсификаций» [15]. Появление в 1960-е гг. отдельных публикаций (главным образом в виде статей) не меняло ситуацию в целом [16]. К тому же в этих публикациях объект исследования не был четко определен, а предмет исторической демографии по-прежнему не вычленился из собственно исторической географии и статистики. В полном соответствии с этой тенденцией, в Сибири изучение населения, главным образом городского, сосредоточилось в основном в исследованиях географов. Последние внесли значительный вклад в характеристику динамики численности и формирования сети городских поселений восточных районов СССР [17].

Научный вакуум в отечественной демографии, в том числе и исторической, заполнялся исследованиями западных историков и демографов [18]. Западные историки и демографы добились значительных успехов в исследовании демографической подсистемы СССР, но лишённые источниковой базы, они скорее интуитивно «догадывались», чем достигали точного научного знания. Самые изощренные методы анализа не могли заменить конкретных статистических материалов. К тому же они концентрировали свое внимание не на поиске закономерностей демографической истории, а главным образом на определении потерь советского населения и выявлении воздействия политических факторов на демографическую подсистему советского общества.

Как самостоятельное научное направление историческая демография в нашей стране стала возрождаться только в 1980-е гг., когда увидели свет несколько монографий, специально посвященных некоторым проблемам демографической истории [19]. Но особенно бурное развитие получила историческая демография с начала 1990-х гг., когда были сняты идеологические «табу», ликвидированы цензурные запреты, приоткрыты архивы и интенсифицированы публикации статистических источников. Проблемы исторической демографии, которая окончательно выделилась в особое научное направление, решаются в трудах многих исследователей.

Сегодня самым значительным достижением историков в области демографической истории нашей страны стал выход в свет в 2000–2005 гг. фундаментального трехтомника «Население России в XX веке» [20]. Труд незавершен – ожидается появление второй книги третьего тома. Но даже в незавершенном виде эта фундаментальная работа отечественных историков подвела итоги периода скачкообразного роста историко-демографических исследований в 1990-е – в начале 2000-х гг. На региональном уровне историческая демография особенно бурно развивается на Урале [21]. Появились первые работы по исторической демографии и в Сибири [22]. Тем не менее цельное представление о демографической истории России еще не сложилось. Несмотря на форсированное развитие исследований, картина демографической истории как страны в целом, так и ее отдельных регионов остается отрывистой, мозаичной. Для исследований характерны чересполосица и наличие множества белых пятен.

Отечественная историческая демография к настоящему времени накопила огромный эмпирический материал. Удалось выявить некоторые количественные параметры динамики численности, воспроизводства и миграций населения. Ныне можно дискутировать о точности опубликованных цифровых данных, корректировать их в сторону увеличения или уменьшения, но прочный фундамент для дальнейших исследований создан. Это не простая, но в некотором смысле черновая часть работы. Отныне ученым предстоит решить еще более сложную задачу – определить качественное содержание демографического процесса, вскрыть его сущностные характеристики.

Основными проблемами исторической демографии, которые особенно настоятельно требуют разрешения, по нашему мнению, являются:

- Динамика численности населения, главным образом его годовые колебания в межпереписные периоды.
- Смертность и продолжительность жизни населения.
- Рождаемость как важнейший элемент воспроизводства населения.
- Половозрастная структура населения.
- Потери населения СССР и его отдельных регионов вследствие действия пертурбационных недемографических факторов социально-политического характера.
- Проблемы источниковедения. За исключением анализа Всеобщих переписей населения, не проведен полноценный источниковедческий анализ материалов, характеризующий текущий учет естественного (загос-

ская статистика) и механического (паспортная статистика) движения населения России в XX столетии. Не исследованы локальные переписи и учеты населения.

Демографический переход как важнейшая задача современной исторической демографии. Но самое главное – необходимо решить стратегическую задачу исторической демографии – проблему демографического перехода. Это стержень всего развития населения. Первоначальная разработка концепции демографической трансформации, как известно, связана с именем французского демографа А. Ландри, который называл этот процесс «демографической революцией». Термин демографический переход, принятый в настоящее время, был предложен американским демографом Ф. Ноутстайном в 1945 г.

Концептуально теория демографического перехода расчленяет демографическую историю человечества на три стадии. До появления идеи о стадийном характере демографических процессов изменения в населении представлялись как беспорядочно сменяющиеся демографические события. Теперь же они предстают как закономерная смена одного типа воспроизводства населения другим.

Демографический переход, как глобальный общемировой процесс, затронул и Россию. Но в нашей стране он имеет массу особенностей. Россия позднее, чем другие страны, вступила в фазу демографического перехода – в конце XIX – начале XX в. Но основное своеобразие определяется особенностями социально-политического развития страны, а именно мощным пертурбационным воздействием государства на демографическую сферу страны. Демографическую историю нашей России XX в. можно представить как перманентный кризис, который трижды перерастал в демографические катастрофы: периода революций и Гражданской войны, голода начала 1930-х гг., Второй мировой войны, послевоенного голода 1946–1947 гг. Население СССР понесло огромные потери, а кривые рождаемости, смертности и численности населения приобрели неестественный, пертурбационный характер. В итоге, демографический переход принял прерывистый, мерцающий характер. Он то сворачивался, то вновь возникал. Остановить демографический переход как объективный процесс было невозможно, но он был сильно заторможен. К тому же, демографический переход и демографическая модернизация в нашей стране оказались незаконченными, а сама модернизация, по выражению Вишневского, была консервативной.

Отмечу, что огромные потери населения не являются прерогативой нашей страны. Очень большие потери и, одновременно, мерцающий характер демографического перехода были характерны для многих европейских стран, в частности для Великобритании, Франции, Германии.

Процесс демографического перехода в России и СССР в целом достаточно детально описан в литературе. Но мы имеем очень слабое представление о процессах, происходивших в регионах, в том числе и в Сибири. Без регионального дискурса полного представления о демографическом переходе нет.

Источники и литература

1. Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006.
2. Сови А. Общая теория населения. М., 1977. Т. 1: Экономика и рост населения. С. 29.
3. Водарский Я.Е. Историческая демография как историческая дисциплина // Проблемы исторической демографии СССР (период социализма). Кишинев, 1985. С. 12.
4. Поляков Ю.А., Дробижев В.З., Шелестов Д.К. Историческая демография: проблемы изучения // Проблемы исторической демографии СССР... С. 16.
5. Милноков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1904. Ч. 1.
6. См.: Мерхалев Д. Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сб. Сибирского статистического управления. Новониколаевск, 1922. Т. II. Вып. 7; Клячкин В. Е. Естественное движение населения города Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–1926 гг. Омск, 1928.
7. Волков Е.З. Динамика населения России за 80 лет. М., 1930.
8. Чураев А.И. Население Восточной Сибири. М.; Иркутск, 1933.
9. Романов К.И. Смертность и продолжительность жизни населения городов Восточной Сибири за 1926–1927 гг. (Иркутск, Чита, Красноярск). Иркутск, 1935.
10. Правда. 1939. 4 сент.
11. Бузин Д. Население страны социализма // Проблемы экономики. 1939. № 6; Саутин Л. Население страны социализма // Партийное строительство. 1939. № 12; Писарев И. Население страны социализма // Плановое хозяйство. 1940. № 5.
12. Кассин И. Иркутская область (очерки). Иркутск, 1939; Филимонов Д.К., Малкин Г.В., Тверской А.Н. и др. Край социалистического созидания (Новосибирская область на рубеже сталинской пятилетки). Новосибирск, 1939; Сериков И.А. Красноярский край. Экономико-географический обзор. Красноярск, 1940; Омская область сегодня. Омск, 1940; Советское Забайкалье. Чита, 1940 и др.
13. См. к примеру: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956.
14. Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР. 1957. № 1.
15. Смулевич Б.Я. Критика буржуазных теорий политики народонаселения. М., 1959; Попов А.Я. Современное мальтузианство. Очерк критики. М., 1960 и др.
16. Максимов Г.М. Движение и состав населения СССР // История СССР. 1961. № 1; Данилов В. П. Сельское население Союза СССР накануне коллективизации (по данным общенародной переписи 17 декабря 1926 г.) // Исторические

записки. 1963. № 74; Вылцан М.А. Численность и состав сельского населения СССР за 50 лет // История СССР. 1967. № 6; Ковалев С.А. Изменения в размещении населения СССР за годы социалистического строительства // Вестник МГУ. Серия V. География. № 3. М., 1968 и др.

17. Воробьев В.В. Изменения в географии городов юга Восточной Сибири за 40 лет Советской власти. Иркутск, 1957; Он же. Формирование городской сети юга Восточной Сибири. Иркутск, 1958; Мыггарев А.А. История заселения и образования городских поселений на территории Кемеровской области // Материалы I Междугосударственного совещания по географии населения. М.; Л., 1961. Вып. III и др.

18. Anderson B.A., Silver B.S. Demographic Analysis and Population Catastrophos in the USSR // Slavic Review. Volum 44. № 3; Davies R.W., Wheatcroft S.G. Steven Rosefieldes Kliukva // Slavic Rewiew. Volum 39. № 44 и др.

19. Шелестов Д.К. Демография: История и современность. М., 1983; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и населения. М., 1986; Дробижев В.З. У истоков советской демографии. М., 1987 и др.

20. Население России в XX веке. Исторические очерки. М., 2000. Т. 1: 1900–1939; М., 2001. Т. 2: 1940–1959; М., 2005. Т. 3. Кн. 1: 1960–1979.

21. См., напр.: Корнилов Г.Е. Уральское село и война (Проблемы демографического развития). Екатеринбург, 1993; Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005.

22. См.: Зверев В.А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1988; Исупов В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991; Он же. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008; Гушин Н.Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995; Кышпанаков В.А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан, 1995; Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А. Сельское население Западной Сибири в 1960-е – 1980-е гг. (Факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск, 2003; Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007 и др.

Историография изучения населения Юга России (конец XIX – первая треть XX века)

Цель предлагаемых материалов – проследить основные вехи формирования историографической картины изучения демографической динамики на Юге России в хронологических границах – январь 1897 – декабрь 1926 гг. Даты определены временем проведения переписей, наиболее полно и точно официально зафиксировавших состав и структуру населения. И, как подчеркивает в предисловии к первому тому фундаментального издания «Население России в XX веке» В.Б. Жиромская, «для демографической истории переписи настолько важны, что даты их проведения сами по себе могут служить основанием для периодизации» [1]. Верхняя граница также совпадает с принятием Кодекса законов о браке, семье и опеке, утвердившего институт фактического брака. Это напряженные годы российской истории: Русско-японская война, Октябрь 1917 г., Первая мировая и Гражданская войны... – перечень переломных событий далеко не полный. И в относительно благополучные 1920-е гг. государству не удалось миновать «точки бифуркации». Подобный транзитивный период Российская Федерация переживает сегодня.

Наше внимание сконцентрировано преимущественно на региональной историографии. Между тем невозможно не упомянуть фундаментальные труды, издание которых стало мощным фактором развития отечественной школы исторической демографии, определив приоритетные сюжеты южно-российских исследований.

Интенсивное исследование социально-демографической ситуации, сложившейся в Российской империи на рубеже XIX–XX столетия, было стимулировано подготовкой и проведением в 1897 г. **Первой всеобщей переписи населения**. В книге «К познанию России», увидевшей свет в 1907 г., итоги переписи проанализированы Д.И. Менделеевым. Позиция выдающегося российского ученого и общественного деятеля, то исключительное значение, которое он придавал демографическим проблемам, представлены в следующих строках: «ставлю вопросы о народонаселении на первый план между всеми другими внешними вопросами человеческого общения и полагаю, что не только наука (особенно же науки экономические), но и политика, даже религия и понятия о прекрасном должны поставить задачу народонаселения на первейший план. Ее забвение составляет одну из ошибок мышления, которая, по моему мнению, объясняет немалое число мировых погрешностей» [2].

Ученый-энциклопедист впервые в отечественной историографии применил понятия «центр поверхности» и «центр населенности» страны и региона, рассчитав их расположение (в границах административного устройства 1897 г.) для Российской империи в целом и для 97 ее губерний и областей по отдельности. Приведены и географические координаты 19 более крупных (по сравнению с 97 «низовыми» регионами) территориальных образований [3]. Одно из них – Кавказский край, объединивший Кубанскую, Терскую и Ставропольскую губернии с Дагестанской и Черноморской областями. Область Войска Донского включена в состав Южно-Русского края.

В отличие от сегодняшней ситуации, когда универсальным практически общемировым началом отсчета географической долготы служит Гринвичский меридиан, в Российской империи в качестве нулевого выступал меридиан Пулковской обсерватории. Следовательно, рассчитанный Д.И. Менделеевым в начале XX в. параметр долготы ЦН нуждается в корректировке. Еще один фактор, не позволяющий использовать полученные Д.И. Менделеевым координаты, – административно-территориальное устройство 1897 г. отличалось от последующих вариантов АТД Северного Кавказа. Опираясь на усовершенствованную современными методами логику расчетов Д.И. Менделеева, нами определены координаты ЦН Северо-Кавказского экономического района (СКЭР) и ЮФО (в границах май 2000 – январь 2010 г.), прослежена их динамика от 1897 г. к 2002 г. [4].

Из региональных исследований дооктябрьского периода наиболее важны работы Л.С. Балуева [5], В.Н. Корниевского [6], А.И. Твалчрелидзе [7], З.И. Щелкунова [8], Н.И. Таранова [9], Ф.А. Щербины [10], Л.В. Македонова [11]. Публикации тех лет имеют особое значение, являясь не только первыми попытками научного осмысления часто ещё происходящих событий, но и полноценным (а иногда – и единственным) историческим источником.

Годы Первой мировой и Гражданской войн не способствовали издательской деятельности. Однако и в этот сложный период на Юге страны она не прекращалась [12]. Определенным стимулом будущих демографических исследований стало создание Центрального статистического управления (1918 г.).

Возврат к «военной» проблематике произошел позже. В монографии Л.И. Лубны-Герцыка [13] на основании представительного статистического материала, опубликованного в центральной и региональной печати в 1916–1925 гг. (в частности, приводятся данные по южнороссийским регионам), проанализированы основные тенденции рождаемости и смертности в военные годы. Многие региональные исследования также посвящены

---

* Макаренко Мария Юрьевна (Краснодар) – доктор исторических наук, доцент Кубанского государственного университета.

анализу процессов естественного движения. Особое значение имеют для нас работы, в которых приводятся показатели со ссылкой на несохранившиеся документы [14].

Поскольку в начале нэпа организация статистического учета налаживалась быстрее в городах, нежели в сельской местности, мы имеем преимущественно исследования городского населения. Ситуация, в определенной степени, сохраняется и до середины 1920-х гг. З.П. Подольская [15] на основании анализа карточек регистрации браков, предоставленных Кубанским статбюро, исследует динамику брачности, распределение заключаемых браков по месяцам, возрастной и национальный состав брачующихся и т. д. Автор сопоставляет показатели с данными по Москве и Московской губернии, приводимыми в исследовании П.И. Куркина и А.А. Чертова [16]. В статье Л. Лебедева [17] проанализированы основные аспекты естественного движения населения. Одно из главных достоинств обоих исследований – обширный статистический материал. П.В. Мироновым прослежен процесс формирования, динамика численности и состава населения Екатеринодара-Краснодара практически со времени его основания до 1920 г. [18].

Научному анализу подвергается демографическая ситуация в отдельных регионах Северного Кавказа [19].

В центре внимания демографов (как в целом по стране, так и на Северном Кавказе) – вопросы текущего статистического учета. В работах региональных исследователей рассматривалась история возникновения и начала функционирования отделов загс на территории Северного Кавказа; выработка оптимальных форм учета движения населения и т. д. [20].

К середине 1920-х гг. особенно актуальными в связи с проектами принципиально нового районирования территорий становятся вопросы исторической ретроспективы развития народного хозяйства (в том числе и его демографических аспектов) Северного Кавказа, выбранного в качестве «экспериментальной площадки» реформы [21]. Интересным представляется сопоставить развитие реформы административно-территориального устройства на Северном Кавказе с аналогичным процессом в Нижнем Поволжье [22], регионе, руководство которого обстоятельно изучало все плюсы и минусы районирования соседнего Северного Кавказа, особенности управления народным хозяйством в условиях полиэтничности.

Во введении к фундаментальной «Морфологии населения» А.И. Гозулов подчеркивает, что считает возможным «несколько отступить от принципа научной выдержанности и развернуть статистический материал (имеются в виду материалы переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. – М.М.) и описания к нему, придав по возможности им компактную форму» [23]. Статистик не ограничивается статическим изучением социально-демографической ситуации, сложившейся на Северном Кавказе к концу 1926 г. – накануне начала свертывания нэпа; свою задачу он видит в исследовании на основании анализа переписей 1897, 1920 и 1926 г. динамических процессов: движения численности и изменения строения основных свойств населения за тридцатилетний период. Пристальное внимание уделяется А.И. Гозуловым сопоставлению и анализу понятийного аппарата переписей.

Широкие пласты информации по Северному Кавказу можно извлечь и из других работ А.И. Гозулова [24]. Впоследствии траектория научных интересов автора эволюционировала в сторону изучения общемировых проблем учета населения [25].

В монографии Е.З. Волкова [26] приводятся годовые показатели численности населения России (за отдельные годы – и регионов Юга) с 1850 по 1930 г.

Общественно-политическая ситуация 1930-х гг. не способствовала появлению объективных исследований: «абсолютизация роли „производства материальных благ“... побудила официальное обществоведение времен сталинщины отнести спонтанные демографические процессы к числу второстепенных... Это определило судьбу демографических исследований» [27]. **Власть предпринимает конкретные шаги к их сворачиванию: в 1934 г. закрывается Демографический институт АН СССР.**

Многие из региональных работ лет «демографического молчания», посвященных анализу интересующего нас периода, выходили либо под редакцией А.И. Гозулова [28], либо принадлежат перу выдающегося статистика [29].

Оживление наступает после окончания Второй мировой войны. Приоритетная тема историко-демографических исследований определена характером момента: ею становится анализ демографических последствий войн. Демографические результаты периода 1915–1923 гг. (точнее – демографические потери, поскольку акцент ставится именно на них) – объект изучения в монографии зарубежного демографа Ф. Лоримера [30].

Спустя почти три десятилетия к проблематике вернулся А.Я. Боярский [31], определивший основные показатели естественного движения населения за время практически полного отсутствия достоверной статистической информации для большинства регионов страны. При подсчетах А.Я. Боярский опирается на материалы переписи 1926 г., а также на данные официальных публикаций. Показатели высчитаны для европейской части СССР в границах 1926 г. без Урала и Северного Кавказа. Работа А.Я. Боярского (как и ранее упоминавшееся исследование

Е.З. Волкова) привлекает, прежде всего, самой методикой расчета, элементы которой активно использовались в исследованиях 1980–1990-х гг. [32]. Интерес к проблемам, связанным с потерями мировой и Гражданской войн, сохранялся в течение долгого времени [33].

С конца 1960-х гг. активизируется научно-исследовательская деятельность: в стране интенсивно создаются подразделения демографического профиля. В 1968 г. образованы Научный совет по социально-экономическим проблемам народонаселения при Отделении экономики АН СССР и Центр по изучению проблем народонаселения в МГУ. В 1980 г. – отдел социально-демографических проблем в Институте социально-политических исследований РАН. В 1984 г. – Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии при Отделении истории РАН.

Интенсивно развивается региональная историография. О том, насколько важное значение придавала власть управлению демографическими процессами в Северо-Кавказском экономическом районе, свидетельствует сам факт издания с грифом «для служебного пользования» книги «Население и трудовые ресурсы» [35], в которой обстоятельно проанализирована историческая ретроспектива этно-демографической ситуации. В книге дана комплексная характеристика населения и трудовых ресурсов, городского и сельского расселения в границах СКЭР.

Развитию населения региона на протяжении 60-летнего периода, включающего первую половину 1920-х гг., посвящается диссертационное исследование Т.Т. Абубакарова [36]. В 1984 г. издан сборник «Октябрьская революция и изменения в облике сельского населения Дона и Северного Кавказа (1917–1929 гг.)», ряд статей которого посвящен анализу социально-демографического облика сельского населения региона [37].

Особо хотелось бы отметить исследование В.Б. Жиромской, одна из глав которого [38] посвящена анализу возрастного-полового состава населения. Автором сделан ряд важных выводов об особенностях половозрастного облика России середины 1920-х гг., о ходе процессов естественного воспроизводства населения и т. д. Научно обоснованно заключение о том, что, исходя из анализа возрастного-полового состава населения, «можно говорить о начальных стадиях демографического перехода лишь у славянских народов... страны. В восточных регионах черты традиционного общества с его высокой рождаемостью и смертностью у народов коренных национальностей были выражены очень ярко». Собранные и проанализированные нами материалы по многонациональному Северному Кавказу полностью подтверждают это суждение [39].

В 2000 г. выходит первый том академического проекта «Население России в XX веке», посвященный исследованию периода 1900–1939 гг. Внимание коллектива сотрудников Института российской истории РАН (Ю.А. Полякова, В.Б. Жиромской, Н.А. Араловец, О.М. Вербицкой, В.М. Кабузана и др.) сконцентрировано на исследовании малоизученных и остроактуальных проблем (особенности воспроизводства в начале XX в., история городской и сельской семьи, потери населения и армии в Первой мировой и Гражданской войнах, динамика численности населения) этно-демографической истории страны. Авторы опираются на обширный и разноплановый круг источников.

В последние годы появились исследования с новым концептуальным осмыслением различных аспектов региональной истории [40].

Стержнем, надолго формирующим принципы этнодемографических исследований, стала монография В.М. Кабузана [41]. На обширном фактическом материале В.М. Кабузаном скрупулезно охарактеризована динамика естественного и механического движения населения в дооктябрьский период. Пристальное внимание уделяется изменениям этнической карты региона. Не столь детально представлено развитие процессов на протяжении следующих лет. Это признает и сам автор, называя причину – «после 1917 г. Северный Кавказ длительное время находился в бедственном состоянии... казачество в основном не поддержало коммунистического режима... К сожалению, мы не располагаем за этот... период достаточно обстоятельными и точными материалами о естественном и механическом приросте населения региона. Они все еще... ждут своих исследований. Однако есть все основания полагать, что они тенденциозны, недостаточно полны... и поэтому нуждаются в самом строгом источниковедческом анализе*». В результате – динамика населения в 1920–1980-е гг. представлена (по словам самого В.М. Кабузана) «в самом общем виде», и ученый выражает надежду, «что эта важная и нужная проблема будет еще исследована на научном уровне по первоисточникам» [42].

Таким образом, подчеркивается одна из наиболее важных сторон историко-демографического исследования: анализу и изложению его результатов неизбежно предшествует характеристика полноты и достоверности источников. И это неизбежно придает изложению темы в целом источниковедческий характер.

Анализ конкретно-историографических проблем необходим для осмысления закономерностей эволюции исторической демографии, её положения и роли в системе гуманитарных дисциплин. Объем и характер исследований, осуществленных к сегодняшнему дню, позволяет говорить о формировании исторической демографии как одного направления в отечественной исторической науке. Между тем, региональные аспекты, во многом все

* Это замечание воспринято нами со всей серьезностью: организация статистического учета, подготовка и проведение переписей, особенности разработки их материалов стали одним из магистральных сюжетов монографии «Население Северного Кавказа в конце XIX – первой четверти XX века: историко-демографическое исследование».

еще остаются «белым пятном» в комплексе научных разработок. Одна из основных причин – сложность работы с источниками.

Литература и источники

1. Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. М., 2000. Т. 1: 1900–1939. С. 5.
2. Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002.
3. Менделеев Д.И. О центре России // Там же. М., 2002. С. 159, 172.
4. Макаренко М.Ю. Население Северного Кавказа в конце XIX – первой четверти XX века: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2009. С. 126–144.
5. Балувев Л.С. История и статистические описания станиц и городов Области войска Донского в 1900 г. Новочеркасск, 1900.
6. Корниевский В.Н. Калмыки Донской области, Астраханской и Ставропольской губерний // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб.; М., 1899. Т. 7, ч. 2: Донско-Каспийская степная область. С. 127–170.
7. Твалчрелидзе А.И. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношении. Ставрополь, 1897.
8. Щелкунов З.И. Состав и рост населения Области Войска Донского за 10 лет (1902–1911) // Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета. Новочеркасск, 1914. Вып. 12. С. 1–23.
9. Таранов Н.И. Низовье Волги от Царицына до Астрахани // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб.; М., 1899. Т. 7, ч. 2: Донско-Каспийская степная область. С. 93–104.
10. Щербина Ф.А. Краткий исторический очерк Кубанского казачьего войска. Воронеж, 1889; Его же. История Кубанского Казачьего Войска: в 2 т. Екатеринодар, 1910.
11. Македонов Л.В. Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 года. Екатеринодар, 1906; Он же. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908.
12. Юго-Восточный статистический сборник / Под ред. Д. Мерхалева // Труды Статистического отделения Юго-Восточного Союза Союзов кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. Ростов-на-Дону, 1918; Сборник статистико-экономического отдела / Под ред. Д. Мерхалева. Екатеринодар, 1920; Мерхалев Д. Города кубанского края (статистический очерк). По данным Всероссийской переписи 1917 года. Екатеринодар, 1919; Щербина Ф.А. Статистика. Екатеринодар; Армавир, 1919.
13. Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926.
14. Есипов В. Население Юго-Востока России и Ростова-на-Дону к 1921 г. Статистический очерк // Государственный Архив Краснодарского Края (ГАКК). Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 114. Л. 86–91; Роецкий К. Наличное население Юго-востока России // Статистика Юго-восточного Края. 1921. № 1–2. С. 2–5; Мерхалев Д.К. Статистика населения в Кубанской области (Рождаемость на Кубани) // Там же. Л. 15–16 и др.
15. Подольская З.П. Брачность города Краснодара в 1925 году // Кубанский научно-медицинский вестник. Краснодар, 1928. Т. 9. С. 163–171.
16. Куркин П.И., Чертов А.А. Естественное движение населения г. Москвы и Московской губернии. М., 1927.
17. Лебедев Л. Брачность, рождаемость и смертность в г. Краснодаре за 1924–1925 гг. // ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 23. Л. 9–16.
18. Миронов П.В. Население Краснодара (Екатеринодара) // ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 23. Л. 33.
19. См., напр.: Антонов Н.С. Население Северной Осетии по переписи 1926 г. Владикавказ, 1928.
20. Скворцов С. Население и территория // Население и хозяйство Кубано-Черноморской области: стат. сб. за 1922–1923 гг. В 3 ч. Краснодар, 1924. Ч. 1. С. 144–145; Логовский М.К. Территория и население // Кубанский статистический сборник за 1924–1926 гг. В 2 т. Краснодар, 1928. Т. 2: Текст. С. 12.
21. Эйсмонт Н.Б. Ближайшее будущее Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1926; Экономическое состояние Дагестана. Отчет Дагэко. М., 1923; Краткий статистический справочник Кабардино-Балкарской автономной области. Год 1-й. Нальчик, 1925.
22. Волго-Каспийский край. (Проект районирования). М., 1928.
23. Гозулов А.И. Морфология населения. Опыт изучения строения основных свойств населения Северо-Кавказского Края по данным трех народных переписей – 1926, 1920 и 1897 гг. Ростов-на-Дону, 1929. С. 2.
24. Гозулов А.И. Влияние мощности хозяйства на структуру основных свойств населения. Ростов-на-Дону, 1925; Он же. Экономическая география Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1927; Он же. Демографические основы пятилетки. (Методологические основания исчисления населения Северо-Кавказского края для пятилетнего перспективного плана). Ростов-на-Дону, 1929.
25. Он же. Переписи населения СССР и капиталистических стран. (Опыт историко-методологической характеристики производства переписей населения) / Под ред. академика С.Г. Струмилина. М., 1936; Он же. Переписи населения земного шара. М., 1970.
26. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М., 1930.
27. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 11–12.
28. Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет / Под ред. А.И. Гозулова. Ростов-на-Дону, 1940.
29. Гозулов А.И. Народное хозяйство Дона до и после Октября. Ростов-на-Дону, 1947.
30. Lorimer F. The population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneva, 1946.

31. Боярский А.Я. К вопросу о естественном движении населения в России и в СССР в 1915–1923 гг. // *Население и методы его изучения*. М., 1975. С. 227, 229.
32. См., напр.: Максудов С. Интернационалисты и русская революция // *Вестник русского христианского движения*. Париж, 1980. № 131; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. *Население Советского Союза 1922–1991*. М., 1993; Поляков Ю.А., Киселев И.Н., Устинов В.А. К вопросу о методике определения численности и национального состава населения СССР в 1917–1926 годах // *История СССР*. 1981. № 2.
33. См., напр.: Поляков Л.Е. *Цена войны: Демографический аспект*. М., 1985; Максудов С. *Потери населения СССР*. Benson (vt), 1989. С. 127.
34. Lorimer F. *The Population Dilemma*. N.Y., 1970. P. 41.
35. *Население и трудовые ресурсы*. Ростов-на-Дону, 1987.
36. Абубакаров Т.Т. Развитие населения Северного Кавказа (1917–1977 гг.): Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1980.
37. Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственная и земельная перепись 1917 г. как источник социально-экономической характеристики сельского населения Кубани накануне социалистической революции // *Октябрьская революция и изменения в облике сельского населения Дона и Северного Кавказа (1917–1929 гг.): сб. науч. тр.* Краснодар, 1984. С. 13–41; Чернопицкий П.Г. Социальный облик крестьянства Юго-Востока России в 1920 году // Там же. С. 54–70; Кураев В.Д. Динамика сельского и городского населения Северного Кавказа в 1921–1927 гг. // Там же. С. 86–91; Щетнев В.Е. Население Северо-Кавказской деревни в начале социалистической реконструкции // Там же. С. 91–104; Абубакаров Т.Т. Некоторые тенденции развития сельского населения на Северном Кавказе (По материалам переписей 1926, 1959, 1970 гг.) // Там же. С. 104–110.
38. Жиромская В.Б. Возрастно-половой состав населения: произошла ли демографическая компенсация в середине 20-х годов? // *После революционных бурь: Население России в первой половине 20-х годов*. М., 1996. С. 6–25.
39. Макаренко М.Ю. Указ. соч. С. 182–193.
40. Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005; Дружинин А.Г. Южно-Российский регионогенез: факторы, тенденции, этапы // *Научная мысль Кавказа*. Ростов-на-Дону, 2000. № 2; Он же. Юг России конца XX – начала XXI в. (экономико-географические аспекты). Ростов-на-Дону, 2005; Рязанцев С.В. Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. Ставрополь, 2003; Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. *История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография*. Ростов-на-Дону, 2009, и др.
41. Кабузан В.М. *Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатистическое исследование*. СПб., 1996.
42. Кабузан В.М. Указ. соч. С. 109.

Миграции в Южной Украине (XVI–XVIII вв.) в научном наследии В. Антоновича

Этнополитическая ситуация, которая сложилась в процессе заселения территории России и Украины, сегодня активно обговаривается украинской и российской исторической наукой. Геополитические и этнокультурные проблемы тесно связаны с недостаточным изучением роли различных этнических групп в заселении и освоении территорий, особенно такого макрорегиона как Южная Украина.

Цель данной статьи – показать, что привнес В. Антонович в изучение миграций в Южной Украине в XVI–XVIII в. как представитель народнического направления историографии (вторая половина XIX – начало XX в.) и выяснить, в какой мере его исследования отражали прогрессивные тенденции исторического процесса.

Анализ актуальных исследований позволяет утверждать, что самостоятельных историографических обзоров, посвященных проблеме миграций в творчестве В. Антоновича, на сегодня нет, что и вызвало появление данного исследования.

Синтез состояния научной разработки проблемы во второй половине XIX – в начале XX в. дает основания выделить такие периоды: 1) середина и вторая половина XIX в. – развитие украинской исторической науки. Выдающимся шагом вперед стали работы Н. Костомарова, М. Максимовича. В их творчестве отслеживается объединение романтических и позитивистских элементов (приобщались и просветительские тенденции). Одновременно устанавливаются народнические убеждения. Исследуемая проблема более всего представлена в работах В. Антоновича.

Значимым фактором изучаемого вопроса стала археографическая деятельность. С середины XIX в. начали создаваться специальные археографические институты. В 1843 г. по инициативе М. Максимовича была основана Киевская археографическая комиссия, итогом деятельности которой стали 15 томов «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией» (1846–1853). В эту серию вошли документы и материалы из истории Украины за 1340–1699 гг., в том числе по вопросам заселения Южной Украины.

Издательская деятельность Комиссии стимулировала научные исследования. С комиссией начал сотрудничать В. Антонович и уже в 1863 г. в ее издании «Архив Юго-западной России» опубликовал «Исследование о казачестве», а со следующего года стал главным редактором этого издания [1].

«Исследование...», как предисловие к первому тому третьей части Архива, основывалось на актах 1500–1648 гг. Автор показал процесс формирования специфического уклада жизни населения на юг по Днепру в начале XV в. На конец XV – начало XVI в.: «...общинники бежали в привольные приднепровские страны, в которых находили норму жизни, подходящую к их выгодам и понятиям и защищенную оружием воинственных своих собратий. Переселения эти придали еще более сил приднепровским общинам и пополняли тот убыток в народонаселении, который они испытывали вследствие татарских опустошений» [1, с. XXII].

В. Антонович относит зарождение казачества к XV в. и отбрасывает версию о происхождении казаков от кочевых народов, признавая их сугубо славянским элементом. Впрочем, критического отношения к себе требует информация относительно первых гетманов и освоения ими южной территории. До Люблинской унии им называются – Предслав Лянцкоронский, Вишневецкий, Ружинский, Корецкий [1, с. XXIII–XXIV]. Казаков, которые обитали в Черкасах (не позже 1503 г.), он называет «Казаками князя Дмитрия (Вишневецкого)» [1, с. XXVI–XXVIII]. При этом Д. Вишневецкого как гетмана выводит на историческую арену одновременно с Лянцкоронским и Евстафием Ружинским в первой половине XVI в., хотя еще Грабянка, Миллер, Бантиш-Каменский и Евгений (Болховитинов) признавали гетманство Д. Вишневецкого после Венжика Хмельницкого. Общеизвестно, что Д. Вишневецкий в 30-х гг. был черкасским и каневским старостой, и только около 1656 г. на острове Малая Хортица построил замок [2, с. 20–21], потому не мог возглавить запорожцев в первой половине XVI в.

В. Антонович обозначает, что в начале XVI в. «в пустые порубежные степи, на так называемое Запорожье», бежало большинство малорусских казаков. «Отряды эти, поселившись ниже Днепровских порогов, промышляли рыбною ловлей и грабежом пограничных татарских улусов» [1, с. LXXIII]. Автор обращает внимание, что в это время (в 1511 г.) Евстафий Дашкевич на Петриковском сейме предложил признать войском Речи Посполитой «Приднепровских скитальцев» и поручить им охрану границ. Предложение Сигизмунд I принял и в качестве на-

* **Стешенко Наталия Леонидовна** (г. Краматорск, Украина) – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры украиноведения и гуманитарного образования Донбасской государственной машиностроительной академии, steshenco_n@land.ru.

грады подарил земли, «никому доселе не принадлежавшие, лежащие между Бугом и Тясмином, Самарой и Кальмиусом» [1, с. LXXIII-LXXV]. Во времена Дашкевича численность Запорожья составляет 2 тыс. чел. Отметим, что эту информацию подверг суровой критике М. Максимович, опубликовав в том же году (1863 г.) в газете «День» и «Киевлянин» (в 1865 г.) «Исторические письма о казаках Приднепровских (К М. В. Юзефовичу)» [3]. Таким образом, Дашкевич выступил не в 1511 г., а 1522 г., к тому же решение не было реализовано.

Заслуживает внимание и ряд универсалов польского короля от 1618 г. С одной стороны, они приписывали малорусским казакам не ходить в Запорожье, «не сооружать судов на Днепре и не съезжать с места постоянного их жительства», с другой – не вторгаться в татарское и турецкое приграничье [1, с. 41-43]. Через десять лет Сигизмунд III, стремясь укрепиться в Южной Украине, выдает универсал, согласно которому построен г. Кременчуг с постоянным гарнизоном количеством 1 тыс. чел. [1, с. 43].

Невзирая на сокрушительную критику со стороны современников, В. Антонович на протяжении 20 лет издал девять томов документов, при этом часть оригиналов в годы Второй мировой войны была потеряна. Более того, на базе специально свезенных в Киев актовых книг еще в 1852 г. был создан Центральный архив древних актов, который постоянно пополняется и недавно отметил 150-летие как Центральный государственный исторический архив Украины.

В 1870 г. как предисловие к первому тому пятой части «Архива Юго-западной России» опубликовано «Исследование об огородах в Юго-Западной России по актам 1432–1798» [4]. Ценными являются документы, которые определяют территорию владений южных городов. Грамота Сигизмунда III «мещанам и людям» г. Чигирина от 1589 г. очерчивает пределы их земель: «от Тясмина, выше Чигирина в четырех милях, через поле в реку Днепр, Днепром вниз к реки Суле, оттуда по реку Бог (Буг – Н. С.), а от Бога по границу Корсунскую» [4, с. 7-8]. По этой же грамоте мещане города обязаны защищать его от нападений татар, организовав сопротивление под руководством старосты. За актовыми предписаниями также приказывалось удерживать «полевую сторожу» на границах [4, с. 15-17].

Органическим дополнением научных и популярных исследований В. Антоновича по казачьей истории является его магистерская диссертация «Последние времена казачества на Правой стороне Днепра», которая основывалась по большей части на актовом материале. На украинском языке в первый раз произведение опубликовано в 1895 г. под названием «Последние времена Казачества на Правобережье» в серии «Русская историческая библиотека» как дополнение к 17-му тому [5]. Автор сосредоточился преимущественно на предпосылках конфликта Варшавы и Фастова как центра казачества на Правобережье, между тем изучен вопрос заустенения южной границы. Процесс приобрел силу в 1674–1678 гг. – времени истребительных турецких и польских набегов, когда обитатели мигрировали на Левобережье. Таким образом обезлюдели города и округа Чигирин, Черкассы и др. [5, с. 154-156].

В 1897 г. в Черновцах увидела мир «Короткая история Казачества». В частных (бесцензурных) лекциях В. Антонович популярно изложил свое виденье истории украинского казачества, в частности, показал движение и численность населения Южной Украины в течение XVI–XVII вв. [6]. Он более взвешенно подошел к проблеме появления казачьего населения в южноукраинских землях, однако не обошел явных преувеличений.

Численность прироста населения Южной Украины на середину XVI в. приводится 70-80 тыс., а через 50 лет – 500 тыс. Относительно Запорожья исследователь опирается на расчеты Е. Лясоты, который свидетельствует, что на конец XVI в. казаков было 6 тыс., а уже в начале XVII в. – более чем 40 тыс. чел. [6, с. 28-32, 38]. Работа также содержит картосхему украинских и смежных земель.

В свое время В. Антонович вокруг Киевской археографической комиссии сплотил достаточно многочисленную группу исследователей, которая составила ядро научной школы историков-документалистов. Среди сотрудников комиссии следует выделить П. Кулиша, научные поиски которого наряду с профессиональными исследованиями дополнили историю миграций в регионе. Функционирование Киевской археографической комиссии также способствовало эвристической деятельности местных исторических обществ: Общества Нестора Летописца и Отдела географического общества. Они инициировали основание журнала «Киевская старина» (1882–1906 гг.), публикации на его страницах сыграли заметную роль в изучении проблемы.

Историография второй половины XIX – начала XX в. выделяется численностью исследований, в которых нашла отображение история миграций в Южной Украине. Представитель народнического направления В. Антонович начало казачества относил к XV в. и признавал его сугубо славянским элементом. Он изложил свое виденье истории украинского казачества, в частности, показал миграции и численность населения Южной Украины. Позже в своих трудах он более взвешенно подошел к проблеме появления казачьего сословия в южноукраинских землях, однако, относительно численности прироста населения, не обошел явных преувеличений.

В целом, исследовательская лаборатория второй половины XIX – начала XX в. значительно расширила сведения по проблеме миграций. В это время состоялось изучение проблемы как научной. В исследованиях второй половины XIX – начала XX в. история миграций в Южной Украине освещается в основном на протяжении

XVIII в., преимущественно в Запорожье и Юго-Восточном регионе. Исследователи, в их числе В. Антонович, пытались раскрыть роль народной колонизации края и доказать, что основная заслуга в его заселении на начальном этапе принадлежит запорожскому казачеству.

В народнической историографии второй половины XIX – начала XX в. сделана попытка наметить основные этапы в истории миграций, заселении территории, определить численный и этнический состав населения, роль военно-земледельческих поселений региона.

Систематизация существующего научного наследия по проблеме позволяет очертить перспективы её дальнейшего изучения. Необходима комплексная классификация источников и создание общей базы данных по истории миграций в Украине.

Источники и литература

1. Антонович В. Исследование о козачестве по актам с 1500 по 1648 г. К.: Тип. И. и А. Давиденко, 1863. СХХ с.
2. Пірко В. О. Заселення і господарське освоєння Степової України в XVI–XVIII ст. Донецьк: Східний видавничий дім, 2004. 224 с.
3. Исторические письма о казаках Приднепровских (К М. В. Юзефовичу) // Максимович М. А. Киевъ явился градомъ великимъ... К., 1994. С. 192-220 (впервые опубликовано: два первых письма – в газете «День», 1863. № 44, 46; три последующих – в газете «Киевлянин», 1865. № 23-25).
4. Антонович В. Исследование о городах в Юго-Западной России по актам 1432–1798. К.: Тип. университета, 1870. 94 с.
5. Антонович В.Б. Останні часи Козаччини на Правобережжі // Руська історична бібліотека. Львів, 1895. Т. 17. С. 129-274; Он же: Останні часи Козаччини на Правобережжі // Антонович В.Б. Коротка історія козаччини / Передм. І. І. Глизя. К.: Україна, 2004. С. 141-301.
6. Антонович В. Б. Коротка історія козаччини. К.: Україна, 2004. 304 с.

Историческая демография и междисциплинарные связи

Возросший интерес к истории обусловил интерес и к исторической демографии, которая, как и другие отрасли знания, имеет свои методы, методологию и подходы исследования.

Как известно, демографические процессы, будучи процессами социальными, многоаспектны. Поэтому к изучению вопросов исторической демографии вполне обоснован междисциплинарный подход, который через соответствующее переосмысление и приспособление к конкретной проблеме, позволяет вполне органично вписаться в историческую демографию. Теоретической основой при этом является системный подход, позволяющий выявить те связи и свойства, которых нет у каждой части объекта в отдельности, но есть в их совокупности, целостности.

Разработка теоретико-методологических вопросов для исторической демографии является одной из актуальных задач. Следует иметь в виду, что в последнее время некоторыми учеными выделяется особый раздел демографии – теоретическая демография, или так называемая демология. Как отмечает исследователь А.Я. Шевеленко, демография – это народописание, а демология – народоведение. Он подчеркивает, что демология исследует динамику народонаселения от эпохи к эпохе и внутри каждой из них, зависимость людей от материальных и духовных условий их бытия и их собственную роль в изменении таких условий, соотношение социального и биологического факторов в их жизни [1]. Не вдаваясь подробно в разработку теоретических проблем исторической демографии, отметим, что основным вопросом является определение объекта изучения данной отрасли науки, ее предметной области и хронологических рамок [2].

Что касается методологии исследования, то здесь, на наш взгляд, желательно ориентироваться на разумное совмещение всего арсенала методологий, накопленных мировой наукой. Это уже взято на вооружение многими казахстанскими учеными, что, надеемся, принесет свои плоды. Как известно, в отечественной науке существовала одна методология, в отличие от западной науки, особенностью которой является не только множественность методологических установок и их равноправное и свободное развитие, но и взаимопроникновение методологий, их взаимообогащение [3]. Признавая значимость различных методологий, подчеркнем, что лишь сам исследователь вправе определять выбор той методологии, которая позволит ему решить конкретную проблему, зависящую от условий и целей его исследования.

В исторической демографии, где объектом изучения является народонаселение в его демографической истории, а предметная область уже, чем предметная область изучения народонаселения исторической наукой, хронологические рамки все же диктуются последней, совпадая с ней. Это значит, что историческая демография изучает свой объект на протяжении всего общественно-исторического процесса – с древнейших времен и до наших дней. В то же время, историческая демография, являясь разделом демографии, изучает те же процессы и явления, что и демографическая наука, но в их демографической ретроспективе. Следовательно, она полностью подчинена тем задачам, которые решает демография в изучении ее современной проблематики, тесно взаимодействуя с широким кругом общественных и естественных наук, исследуя различные стороны жизнедеятельности народонаселения [4]. Поэтому довольно распространенным может быть использование в исторической демографии общественных и естественных наук, целесообразность которых определяется в зависимости от конкретной проблемы, целей и задач исследования. Эти связи смежных дисциплин настолько разнообразны, что считаем необходимым остановиться на них несколько подробнее.

Прежде всего, считаем, историк, занимающийся вопросами демографии, должен быть знаком с социально-философскими аспектами своей проблемы [5], а также активно использовать данные исторической социологии, изучающей общество, общественные группы, социальные взаимодействия в их исторической ретроспективе. Кстати, в ней в большей степени, чем в социологии, представлен собственно исторический момент. Но она шире, чем до сих пор это делала история, вводит в исторические построения социологические способы исследования и моделирования общественных объектов, явления, сменяющих друг друга социально исторических ситуаций и т.д. [6].

Если говорить о начальном этапе существования человечества, то следует прежде всего, обратиться к археологическому материалу, который очень информативен и его роль в реконструкции исторических процессов первобытности огромна [7]. При этом отметим, что достижения археологов помогают понять развитие общества не только в древности, но и в средние века. В частности, казахстанские археологи выявили динамику

---

* Такижбаева Найля Закеновна (Алматы) – кандидат исторических наук, доцент Казахской Академии труда и социальных отношений, takizhbayeva@mail.ru.

урабанизационных процессов, развития оседлой и городской культуры. Они доказали, что взаимодействие и взаимовлияние культур и культурных зон явились важнейшими факторами и в развитии этногенеза. Изучение кочевых и оседлых цивилизаций показало, что взаимодействие и взаимообогащение культур различных народов были магистральной линией мирового прогресса. В недрах таких взаимодействий лежат и истоки этногенеза современных народов Казахстана и Центральной Азии [8]. Это убеждает в необходимости формирования такого исторического сознания, где знания достижений археологической науки должны быть обязательными [9], что позволит более внимательно отнестись к палеодемографии, которая в качестве науки стала развиваться только в последнее время. Однако перспективы ее весьма значительны, ведь она представляет собой раздел исторической демографии, в которой на основе данных палеоантропологии, археологии и этнографии изучаются демографические процессы, происходившие в древнейших человеческих коллективах [10].

В историко-демографическую проблематику, на наш взгляд, должны активно вовлекаться достижения антропологии, которая дает сведения о развитии физического облика человека, о возникновении и расселении различных человеческих рас, что выводит также и на современность. Это хорошо прослежено, в частности, в работах известного казахстанского исследователя О. Исмагулова. В частности, в монографии «Этническая антропология Казахстана» автор особое внимание уделил соматологии казахов, определил степень различий между отдельными группами казахов. Исследователем был охвачен коренной этнический массив с учетом территориальных, диалектологических, этнографических и других комплексов. Это дало возможность выявить объективную картину антропологического состава казахов [11], что для историка-демографа, думается, должно представлять профессиональный интерес. Наряду с другими задачами, О. Исмагулов проследил динамику антропологического состава древнего населения края и его генетическую преемственность с антропологическими особенностями современных казахов. В заключение автор пришел к выводу, что данные по этнической антропологии Казахстана смогут дать гораздо большую информацию о сложном этногенетическом процессе на территории Казахстана при комплексном исследовании. Мы разделяем его убеждение, что всесторонняя углубленная разработка кардинальных вопросов этногенеза и этнической истории современных народов представляет несомненный теоретический интерес и является чрезвычайно актуальной задачей современной истории, археологии, этнографии, этнолингвистики, антропологии [12] и, добавим от себя, исторической демографии. При этом возрастает значимость и социальной антропологии, которая может внести существенный вклад в историческую демографию.

Эта наука тесно взаимодействует и с исторической географией населения, изучающей развитие закономерных связей между народонаселением и природно-географической средой, ведь «историческая судьба этноса непосредственно связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта» [13]. Географический принцип в исторической демографии используется также часто, как и в демографии, в которой, кстати, в последнее время получили развитие такие самостоятельные разделы, как региональная и страноведческая демография. При этом подходе применяется различное ранжирование тех или иных территорий, будь это на уровне всего мира, части света, страны или внутри государства. Ранжирование, используемое для более глубокого анализа поставленной проблемы, позволяет конкретно выявить особенности демографического развития населения. Разумеется, ранг – это формальный показатель сходства объектов и его значение зависит от собственного устройства исследуемой системы, но в общественных и естественных науках эта типология применяется весьма активно [14].

Кризис биосферы, ставший глобальной проблемой современности, подчеркнул огромную значимость экологии как науки, в том числе ее раздела, изучающей взаимодействие человека и природы в исторической ретроспективе. Разумеется, историческая демография и историческая экология тесно взаимосвязаны. Ведь экологический фактор отражается на воспроизводстве человека, его расселении, адаптации к различным климатическим условиям. На этот аспект в воспроизводстве населения обратили внимание не только экологи, медики, но и демографы [15].

Особое место среди общественных наук, привлекаемых исторической демографией, занимает этнография (этнология). Эта наука, изучающая происхождение и этническую историю народов, формирование специфических особенностей их культуры и быта, в последнее время получила новый взрыв интереса к своей проблематике, что связано с желанием лучше понять историю этносов, населявших территорию страны в предыдущие эпохи [16].

Большим подспорьем для историко-демографической науки является лингвистическая классификация народов мира, которая систематизирует языки по их родству. Это подразумевает и родство носителей данных языков, т.е. самих этносов, хотя следует учитывать, что на одной языковой основе возникали различные этнические общности [17].

Немало информации для конкретной историко-демографической проблемы может дать историческая психология (социальная психология), которая изучает общие закономерности общения и взаимодействия людей на разных уровнях социальной организации в разных сферах социальной деятельности, социально-психологические

характеристики больших и малых социальных групп, социально-психологические проблемы личности в их историческом прошлом [18].

Сегодня, в начале XXI в., особенно четко осознается, какое большое влияние на демографическую историю общества оказывает политика. Несомненно, достижения политологии, в т.ч. исторической политологии, для историка-демографа должны быть близко знакомы. Это позволит ему понять общественный строй и экономические структуры государства той эпохи, периода, проблема которой определяется целью его конкретного исследования. Например, говоря о современном демографическом состоянии казахстанского общества, многое можно понять в его демографической истории, зная корни складывания советского тоталитаризма, откуда начинались репрессии, насильственная депортация народов, ныне живущих в Казахстане [19].

Значительный вклад в исследование проблем исторической демографии может внести диаспорология, новая отрасль знаний, изучающая пребывание значительной части народа (этнической общности) вне страны его происхождения на положении национально-культурного меньшинства [20].

Историческая действительность, а также последние многочисленные научные исследования свидетельствуют, что демографические изменения в конечном счете определяются социально-экономическими факторами. Однако, как отмечают специалисты, уровень современных исследований еще не позволяет определить точную меру взаимодействия между демографическими и социально-экономическими процессами. Но бесспорно: такая связь есть. Это находит отражение в существовании проблем социально-демографического развития общества, что сказывается на рабочей силе, занятости, трудовых отношениях, социальной защите, и, в конечном счете, – качестве жизни населения страны [21].

Разумеется, невозможно осветить все отрасли знаний, которые так или иначе могут способствовать раскрытию проблем исторической демографии. Но, надеемся, что даже из перечисленного круга научных дисциплин можно сделать вывод о больших возможностях междисциплинарного подхода. В частности, в зависимости от историко-демографической тематики как отечественной, так и зарубежной истории каждый конкретный ее аспект желательно исследовать как исторической наукой, так и той наукой, с предметом которой он связан. Выражением этого, как отмечает Д.К. Шелестов, являются смежные исторические дисциплины, имеющие «двойное подчинение». Они входят в историческую науку и вместе с тем являются историческими разделами соответствующих наук. Таким образом, историческая демография интегрирует все конкретные исторические знания о народонаселении с другими науками и обеспечивает их разработку в совокупности [22].

Итак, мы убеждены, что историк-демограф должен обладать хорошей теоретической базой. А выбор подходов к раскрытию поставленной проблемы, круг междисциплинарных связей с тематикой своей работы, исследователь вправе оставить за собой, демонстрируя тем самым свободу научного творчества.

Источники и литература

1. Шевеленко А.Я. Демология // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 145-152.
2. Подробнее см.: Шелестов Д.К. Историческая демография. М., 1987. Гл.2. Демография и история. С. 55-106.
3. Телебаев Г. Историко-философская культура и традиция существования. Алматы, 1997. С. 29.
4. См.: Шелестов Д.К. Историческая демография... С. 94, 102.
5. См., напр.: Социально-философские проблемы демографии // Вопросы философии. 1974. № 9, 11; 1975. № 1.
6. Лашук Л.П. Введение в историческую социологию. М., 1977. Вып. 2. Конкретные проблемы исторической социологии. С. 144.
7. Алексеев В.П., Першин А.И. История первобытного общества. М., 1990. С. 25.
8. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 4 т. Алматы, 1996. Т. 1. С. 30.
9. См.: Байпаков К.М. Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан и задачи отечественной археологии // Изв. МН-АН РК. Сер. обществ. наук. 1996. № 2. С. 3-14.
10. См.: Шелестов Д.К. Историческая демография... С. 103.
11. Исмагулов О. Этническая антропология Казахстана: (соматологическое исследование). Алма-Ата, 1982. С. 7.
12. См.: Там же. С. 8, 170.
13. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 301.
14. См., напр.: Любарский Г.Ю. Филогенетика: образ результата и ранжирование хронологии // Журн. общ. биологии. 1997. Т. 58. № 6. С. 38.
15. См., напр.: Асылбеков М.Х., Козина В.В. Демографические процессы современного Казахстана. Алматы, 1995; Третьякова С.Н. Демографические аспекты здоровья в условиях Казахстана: Автореф. дис... канд. мед. наук. Алматы, 1997.
16. См., напр.: Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы, 1995; Казахи: историко-этнографическое исследование. Алматы, 1995.
17. Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991. С. 93, 96.
18. См.: Яблокова Е.А. Психология коллектива и личность. М., 1997. С. 3.
19. История Казахстана: белые пятна. Алма-Ата, 1991; Аяганов В.Г. Политические трансформации и изменения в социальной структуре Казахстана (1946–1990гг.). Алма-Ата, 1994; Бижанов А.Х. Республика Казахстан: демократическая модернизация переходного периода. Алматы, 1997.

20. См., напр.: Нысанбаев А. Социокультурные и философские основы диаспорологии // Изв. НАН РК: Сер. общест. наук. 1994. № 3; Бахтибаев А.А. Коллективизация и казахстанская диаспора в Узбекистане // Вестн. КазНТУ. 1995. № 3. С.111-113; Колосов В.А., Галкина Т.А., Куйбышев М.В. География диаспор на территории бывшего СССР // Обществ. науки и современность. 1996. № 5. С. 34-46; Мендикулова Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. Алматы, 1997.

21. Мариносян Х.Э. О демографической политике // Философские науки. 1997. № 1. С. 5-15; Алдашов Б.А. Качество жизни в контексте рыночной экономики. Алматы, 1994; Социально-экономические аспекты воспроизводства и занятости населения КазССР. Алма-Ата, 1980.

22. Шелестов Д.К. Историческая демография... С. 51.

Дискуссии в исторической демографии о современных методах ретроспективного анализа и процедурах сглаживания влияния миграционного фактора

Не будет преувеличением утверждать, что с точки зрения методологии гуманитарных дисциплин вся вторая половина XX столетия являла собой пример попыток ревизии дедуктивно-номологической модели объяснения с помощью субъективистских подходов, особенно герменевтических и феноменологических. Одним из следствий дискуссии о требованиях научности (объективности) и принципов научности стал спор-оппозиция между «количественниками» и «качественниками» или спор о границах применения количественных и качественных методов в процессе сбора и обработки информации. Если говорить об исторической науке, то в области клиометрии одним из лидеров стала историческая демография. Можно с полным правом экстраполировать вывод лидера авторитетной Кембриджской группы по изучению истории населения и социальной структуры Э.А. Ригли на всю ситуацию в этой дисциплине. По его мнению, «за последние сорок лет знания об истории населения Англии изменились более радикальным образом, чем какой-либо другой аспект истории, подходящий для квантификации» [1]. Правда, обращение в исторической демографии к количественным методам диктовалось не столько методологическими представлениями, а прагматическими задачами.

Лучшим источником для качественного т. н. поперечного анализа (среза) являются переписи и подушные цензы. Но для позднего средневековья и большей части Нового времени базы данных или неполные, или дефектные. Со второй половины XX столетия в странах с христианским населением стали широко использовать более точные массовые источники – приходские акты. Для обработки этих документов был разработан метод ВИС (восстановления истории семьи) [2], ставший важнейшим инструментом познания в области исторической демографии «достаточной эпохи». Метод, разработанный французами Л. Анри и М. Флери в 1950-е гг., заключается в переносе из приходских актов всей информации о крещениях, браках и смерти членов одной семьи на отдельную карточку (файл) с последующей классификацией этих данных. Новизна процедуры заключалась не в суммировании подобной информации для реконструкции демографических макро-показателей – эта задача по плечу и традиционной генеалогии. Новаторство Анри заключалось в точной фиксации этапов жизни наблюдаемой виртуальной семьи с целью табуляции значений плодovitости и смертности. Это дало возможность определить годы наибольшего риска смерти и наиболее вероятный возраст материнства. Подобное в сочетании со знанием количества смертей и рождений в некоторые дискретные периоды позволяет достаточно точно вычислить нормы базовых демографических переменных на больших временных отрезках [3]. В результате были созданы условия для уточнения динамики народонаселения в условиях высокой неопределённости результатов поперечного анализа, полученных на базе ранних (подворных) цензов.

Метод ВИС также создал предпосылки для эффективного применения продольного анализа, то есть для изучения динамических демографических показателей «реальных когорт». Но так как степень точности продольного анализа зависит от знания половозрастных характеристик населения на определённый момент времени, что даёт только поперечный срез, возникла потребность максимально широкого охвата изучаемых приходов. Однако метод ВИС крайне трудоёмок. Например, И. Родригесу Феррейро потребовалось почти 10 лет непрерывной работы в архивах Галисии, чтобы восстановить динамику народонаселения местной комарки (района) Эль Моррасо, площадью 115 км.², состоящей из 15 приходов, где в 1787 г. проживало только 11'456 человек. Результатом обработки стала монументальная четырёхтомная диссертация [4]. В виду этого, если речь не идёт о таких уникально многочисленных сообществах, как исландское, используется методика случайной выборки приходов. Хороший пример в этом смысле показывают, например, два проекта Национального института демографических исследований Франции по периоду 1670–1829 гг. (каждый пятидесятый приход в первом случае и каждый сороковой во втором). Но самым масштабным стал английский проект Кембриджской группы, результаты которого были опубликованы в двух монографиях [5]. Только на этапе первичной обработки приходских актов (всего около 3,7 млн.) было задействовано 230 краеведов-энтузиастов, не говоря уже о членах Кембриджской группы и работниках вычислительного центра. Но и эта выборка охватила лишь 404 приходов из 10 тысяч на территории Англии или 4%. Другой путь сокращения выборки предложил британский исследователь С. Раглес. Используя особенности записей в английских актах, он предложил для определения возраста вступления женщин в первый брак учитывать только тех, кто достиг 50 лет и старше. В результате вместо стандартной выборки равной 19,9% рождённых девочек, новая фокусная группа сокращается до 4,2%. Контрольное сравнение показало расхождение только 0,005 [6].

* Прокопенко Сергей Алексеевич (Ульяновск) – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Ульяновского государственного педагогического университета, sergio1957@mail.ru.

Наиболее настойчивые попытки поиска альтернативы методу ВИС предпринимаются в рамках ретроспективного подхода. Известны довольно ранние примеры реконструкции демографических трендов на базе censов с использованием коэффициента естественного прироста населения. Назову исследования американца Розенблэта, который попытался оценить динамику коренного и белого населения Латинской Америки в колониальный период [7]. Но эти расчёты отличались большой неточностью из-за допущения о равномерности изменения населения в конкретные отрезки кривой и приравнивания миграций к нулю. Основой для совершенствования ретроспекции на современном этапе стала т. н. форвард-проекция, разработанная демографами для прогнозирования роста населения в странах «третьего мира», которые отличаются некачественной статистикой.

Большинство современных методов проекции в демографии исходит из ряда допущений об уровне и динамике плодovitости и смертности, что позволяет оценить число родившихся и умерших, а также общую численность населения и его распределение по возрастам (когортам) в некоторой будущей точке. Основу для таких вычислений дают знания о численности населения в настоящий момент времени, его половозрастной структуре, а также допущения о нормах рождаемости и смертности (обратной функцией последней является «ожидаемая доживаемость» для определённых когорт).

В рамках упрощённой стационарной модели (без учёта миграций), численность определённой когорты $P_{x,t}$ (или в равной мере всего населения – P_n) в момент времени t связана с численностью этой же возрастной когорты в следующий момент времени $t+1$ соотношением [8]:

$$P_{x+1,t+1} = P_{x,t} - D_{x,t},$$

где $D_{x,t}$ – количество умерших лиц данной когорты в указанный временной интервал ($t, t+1$). Возраст, так как обычный шаг – год, выражается: $x = 0, 1, \dots, \omega - 1$.

Но, как правило, в доиндустриальных обществах нам доступны только значения общей смертности. Следовательно, требуется реконструировать распределение смертности по когортам. Это можно сделать, при условии знания показателей общей смертности и возрастного среза населения в определённый момент времени по формуле:

$$D_t = \sum P_{x,t} * q_{x,t} \quad x = 0, 1, \dots, \omega - 1,$$

где D_t есть число смертей за временной интервал ($t, t+1$);

$q_{x,t}$ – вероятность того, что люди возрастом от x до $x+1$ в определённый интервал времени t умрут, не достигнув возраста от $x+1$ до $x+2$ в некоем временном интервале ($t+1$).

Понятно, что проблема заключается в нахождении серий q_t . Решение даёт модель:

$$q_{x,t} = q_x^0 k_t \quad x = 0, 1, \dots, \omega - 1,$$

Это частная формула пропорциональной модели рисков с исходной функцией q_x^0 и относительным риском смерти k_t . Модель допускает возможность разложить на компоненты по годам вероятность смертности населения за весь исследуемый период времени. Значение k_t выводится из формулы определения количества смертей в определённом интервале:

$$k_t = \frac{D_t}{\sum P_{x,t} + q_x^0}$$

Метод инверс-проекции (Inverse Projection) американского демографа Р. Ли представляет собой модификацию форвард-проекции. Ли использовал эту «футурологическую» проекцию для восстановления динамики населения и оценки других базовых демографических переменных в прошлом. Идея инверс-проекции (IP) родилась у исследователя в конце 1960-х гг., после прочтения статьи Э. Ригли, восстановившего по методу ВИС демографическую историю девонширского сельского прихода Колитон, за 1538–1837 гг. [9]. Предложение Ли состояло в том, чтобы выбрать отправной точкой исторический период с уже известной («стабильной») оценкой населения и затем пойти назад, опираясь на списки рождаемости и смертности за стандартный временной интервал, что в свою очередь было взято из моделей принстонских демографов Коуэйли и Димини (A.J. Coale; P. Demeny). Из названных списков извлекается информация об уровне и изменениях норм смертности, рождаемости и когортном распределении населения. Затем эти данные использовались уже для форвард-проекции населения из начальной точки до конечной с целью перепроверки, а потом вся процедура ретро-анализа и форвард-анализа повторялась для следующего, более раннего интервала. В связи с этим он назвал свой метод обратной или инверс-проекцией. Такая взаимопроверка гендерно-когортных срезов и кривых рождаемости/смертности являлась, по сути, процедурой сглаживая эффектов колебаний норм рождаемости и смертности в конкретные временные интервалы.

Математическое решение основывалось на двух моделях смертности: q_x^a и q_x^b . Соответственно случайное допущение уменьшается, так как соотносится с разницей между вероятностями:

$$(q_{x,t} - q_x^b) = k_t (q_x^a - q_x^b)$$

Решая для k_t , мы получим:

$$k_t = D_t - \sum P_{x,t} q_x^b / P_{x,t} q_x^a - \sum P_{x,t} q_x^b$$

Дальнейшее развитие методика IP нашла в диссертации Р. Ли, посвящённой исследованию, в русле неомальтузианства, макро-показателей населения Англии в доиндустриальный период. Американца тогда занимал вопрос: были ли в условиях гомеостазиса различия в динамике однопоколенного классического демографического цикла или двухпоколенного (т. н. «цикла [П.] Истерлина»).

Переписка с Э. Ригли, а также последующая встреча Ли с ним и с другим членом Кембриджской группы по изучению населения и социальной структуры Р. Шэфилдом во время работы в Принстоне (США), породили проект сотрудничества в деле реконструкции истории английского населения на базе серий крещений и смертей большой выборки. Поначалу Ли хотел просто применить IP, использованную в своей диссертации, но Э. Ригли и Р. Шэфилд желали, чтобы инверс-проекция была модифицирована двояким образом: с акцентированием внимания именно на ретро-анализе и более точной оценкой миграции, чем это делалось с помощью уже существовавших методов. Однако с точки зрения американского исследователя сделать последнее на базе только серий крещений и смертей, а также конечной численности населения было невозможно. Фактически бесконечное число моделей миграции по-своему влияли бы на общий результат. Хотя теоретически математическое решение существует, при программировании обнаружилось, что «математические оценки неустойчивы, взрывая циклы и выдавая отрицательные значения для одинаковых демографических элементов». Иначе говоря, население является динамичной системой, которую можно описать как эргодичную, т. е. имеющую множество равновероятных точек (на кривых между исходной и конечной точками). По этим соображениям Ли отказался от предложения Ригли и Шэфилда. Расхождение Р. Ли с Кембриджской группой по указанным двум вопросам сохраняется до сих пор. Новая программа (и метод) для Ригли и Шэфилда, включающие эти два изменения, была разработана уже другим программистом – британцем Дж. Иппеном. Этот новый метод был назван бэк-проекцией (Back Projection) [10].

Первым и самым важным недостатком IP является то, что она не учитывает эффект миграций, то есть применима только для стационарных демографических моделей. Но поскольку правилом в реальности является обратная ситуация, то полученные оценки плодовитости/рождаемости и смертности некорректны. И чем выше интенсивность миграционных потоков, тем больше величина ошибки. Второе ограничение вытекает из противоречия в реальности между необходимостью высокой точности оценок численности всего населения и отдельных когорт в конечных точках инверс-проекции (т. е. в отдалённые времена) и низким уровнем достоверности данных ранних приходских актов, по которым можно установить нормы смертности и плодовитости/рождаемости. Кроме того, оценка возрастной структуры населения в ранние периоды, в свою очередь, предполагает знание уровней плодовитости/рождаемости и смертности на тот момент времени, но они сами носят гипотетический характер, что вносит элемент цикличности в саму процедуру исследования демографических переменных [11].

Для минимизации этих недостатков и с учётом специфики источников разных стран со временем возникли модификации инверс-проекции: «дифференцированная инверс-проекция» (DIP или IPD), «стохастическая инверс-проекция» (SIP), «общая инверс-проекция» (GIP) и редко используемая «тренд-проекция». Термин «дифференцированная инверс-проекция» и сам метод (иногда его называют алгоритмом) предложил в 1990-е гг. итальянец А. Росина. Хотя идею специального учёта распределения смертности по когортам, согласно свидетельству Р. Ли, впервые выдвинул ещё Л. Анри [12]. DIP позволяет учесть влияние кризиса смертности по возрастам. В результате, если мы, например, выделим среди умерших детей, подростков и взрослых, мы сможем оценить долгосрочную и краткосрочную динамику смертности, а, следовательно, и другие демографические переменные. Сам Росина использовал эту методику подсчётов, как для пятилетних интервалов, так и годовых. Известно, что итальянские источники предоставляют обильную информацию для вычислений такого рода [13].

«Стохастическая [14] инверс-проекция» призвана нивелировать колебания норм демографических переменных в течение года (то, что обычно является предметом текущего статистического учёта). В математическом смысле это микро-симуляционная модель, основанная на негомогенном т. н. процессе Пуассона. Особый упор в этом случае делается на определении смертности, тогда как инверс-проекция ориентирована, прежде всего, на определение «доживаемости» отдельных когорт. Это вносит определённые нюансы в обработку источников и группировку полученных данных. Известны разновидности метода: форвард-SIP и ретро-SIP. Особенно эффективен метод ретро-SIP для малочисленных сообществ, ввиду значительного снижения величины погрешности допущений. Но он также полезен и для макро-сообществ, поскольку уточняет значения исходного половозрастного среза.

Впервые SIP применил в 1971 г. для анализа динамики шведского населения Шведер (Т. Schweder), а затем использовали специалисты отделения статистики римского университета С. Бертино (S. Bertino) и Э. Соннино (E. Sonnino). **Суть метода сводится к перебору моделей динамики смертности в разных когортах, возраста материнства и возрастного баланса мигрантов, дающие в сумме значения основных демографических переменных, наиболее близких к реальным показаниям контрольных срезов.** Для реализации процедуры желательно знание индикаторов плодовитости/рождаемости и смертности за каждый год. Знания гендерного распределения населения в целом или для умерших – необязательны. Осуществляется перебор с помощью компьютерных программ SIPAV (форвард-проекция для погодных расчётов распределения населения по возрастам и для ряда индикаторов динамики населения), а также SIPIN (ретро-проекция). **Благодаря перебору можно выявить усреднённые сценарии и стандартные отклонения.** Выбор конкретной программы обусловлен целями исследования, но, главным образом, характером имеющейся информации [15].

Л. дель Панта и В. Родилосси на примере населения Сардинии за 1861-1901 и 1901-1921 гг. перепроверили эффективность трёх методов (IP, DIP и SIP) на базе искусственно созданной ситуации неполной информации и полной. Первая модель включила в себя только показатели смертности, рождаемости и миграции, а также результаты половозрастного среза на начальный момент. Все методы хорошо описывают реальные колебания демографического тренда. Кроме того, сопоставление результатов, полученных этими тремя методами, показало тесную корреляцию их значений. Самые существенные расхождения, по мнению авторов, проявились во время катастрофической смертности 1918 г. («испанка»). Общие значения показателя смертности по методу SIP меньше и точнее, чем по методам IP и DIP за счёт учёта смертей, случившихся в интервале между последним днём рождения умершего и несостоявшимся следующим [16].

Тест сравнительных возможностей SIP и GIP, сделанный Барби и Дж. Иппеном, на примере движения населения Швеции в 1790-1860 гг. также показал небольшое расхождение в результатах: максимум 8-9% в оценке ожидаемой доживаемости для когорт (с пятилетним шагом). Но в случае отсутствия информации о гендерном распределении или о точных значениях численности населения метод SIP показал более верные значения. В целом расхождения величин вытекают из разных подходов при моделировании смертности: вероятностной в случае с SIP и детерминистской – для GIP. **Последний метод более прост и эффективен при реконструкции динамики населения за длительные периоды и при проблемах с данными о миграциях.** Но метод SIP более точен при оценке катастрофической смертности [17].

К сожалению, необходимые исходные данные для применения DIP и SIP – распределение смертности по возрастам – встречаются достаточно редко. Поэтому, считают итальянские исследователи, представляется разумнее применять инверс-проекцию, я бы сказал в классическом варианте. К указанным ограничениям добавлю ещё одно: взятая в качестве образца Сардиния, отличалась в 1876–1900 гг. аномально малым уровнем миграции (от 0 до 0,9%) [18]. Следовательно, проведённая ими верификация новых разновидностей метода не решила главную проблему: выявления степени их достоверности для динамичных демографических моделей. В этой связи интерес представляют процедуры минимизации миграционного фактора в рамках ВИС метода.

Время от времени появляются эмпирические демографические исследования, результаты которых противоречат показателям полученным с помощью математических моделей. Относительно Англии наиболее существенная критика результатов реконструкции Ригли и Шэфилдом движения народонаселения содержится в статьях С. Раглеса и Дж. Хэтчера. Раглес на небольших выборках (выпускники Йельского университета XVIII в.; около 10 тысяч свидетельств англиканских церковных судов собранных Д. Соуденом) и эмпирических данных Ригли – Шэфилда (14 приходов) обнаружил, что некоторые демографические показатели для лиц, покинувших приход, и немигрантов различаются [19]. Следовательно, попытки экстраполировать показатели стационарного населения, полученные методом ВИС, на всё население (т. е. включая и мигрантов) чреваты ошибкой. Наиболее уязвимы для критики оказались нормы смертности. Так Хэтчер выявил противоречия между собственными результатами и результатами Кембриджской группы, вычисленные, в том числе, путём использования ретроспективных методов. Он считает, что в XV в. смертность в Англии была не умеренной, как об этом говорится в «Истории населения Англии» Ригли и Шэфилда, а высокой. В 1520-е гг. он также обнаружил необычайно жестокий кризис смертности, и в целом период высокой смертности наблюдался до середины XVI в. [20]. Понятно, что эти противоречия являются результатом не только недоучёта миграционного фактора, но и источниковых лакун, смены имён прихожанами, дефектов методики научного поиска. Но, как показал Раглес, главную роль в искажении картины, созданной на основе ВИС, играли всё-таки миграции.

В статье Раглеса приведён внушительный список работ историков, в которых излагались способы коррекции влияния миграции на оценку смертности взрослых. Но, по его мнению, наиболее тонкую технику предложил французский историк А. Блюм [21] – ныне директора Центра по изучению цивилизаций России, Кавказа и Центральной Европы ВШСИ (Париж). Столь же высокую оценку этой методике дали лидеры Кембриджской группы: «Наиболее важный вклад со времени Л. Анри в исследование смертности взрослых сделал А. Блюм» [22].

Как справедливо указывает Блум, нормы когортной смертности для стационарной части населения, определяемые методом ВИС, завышаются, так как из знаменателя исключаются все будущие мигранты когорты, которые проживали в приходе на данный момент времени. В итоге ожидаемая доживаемость для 20-летних немигрантов, когда-либо создавших семью, на 5-15 лет ниже, чем для всего населения. Идея Блума состояла в том, чтобы подсчитать время проживания в приходе до отъезда будущих мигрантов, чтобы затем вычислить общий ожидаемый риск смертности как для «стационарных» прихожан, так и для будущих мигрантов. Чем дольше мигранты проживают в родном приходе, тем больше их риск смерти. Если эта зависимость игнорируется, уровень смертности завышается. Подсчёты, согласно методике Блума, должны более точно определить норму смертности, чем вычисления на основе данных только немигрантов.

Блум предложил два метода (модели) оценки возраста мигрантов на момент убытия, чтобы затем определить «максимальную» и «минимальную» смертность. В первом случае мигранты считались резидентами прихода с момента брака и до наступления следующего первого зарегистрированного демографического события (рождение ребёнка, или смерть супруга, или повторный брак). Иначе говоря, предполагается, что миграция происходила в момент последнего зарегистрированного демографического события. В итоге данная техника обеспечивает оценку максимальной смертности (или минимальной ожидаемой доживаемости), нивелируя занижение риска смерти по методике ВИС. Эмпирические проверки показывают, что в целом этот метод работает хорошо. Для модели с высокой миграцией ожидаемая доживаемость примерно на 10% ниже для стационарного населения, чем для всего населения, а при модели с невысокой миграцией – только около 5%.

Второй метод Блума более сложен. Он основан на предположении, что мигранты убыли непосредственно перед первым демографическим событием, произошедшим сразу после того, как они покинули приход. Далее Блум рассматривает с точки зрения проблемы регистрации и учёта типы демографических событий, случившихся до отъезда. Для моделей с небольшой и средней миграцией мужчин, ожидаемая доживаемость для 20-летних была выше, чем у населения в целом. Но как отмечает Раглес, если бы этот метод работал так, как ожидалось, подобного никогда бы не произошло: оценки по методу минимальной смертности должны были всегда показывать более высокую ожидаемую доживаемость для стационарного населения, чем для населения в целом. Объяснение этому, считает британский исследователь, заключается в том, что в реальности интервал между демографическими событиями много больше (почти на две трети), чем заложенный А. Блумом. В результате пока интервал до демографического события по Блуму превышает интервал между событиями до факта миграции – метод работает. Но при условии низкой миграции метод может давать неверные оценки минимальной смертности. Подобное наблюдается и в сконструированных моделях со значениями средней и низкой мужской миграции. Этот метод может быть принят в том случае, если мы заинтересованы в определении ожидаемой доживаемости для конкретной когорты. Но вычисление ожидаемой доживаемости должно включать следующие правила: нормы смертности завышаются для юных возрастов и занижаются для старших когорт, что в итоге взаимно компенсирует погрешности. Кроме того, нужно иметь в виду то, что все интервалы между демографическими событиями, вплоть до последнего – смерти, имеют тенденцию увеличиваться после факта миграции. Не принимая в расчёт этого обстоятельства, Блум завышает нормы смертности для 20-40-летних более чем на 20% и занижает на те же 20% показатель для более старших возрастов.

Раглес предложил свои решения проблемы миграции. Первое базируется на допущении о том, что демографическое поведение людей между браком и убытием их прихода подобно как для мигрантов, так и немигрантов. Следовательно, коэффициент демографических событий для обеих групп рассматривается как одинаковый. Метод заключается в прямой оценке в населении каждой когорты числа будущих мигрантов, когда-либо создавших семью. Также мы можем определить долю демографических событий, которые пережили будущие мигранты, в общем количестве демографических событий населения всей когорты.

Число будущих мигрантов, когда-либо создавших семью, в конкретной когорте (возрасте) определяется так:

$$N_a = \frac{P_a}{E_a} * e_a,$$

где P_a – прихожане-немигранты, когда-либо создавшие семью, достигшие возраста a (т. е. индивидуумы, основные демографические события которых зарегистрированы в актах прихода, в том числе запись о браке до наступления возраста a и запись о смерти после наступления возраста a);

E_a – число демографических событий, произошедших к возрасту a у этих людей;

e_a – число демографических событий, произошедших для когда-либо создавших семью будущих мигрантов в возрасте a (т. е. тех, кто зарегистрирован в книгах крещения и брачных актах до наступления возраста a , но не имеющих записей в книгах усопших).

Метод хорошо работает при малых выборках. Точность в целом повышается, если усреднённые значения демографических событий по пятилетним интервалам используются для стационарного брачного населения ко-

личеством менее 500 человек. Если это условие выполнено, то значение ожидаемой доживаемости корректируется на полгода. Однако в случае различия демографического поведения мигрантов и немигрантов, когда-либо создавших семью, появляется разница в результатах математических моделей. Например, рождений, потерь супруга/супруги и повторных браков среди будущих мигрантов было на 20% меньше, чем среди немигрантов. Для модели со средней миграцией для мужчин, ожидаемая доживаемость занижалась менее чем на 1 год в возрасте 20 лет, и на примерно треть года для 40-летних.

Да, как говорят конкретные изыскания, мы должны избегать допущения о том, что немигранты представляли население в целом. Те, кто оставались, всегда отличались от тех, кто мигрировал, экономическим статусом и порядком наследования. Но такие большие различия между демографическим поведением мигрантов и немигрантов выглядят неправдоподобными. Автор считает, что необходимо увеличить значения ожидаемой доживаемости.

Методика вычисления минимальной смертности включает в себя решение нескольких задач. Первая шаг заключается в определении времени убытия мигрантов. Пропорция будущих мигрантов, которые оставались в приходе в возрасте a вычисляются как:

$$m_a = \frac{e_a / P_t}{E_a / P_a},$$

где e_a – общее число демографических событий в возрасте a для всех будущих мигрантов;

P_t – общее количество людей, чьё крещение зарегистрировано, а кончина нет;

P_a – число немигрантов, доживших до возраста a ;

E_a – общее число демографических событий, пережитых этими людьми.

Важно уточнить, что этот метод предполагает оценку на основе всего населения, а не только брачного.

Следующий шаг представляет собой табуляцию числа будущих мигрантов, которые совершили последнее зарегистрированное демографическое событие в канун возраста a . В конечном счёте, для каждого возраста в интервале от n до $a+1$ максимальный возраст населения вычисляется по формуле:

$$n_a = \frac{m_n}{m_a} l_a,$$

где m_n – доля мигрантов, оставшихся в приходе в возрасте n ;

m_a – доля, оставшихся в возрасте a ;

l_a – число потенциальных мигрантов с последним демографическим событием в возрасте a .

Фактически мы таким образом вычисляем число мигрантов, у которых последнее демографическое событие произошло до возраста a , и которые оставались в приходе в каждой когорте следующей за возрастом a . Их число следует приплюсовать к знаменателям формулы расчёта минимальной смертности Блюма. Одним из достоинств такого подхода нужно считать нечувствительность к различиям демографического поведения немигрантов и будущих мигрантов.

Важным следствием процедуры коррекции значений смертности является ревизия брачного возраста. Но требование системной целостности демографической модели также влечёт изменение статистики брачной плодovitости, выведенной по методу ВИС, и некоторые другие показатели. Поэтому, например, Раглес считает, что для смягчения негативного влияния эффекта миграции, следует ограничить анализ брачного возраста для замужних 45 годами. Если принять методы предложенные британским исследователем, то нужно «умеренно увеличить» значения ожидаемой доживаемости, выведенные по методу ВИС. Кроме того, если существовали долгосрочные изменения в миграционном поведении, необходимо модифицировать, полагает Раглес, прежнюю интерпретацию трендов смертности и брачного возраста.

Как видно из данного текста, при применении современных версий ретроспективного анализа и метода ВИС, исследователи сталкиваются со сходным затруднением: проблематичностью оценки влияния миграционного фактора. Несмотря на то, что реконструкция истории семей может дать информацию только об осёдлом населении, характеристики которого являются нетипичными в некоторых ситуациях, представляется более перспективным разработка процедур коррекции именно данного метода. А затем уже на этой основе – модификация ретроспективных математических моделей.

Источники и литература

1. Wrigley E.A. Poverty, Progress, and Population. Cambr., 2004. P. 10.
2. См. подр.: Шелестов Д.К. Историческая демография. М., 1987. С. 214-217.
3. См.: Wrigley E.A., Schofield R.S. with contr. by Lee R. and Oeppen J. The Population History of England 1541–1871. Cambr. (Mass.), 1981. P. 193.

4. См.: Eiras Roel A. Características demográficas de la población de el Morrazo. In memoriam Hilario Rodríguez Ferreiro // Boletín de la Asociación de Demografía Histórica. 1995. № 3. P. 9-10.
5. Wrigley E.A., Schofield R.S. with contr. by R. Lee and J. Oeppen. Op. cit.; Wrigley E.A., Davies, R.S., Oeppen J. and Schofield R.S. English Population History from Family Reconstitution 1580–1837. N.-Y., 1997. XXII, 657 p.
6. Ruggles S. Migration, Marriage, and Mortality: Correcting Sources of Bias in English Family Reconstructions // Population Studies. 1992. № 46. P. 512-514.
7. См.: Rosenblat A. La población indígena y el mestizaje en América: 2 t. Buenos Aires, 1954. T. I. 324 p.
8. См. подр.: Rosina A. Using Information on the Age Distribution of Deaths in Population Reconstruction: An Extension of Inverse Projection with Applications // Inverse Projection Techniques: Old and New Approaches / Ed. by E. Barbi, S. Bertino, E. Sonnino. 2004. P. 29-32. – Режим доступа: <http://www.demogr.mpg.de/> (Online books – Demographic Research Monographs)
9. Wrigley E.A. Family Limitation in Pre-Industrial England // The *Economic History Review*. – 2nd ser. 1966. Vol. 19. № 1. P. 82-109.
10. Lee R. Reflections on Inverse Projection: Its Origins, Development, Extensions, and Relation to the Forecasting // Inverse Projection Techniques: Old and New Approaches. P. 1-2.
11. Wrigley E.A., Schofield R. Population History of England. L., 1981. P. 194.
12. Lee R. Op. Cit. P. 3.
13. Описание алгоритмов программы, созданной на основе DIP см.: Rosina A. IPD 3.0: applicazione automatica dell'inverse projection differenziata (passo annuale e quinquennale). Technical Report. Padova: Università degli Studi di Padova, 1996.
14. В данном значении случайная, вероятностная.
15. Описание этих методов и программ смотри соответственно: Bertino S., Sonnino E. La proiezione inversa stocastica: tecnica e applicazione // *Le Italie Demografiche. Saggi di Demografia Storica*. Udine, 1995. P. 99-122 и Bertino S., Sonnino E. The Stochastic Inverse Projection and the Population of Velletri // *Mathematical Population Studies*. 2003. Vol. 10. № 1. P. 41-73.
16. Del Panta L. and Rodilossi V. Testing Inverse Projection, Differentiated Inverse Projection and Stochastic Inverse Projection; A Reconstruction of the Population of Sardinia between 1861 and 1921 Using Three Different Techniques // *Inverse Projection Techniques: Old and New Approaches*. P. 76, 81-83.
17. Barbi E., Oeppen J. Comparing the Results from Generalised Inverse Projection and Stochastic Inverse Projection // *Inverse Projection Techniques: Old and New Approaches*. P. 97-99, 104.
18. См.: Del Panta L. and Rodilossi V. Op. cit. P. 75.
19. Ruggles S. Op. cit. P. 507-522.
20. Hatcher J. Understanding the Population History of England 1450–1750 // *Past & Present*. 2003. № 180. P. 95-99, 102. Продолжением споров о показателях смертности в Средние века, а также о роли базовых демографических переменных в движении народонаселения и механизме гомеостазиса является статья: Nightingale P. Some New Evidence of Crises and Trends of Mortality in Late Medieval England // *Past & Present*. 2005. № 187. P. 33-68.
21. Blum A. An estimate of local adult mortality based on family cards // *Population*. 1989. 44. English Selection. № 1. P. 23-38.
22. Wrigley E.A., Davies, R.S., Oeppen J. and Schofield R.S. English Population History from Family Reconstitution 1580–1837. P. 212.

Миграционная статистика второй половины XX в. как исторический источник: проблемы использования

На протяжении второй половины XX в. произошло существенное изменение роли миграции в жизни общества. Как известно, выделяются три ее направления – внутрирегиональное, межрегиональное и внешнее. В течение большей части XX столетия два первых были определяющими. **Межрегиональная** миграция является традиционной для России. Именно в ее рамках происходило перераспределение людских ресурсов с целью освоения окраинных территорий. С исчерпанием ресурсов естественного прироста населения в большинстве мест традиционного выхода мигрантов (сельские районы староосвоенного центра страны) объемы межрегиональной миграции существенно снизились. Что касается программ организованного перераспределения рабочей силы с запада на восток, то уже начиная с 1950-х гг. в них участвовало не более 15% всех переселенцев [1]. На рубеже 1990–2000-х гг. межрегиональные перемещения сохранялись, хотя их основные направления существенно изменились.

Внутрирегиональная миграция в течение большей части XX в. реализовывалась в виде массового переселения жителей села в города. Преимущественно в такой форме осуществлялась урбанизация по советскому образцу. Уже к началу 1990-х гг. ее масштабы сократились также по причине сниженного естественного прироста.

В постсоветское время с открытием границ серьезно выросли объемы **внешней** миграции, что неизбежно повлияло на проблематику исследований.

На протяжении второй половины XX в. можно говорить о следующих миграционных трендах:

1. Перемещение населения под влиянием урбанизации. Речь идет о прежде весьма интенсивном, но сейчас постепенно затухающем движении из села в город и о начале агломерационного освоения территории вокруг мегаполисов.

2. Внутренняя миграция как результат мероприятий государственной политики и текущей экономической конъюнктуры. Следует отметить, что государственные программы по организованному переселению исчерпали себя уже в 1960-е гг., поэтому имеет смысл говорить главным образом о последствиях экономической политики. Имеются в виду: а) разрушительные последствия хрущевского реформирования деревни; б) сселение «неперспективных деревень» в первой половине 1970-х гг.; в) большое количество «ударных комсомольских строек» на востоке страны в 1970-е гг. и связанное с ними перераспределение рабочей силы с запада на восток; г) экономический кризис начала рубежа 1980–1990-х гг., повлекший за собой общее снижение числа переездов, а также активизация потоков город–село на фоне кризисов 1992 и 1997 гг.; д) смена вектора «запад–восток» в межрегиональных миграциях на противоположный вследствие сворачивания ряда проектов и отмены части социальных льгот в районах нового освоения).

3. Переселение беженцев из стран «ближнего зарубежья» в 1990-е гг. и внешняя трудовая миграция на рубеже 1990–2000-х гг.

Внимание абсолютного большинства исследователей **советской** миграции концентрировалось на изучении меж- и внутрирегиональной ее разновидностей.

Традиционно главными источниками сведений о миграции являются материалы Всесоюзных (Всероссийских) переписей населения [2] и данные текущего учета. Материалы переписей населения дают срез демографического состояния страны в отдельные периоды, но содержат мало информации для исследователя миграции. По причинам скорее политического свойства первая послевоенная перепись населения состоялась только в 1959 г., собственно же информация о миграции была отражена лишь в переписи 1970 г. Как отмечалось, «сопоставимая информация отсутствует за весь период с 1926 по 1970 г., т.е. именно за то время, когда урбанизация проходила наиболее интенсивно и сельское население в массовом порядке переселялось в города» [3]. На основании данных Всесоюзной переписи населения 1970 г. можно выявить региональные различия в миграции, определить национальный состав мигрантов, проследить интенсивность потоков «село–город», «город–село» и «село–село». В материалах переписи также присутствует информация о принадлежности мигрантов к социальным группам, но по причине чересчур широкой трактовки понятия «рабочий» (в группу рабочих включали как работников городских и сельских неаграрных предприятий, так и рабочих совхозов) она малоприменима для использования. Наконец, присутствуют сведения о маятниковой миграции. Впервые фиксировались миграции в системах расселения – между городом и селом и разными категориями городов. Недостатком переписи 1970 г. было то, что она учитывала только мигрантов, сменивших место жительства в течение двух лет.

* **Горбачев Олег Витальевич** (Екатеринбург) – доктор исторических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, тел. 8-922-203-54-87, e-mail og_06@mail.ru.

При переписи 1979 г. учитывалась длительность проживания в месте постоянного жительства. Население подразделялось на проживающее в этом месте «с рождения» и «не с рождения», т.е. на мигрантов и немигрантов. Менявший место жительства, хотя бы и местный уроженец, входил в группу мигрантов. Переписи 1989 и 2002 гг. с точки зрения миграции – самые скудные. В первой из них население распределяется только по областям рождения, без подразделения на город и село, что не позволяет получить представление о его перемещениях. В переписи 2002 г. также отсутствуют данные о постоянном/временном населении, дается лишь общая численность половозрастных групп, правда, с делением на город и село.

За пределами чисто миграционной проблематики полезная сторона статистики переписей видится в том, что они, как правило, дают развернутую информацию о числе, размерах и типах населенных пунктов; позволяют проследить количественные изменения в численности сельского населения по регионам, а также сокращение удельного веса сельских жителей среди всего населения страны; в ряде случаев позволяют судить о размерах естественного прироста населения и его динамике, а также о характере занятости населения. Вся эта многочисленная информация обычно востребована при выявлении факторов и последствий миграции.

С учетом целей изучения миграции населения приемлемым выходом видится сочетание данных переписей со сведениями текущего статистического учета, правда, с серьезными оговорками: переписи и текущий учет отслеживали в миграциях разные аспекты [4]. Поскольку переписи 1959, 1979 и последующих лет с точки зрения исследования миграций неудовлетворительны, основная нагрузка ложится именно на данные текущего учета и неминуемо встает вопрос об их репрезентативности.

С учетом того, что основные миграционные потоки в течение послевоенных десятилетий направлялись из села в город, большое значение для их изучения имеет состояние сельского учета мигрантов. Текущий сельсоветский учет представляет собой данные единовременной отчетности сельсоветов, составляемой на основе ведущихся в сельсоветах похозяйственных книг и списков сельсоветского учета, т.е. без опроса населения. В одной из справок середины 1950-х гг. сами статистические органы определяли погрешность сельсоветского учета примерно в 5% [5].

С одной стороны, отмечается большая точность данных текущего учета в сравнении с переписями [6]. Это подтверждается и нашим опытом работы с этими материалами. С другой – предъявляются претензии к сельсоветским данным в части полноты выписки, особенно в конце 40-х – начале 50-х гг. В применении к этому периоду В.П. Попов определяет недоучет в пределах 17%, объясняя его тем, что «правильность и регулярность заполнения книг в большинстве случаев не проверялась и не контролировалась», а «в условиях массового уклонения крестьян от колхозных работ и их бегства из деревни одному, даже ретивому секретарю исполкома было трудно уследить за всеми изменениями в составе сельской семьи» [7].

С сожалением приходится констатировать, что ни переписи, ни данные текущего учета за большинство лет не выделяют сальдо миграции между городом и селом; кроме того, они не позволяют установить уровень прироста населения за счет преобразования сельских населенных пунктов в городские. Что касается текущего городского учета мигрантов, то в доступных материалах, как правило, представлена лишь информация о территории выхода (области или республике), без подразделения на городские и сельские населенные пункты.

А.С. Сенявский считает, что проблема миграционного учета в целом не так остра, так как важнейшие показатели миграции устойчивы во времени. «По данным отдельных лет можно достаточно точно судить о миграции значительных периодов... Поэтому данные и опирающиеся на них выводы можно с достаточным основанием экстраполировать на ряд ближайших лет» [8]. Тем не менее Ж.А. Зайончковская, проанализировав состояние доступных данных, делает довольно пессимистичный вывод: «Мы можем лишь зафиксировать уровни мобильности населения страны в определенных точках эволюционной траектории, вместо того, чтобы проследить сами миграционные процессы» [9].

Состояние регионального учета миграции сильно варьировалось в зависимости от уровня паспортизации региона. В 1940–1960-е гг. региональный учет в сельской местности был налажен, как правило, только в совхозах, контингент которых приравнивался к промышленным рабочим и потому имел паспорта. На остальной территории страны вплоть до 1974 г., когда все сельские жители получили паспорта, возможности местной статистики были существенно ограничены.

Подводя итог обзора статистических источников советского времени, приведем мнение В.П. Попова, до некоторой степени примиряющее нас с их не вполне удовлетворительным состоянием. Он утверждает, что цифры миграционной статистики не являются точными, поскольку доступные материалы разной степени достоверности; но они позволяют определить тенденции [10].

Что касается **постсоветской** статистики, то выше уже упоминалось о весьма относительной ценности переписи 2002 г. для изучения миграции. Поэтому, как и прежде, основную информацию должны предоставить данные текущего учета.

В местных статистических управлениях доступны сведения, позволяющие составить представление о миграционных процессах в рассматриваемый период. Они содержатся в ежегодных сводных статистических отчетах. По характеру информации выделяются массивы данных до 1996 г. включительно и более поздние.

В сводных отчетах **первой половины 1990-х гг.** имеется минимально необходимая статистика о характере миграций. Она включает цифры о количестве прибывших и выбывших по городам и сельской местности, а также по основным видам миграции – внутри-, межрегиональной и внешней. Данные о национальном составе мигрантов представлены по городской и сельской местностям без указания вида перемещения. Таким же образом даны сведения по половому и возрастному составу мигрантов.

Современная миграционная статистика, ведущаяся с 1997 г., гораздо более разнообразна, что связано в первую очередь с осознанием увеличения роли внешней миграции в миграционных перемещениях. Представлены сведения о распределении мигрантов по национальностям и видам миграции, включена информация по государствам выхода (направления) миграций. Существенным изменением в миграционной статистике является появление сводных таблиц с указанием мотивов переезда (выделено девять основных мотивов). Акцентирование мотивационной составляющей сделало ненужной, по мнению разработчиков, статистику по возрастной группе до 14 лет (она отсутствует), что делает уязвимой в остальном вполне репрезентативную действующую систему миграционного учета даже в сравнении с лапидарной статистикой начала 1990-х гг.

При всей информативности доступной статистики направление сельско-городских перемещений очевидно не является доминирующим в нынешней системе миграционного учета. Эта ситуация является отражением упомянутых выше тенденций в перераспределении миграционных трендов. В сравнении с поздней советской статистикой оказывается невозможным проследить иерархию переездов (т.е. размеры поселений, привлекающих/отдающих мигрантов), а также долю мигрантов в постоянном населении и степень их приживаемости. Тем самым вне поля зрения исследователей рискуют остаться некоторые существенные тенденции современного этапа урбанизации, для анализа которых явно недостаточно использования простейшей дихотомии «город–село».

Есть и еще одно важнейшее обстоятельство. В настоящее время для получения представления о применимости современной миграционной статистики анализа материалов статуправлений явно недостаточно. Чрезвычайно актуальным является вопрос о качестве исходных материалов. Современные исследователи обращают внимание, во-первых, на многочисленность систем миграционного учета в РФ (не менее 10); во-вторых, на подчиненность статистики ведомственным интересам и, в связи с этим, на слабую сопоставимость данных. Кроме того, в настоящее время, после замены института прописки на систему регистрации, масштабы реальной миграции существенно недооцениваются. Наиболее убедительно это показывается на примере миграции к месту учебы: официальная статистика указывает на ее мизерный объем, что не соответствует реальности. Проблема состоит в том, что прежняя регистрация студентов и аспирантов по месту жительства заменена на регистрацию по месту пребывания, и в итоге довольно многочисленная категория мигрантов реально оказывается неучтенной [11].

Таким образом, советская и постсоветская миграционная статистика имеют общие черты: фрагментарность, подчиненность ведомственным интересам, нередко – следование политической конъюнктуре, близорукое игнорирование пожеланий научной общественности к содержанию миграционного учета. В результате исследователи миграции постоянно находятся в сложном положении, решая проблемы недостатка и сопоставимости данных. Кроме того (что более важно), власть не имеет возможности гибко реагировать на новые или ожидаемые тенденции в развитии процесса миграции.

Источники и литература

1. Зайончковская Ж.А. Миграция вышла из тени // Отечественные записки. 2004. № 4. Электронный ресурс. [Режим доступа] <http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=900>.
2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. Сводный том. М., 1962; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1972–1974. Т. 1–7; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Стат. сб. М., 1989–1990. Т. 1–10; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М., 2004. Т. 1–13.
3. Зайончковская Ж.А. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991. С. 56.
4. Там же.
5. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 538. Л. 96.
6. Кудрявцев В.В. Переписи 1959 и 1970 гг. как исторический источник для изучения социального развития советской деревни: Дис.... канд. ист. наук. М., 1988. С. 10.
7. Попов В.П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. (на примере российской деревни): Дис.... д-ра ист. наук. М., 1996. С. 129–130.
8. Сенявский А.С. Российский город в 1960–1980-е гг. С. 151.
9. Зайончковская Ж.А. Указ. соч. С. 56.
10. Попов В.П. Указ. соч. С. 145.
11. См. подробнее: Чудиновских О. Причины и последствия кризиса российской миграционной статистики // Отечественные записки. 2004. № 4. Электронный ресурс. [Режим доступа] <http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=912>.

Источники исторической демографии: методы анализа

Историческая демография, как известно – это научная дисциплина, объектом исследования которой является демографическая история, которая находится на стыке истории и демографии. Историческая демография изучает демографические явления и процессы в их исторической ретроспективе. В средние века Петти, Галлилей и др. опирались на исторические источники при составлении демографических таблиц.

В Новое время Адольф Ландри в «Трактате о демографии» рассматривает демографию уже как историю.

В Новейшее время, в 60–70-е гг. XX в. Ф. Брадель трактует историческую демографию именно со стороны истории: динамика населения свидетельствует о прогрессе в обществе (или его отсутствии). Исторический перелом XVI–XVII вв. – становление промышленности и структурные изменения в сельском хозяйстве, изменение численности населения – результат экономического прогресса. Сейчас работа Браделя является классической, он использовал нетрадиционные методы. Одна из главных подходов – воспроизводство населения и воспроизводство вообще. Отсюда условно выделяют три направления историко-демографических исследований:

1. Реконструкция исторической динамики населения (расселения, демографии, миграции);
2. Анализ исторической эволюции демографического процесса (история рождаемости, смертности, брачности и т.д.) – исторической смены типов воспроизводства населения;
3. Изучение роли демографического фактора в истории (социальная регуляция воспроизводства населения с древнейших времен до современной демографической политики).

В XX в. исследователи Вишнеvский, Гузеватый (1960–1970-е гг.) начинали склоняться к новому подходу в изучении воспроизводства населения. Рассматриваются следующие типы воспроизводства населения:

1. Архетип (первобытное общество);
2. Традиционный (аграрное);
3. Современный (индустриальное).

Отсюда ведущая классификация источников демографии: 1) Дописьменные; 2) Достатистические; 3) Статистические.

Если рассматривать конкретику источников, то весьма распространенные материалы источников – это и церковные записи, административные записи, переписи населения. Вообще, термин «историческая демография» был впервые употреблен в 90-е гг. XIX в. во Франции. XVIII в. – многочисленный научный интерес к проблемам динамики численности населения, а также в ходе развития мировой истории. Расширялся интерес к истории демографической политики, к социальным процессам. А. Ландри попытался создать общую схему мировой истории демографии. Расширялось количество работ по исторической демографии, расширялась тематика исследований, образовывались различные научные общества по исторической демографии. Одна из первых публикаций по исторической демографии относится к началу XIX в.: в 1908 г. Лергберг попытался установить численность населения при Петре I. Ковалевский, Милуков, Покровский (XIX–XX вв.) – исторические демографы России. Исследовали различные факторы: пертурбационные – эпидемии, войны; проблемы расселения населения (Семевский, Любавский).

Другой распространенный тип источников – завещания, дарственные и другие, хозяйственные и юридические документы. Например, починки – небольшие селения вновь образуются. Пустоши – заброшенные селения. Соотношение починок и пустошей говорило о росте населения или его убыли.

Писцовые описания и книги появляются в России в XV–XVII вв. В основном это хозяйственное описание численности двора для обложения налогами. Но долгое время эти книги указывали только владельцев дворов, а не всех людей. С XVII в. – уже не только владельцев, но и взрослых мужчин. Писцовые книги – сборники писцовых описаний по какому-либо уезду. Самые ранние писцовые книги – конец XV в. Наибольший интерес представляют писцовые книги Новгородских земель, где указан не только текущий, но и предшествующий год.

По общим подходам информация о населении разделяется на первичную, исходную демографическую информацию и информацию вторичную, преобразованную с учетом тех или иных целей с помощью специальных процедур и проанализированную специалистами тех или иных отраслей знаний.

Вторичная демографическая информация существует в виде статистических публикаций, разработочных таблиц, статей, научных монографий, соответствующих Интернет-страниц и т.д., представляющих в своей совокупности итог специальной аналитической и публикаторской работы. В России основным общедоступным

---

* Дементьев Борис Петрович (Пермь) – доктор исторических наук, профессор Пермского государственного университета.

источником вторичной информации являются публикации Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстат), прежде всего, «Демографические ежегодники России».

В получении первичных данных о населении различают учет состояния населения на определенный момент времени и учет демографических событий (рождений, смертей, браков, разводов), а также переездов с места на место за тот или иной период. Первичные данные о состоянии населения на определенный момент времени получают из переписей населения и из специальных выборочных обследований, в том числе и социологических исследований. Источником данных о населении могут быть также всевозможные списки населения, которые ведутся с той или иной целью (избирательные, военно-учетные, данные регистрации в местах проживания и т.п.).

Данные о демографических событиях за тот или иной период получают из их регистрации по мере их возникновения. Относительно новой формой получения первичных данных как о состоянии населения, так и о демографических событиях являются так называемые регистры населения, которые соединяют в себе свойства переписей и текущего учета.

Переписи населения, как уже определялось, – основной источник данных о населении. Именно переписи населения предоставляют в распоряжение демографов, экономистов, социологов, других специалистов, а также государственным органам и другим заинтересованным организациям сведения о населении, его численности и составе на определенный момент времени.

По стандартам информационная база демографических исследований построена на данных статистического наблюдения за происходящими в населении событиями, явлениями и процессами и может быть организована в различных формах и видах. Одной из таких форм служит отчетность. Именно стандартная отчетность представляет собой форму государственного статистического наблюдения, при которой органы статистики получают от учреждений и организаций необходимые им сведения о населении в виде установленных в законном порядке отчетных документов или статистических отчетов, за подписью лиц, ответственных за представление и достоверность сообщаемых данных.

Это – первичная отчетность, т.е., представляемая учетными единицами в адреса и сроки, установленные органами государственной статистики. К ней относится, например, отчетность органов ЗАГС о рождениях, смертях, браках, разводах; отчетность организаций здравоохранения о заболеваемости населения, паспортно-визовой службы органов внутренних дел о миграции населения.

Другая форма – специально организованное статистическое наблюдение, проводящееся с целью получения сведений, отсутствующих в отчетности. В демографической статистике это – переписи населения, единовременные наблюдения и социально-демографические выборочные обследования. Единовременное наблюдение организуется в разовом порядке или проводится время от времени без соблюдения строгой периодичности и по специально разработанной программе. К единовременным наблюдениям относятся обследования занятости населения, рождаемости и воспроизводства и др. Выборочные социально-демографические обследования проводятся с целью получения сведений о населении, отсутствующих в отчетности, в межпереписном периоде. В зависимости от характера демографических признаков, подлежащих изучению, выделяется несколько видов статистического наблюдения. Так, по признаку охвата единиц изучаемой совокупности населения статистическое наблюдение подразделяется на сплошное и несплошное.

Сплошное наблюдение предусматривает учет всех единиц изучаемой совокупности. К такому типу наблюдения относятся переписи населения, учет событий естественного движения населения.

При несплошном наблюдении учету подлежит лишь часть единиц изучаемой совокупности. К нему относятся: выборочные, анкетные наблюдения монографические исследования. Выборочные социально-демографические обследования населения проводятся в межпереписные периоды с целью получения дополнительных материалов о естественном движении, воспроизводстве и миграции населения, которых не дают переписи и текущая отчетность.

При монографическом исследовании тщательному обследованию подвергаются отдельные единицы объекта наблюдения или типы явлений. Например, при изучении тенденций развития городского населения, монографическому исследованию подлежат не все, а часть крупных городов страны.

По времени регистрации демографических событий, представления первичной и сводной отчетности, проведения одноразовых обследований, выделяются следующие виды статистического наблюдения:

1. текущие – регистрация событий по времени их возникновения (учет рождений, смертей, браков, разводов, прибытия на постоянное место жительства и т.п.);
2. периодические – наблюдения, организуемые один раз за какие-либо определенные периоды, к ним относятся годовая и полугодовая отчетность о демографических событиях, явлениях, процессах;
3. единовременные – наблюдения, проводимые без соблюдения строгой периодичности.

Таким образом, система источников исторической демографии предполагает комплексность и вариативность методов анализа.

Похозяйственные книги и актовые записи как источники по современной этнографии негидальцев

Негидальцы – небольшая тунгусо-маньчжурская народность Дальневосточного региона, проживающая главным образом в нескольких селах Ульчского (села Тыр, Кальма, Белоглинка), Николаевско-на-Амуре (с. Овсяное поле) районов и района им. Полины Осипенко (с. Владимировка и село имени Полины Осипенко) Хабаровского края. Основное отличие в хозяйственной деятельности двух групп данного этноса состоит в том, что негидальцы Ульчского и Николаевского районов, находясь в окружении ульчей, нивхов и нанайцев, занимаются главным образом рыболовством, тогда как негидальцы района им. Полины Осипенко, контактируя с эвенками и эвенами, основное внимание уделяют своему исконному занятию – охотничьему промыслу. Этническое окружение того или иного этноса играет важную роль во всех областях его жизнедеятельности, в том числе и семейно-брачной сфере. На анализе различных демографических характеристик мы и остановимся. Информация подобного плана может быть получена из различных источников, имеющих как статистический, так и нормативно-правовой характер. В данном случае нас больше интересуют данные похозяйственных книг и актовых записей краевых и районных отделений ЗАГСов.

Дадим краткий анализ каждого из указанных источников. Похозяйственная книга – один из основных источников информации по населению того или иного населенного пункта. Она содержит данные об отдельном индивиду и семье в целом. Пол, национальность, возраст, образование, профессия, место работы, род занятий, показатели миграции индивидов (откуда и когда прибыл) – это исчерпывающая информация по основным (исходным) демографическим характеристикам, профессиональной, социальной, образовательной структурам населения и семьи. Особенно ценную информацию содержит похозяйственная книга по семье. Прежде всего, она дает возможность всесторонне проанализировать состав семьи: удельный вес сложных парных семей, одиночек, количество детей и их половозрастную структуру; удельный вес лиц, являвшихся членами семьи, но находящихся в дальнем родстве; структуру браков, в том числе смешанных; частоту встреч мужчины или женщины в качестве главы семьи. Она помогает определить тип семьи по национальному составу; предпочтительность в выборе второго члена брачной пары, соотношение возрастов состоящих в браке. Особенно интересно проследить создание смешанных браков, зависимость их от уровня образования, характера профессий и т.д.

Достаточно достоверной информацией делает то обстоятельство, что ее заполнением и хранением занимается, как правило, секретарь сельского совета, т.е. квалифицированный работник, знающий жителей села. Выработанная годами система заполнения и ведения похозяйственных книг обуславливает серьезность подхода к этой работе на местах, хотя иногда приходилось сталкиваться с небрежным ведением записей, с отсутствием в них важных (прежде всего это касается специальности и работы) характеристик. В ряде случаев отсутствие записи о работе вызывалось и объективными условиями: на момент заполнения человек не был занят на производстве. Другая причина отсутствия необходимых записей, в частности касающейся характеристики хозяйства той или иной семьи, заключается, на наш взгляд, именно в хорошем знании работником сельсовета местного населения. Дело в том, что данные похозяйственных книг должны обновляться раз в пять лет, в течение которых в материальном плане жителей села мало что меняется, поэтому секретарь и делает в новой книге пометки только об изменении демографических характеристик (родился-умер; прибыл-убыл и т.д.), а заполнение остальных граф оставляет на потом.

Другой важный источник – актовые записи, представленные четырьмя позициями: брачность, разводимость, рождаемость и смертность. Актовые записи являются юридическими документами, поэтому они заполняются работниками, имеющими специальное профильное образование. Поскольку информация, содержащаяся в данном источнике, носит конфиденциальный характер, особенно это касается положений об усыновлении (удочерении) и установления отцовства, работа с подобными документами требует специального разрешения и накладывает определенную юридическую ответственность на исследователя. Полученная итоговая информация носит общий характер и может быть представлена в виде обобщающих таблиц. Стоит оговорить еще два момента. Во-первых, данные, собранные в разные временные промежутки, несут неравнозначную информацию. Так, формуляры записей за 1980-е гг. содержат широкий круг вопросов – место рождения, образование, место работы, наличие детей и пр., тогда как в бланках конца 1990-х гг. отсутствуют многие из этих позиций. Второй момент – на сегодняшний день графа «национальность» согласно выпущенному формуляру должна быть представлена дан-

---

* **Фадеева Елена Викторовна** (Владивосток) – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, ev_fadeeva@mail.ru.

ными паспорта, в котором, как известно, подобная характеристика заменена графой «гражданство». Поэтому в актовых записях последних лет свою национальность человек указывает по желанию – либо «негидалец», либо «гражданин России», что вызывает значительные трудности в этнической идентификации того или иного индивида. В дальнейшем работа с актовыми записями будет возможна только в том случае, если сотрудник хорошо знает жителей того или иного населенного пункта.

В данной статье мы подробно остановимся на анализе семей негидальцев Ульчского района. Сбор информации был осуществлен на основе изучения похозяйственных книг сёл Тыр, Кальма и Белоглинка Ульчского района Хабаровского края. Особую благодарность за помощь в подготовке статьи автор выражает сотруднику Института истории ДВО РАН д.и.н., проф. С.В. Березницкому (Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 403. Л. 175-208).

На момент исследования в Ульчском районе Хабаровского края было зарегистрировано 34 семьи (в с. Тыр – 16; в с. Кальма – 11; в с. Белоглинка – 7), из них однонациональных – 12 (35,3%); смешанных – 22 (64,7%), в том числе: негидалец-другие народности – 11 (50%); другие-народности-негидалка – 9 (40,9%); негидальско-славянские и славянско-негидальские – по одной семье (по 4,5%). По селам этот показатель выглядит следующим образом: в с. Тыр было семь (39%) однонациональных и девять (61%) смешанных семей, в том числе 40% из них составляют семьи негидальцев-мужчин с представителями других коренных этносов; женщины-негидалки вступали в подобные браки в 50% случаев; 10% от общего числа всех семей составляют браки со славянским населением. В с. Кальма однонациональные семьи составляют 18,2%, тогда как смешанные – 81,8%, в том числе 55,6% мужчин и 33,3% женщин состоят в браке с ульчами и нивхами, а 11,1% мужчин-негидальцев вступили в брак с русскими женщинами. В с. Белоглинка наблюдается обратная картина: здесь преобладают однонациональные семьи (57%), среди смешанных (43%) преобладают семьи негидальцев с женщинами других коренных этносов (66,7%) и негидалок с мужчинами другой коренной национальности (33,3%). Данную специфику можно объяснить удаленностью данного села от других населенных пунктов района и достаточно компактным проживанием в нем представителей негидальского этноса.

Всего на территории района проживало 67 негидальцев, из них 37 мужчин (55,2%) и 30 женщин (44,8%). Среди них у 8,1% мужчин было начальное образование, у 68,3% – неполное среднее, у 8,1% – среднее, 2,7% – средне-техническое, у 5,4% – средне-специальное, 2,7% – неоконченное высшее. Среди женщин 20% имели начальное образование, 3,3% были неграмотных, 26,7% – неполное среднее, 36,7% – среднее, 10% – средне-специальное образование. Таким образом, мы видим, что у мужчин преобладает неполное среднее образование, тогда как у женщин – среднее и средне-специальное. Отчасти это связано с тем, что мужчины всегда были более ориентированы на традиционные отрасли хозяйства, тогда как женщины стремились получить какую-либо специальность, чтобы в дальнейшем занять более высокое социальное положение, что мы в дальнейшем и увидим при анализе хозяйственной занятости негидальцев.

Размеры и тип семьи в значительной степени определяются характером хозяйства, образом жизни, условиями обитания каждой конкретной группы народов.

В классификации семей по родственным связям нами было выделено восемь типов семей: 1) две и более брачные пары с детьми; 2) брачная пара без детей; 3) брачная пара с детьми; 4) Одна брачная пара с детьми и одним из родителей; 5) Одна брачная пара без детей и одним из родителей; 6) матери-одиночки; 7) отцы-одиночки; 8) прочие.

Согласно проведенному исследованию, среди однонациональных семей преобладают, к сожалению, семьи матерей-одиночек – 54,5%, тогда как по 9,1% приходится на семьи 1, 2, 3 и 5-го типов. Среди смешанных 52,4% составляют семьи брачной пары с детьми, 14,3% приходится на семьи 1, 2 и 4-го типа, 4,7% составляют семьи, состоящие из одной брачной пары без детей и одним из родителей.

У негидальцев в однонациональных семьях главы семей – мужчины и возраст супругов либо совпадает, либо муж старше жены. В смешанных семьях, главным образом, в славянско-негидальских, в 4,5% случаев главой семьи выступают женщины. В 22,7% семей жены старше мужей, особенно это касается браков женщин-негидалок с представителями других коренных этносов (44,4%), в 22% случаев женщины оставляют за собой свою девичью фамилию. Отметим, что главой семьи женщина является, как правило, в тех случаях, когда она имеет более высокий образовательный уровень и социальный статус, а в трети случаев супруга еще и старше мужа. Подобные цифры свидетельствуют о достаточной независимости и самостоятельности женщин, о перераспределении ролей в современной семье.

Рассмотрим браки с точки зрения образования супругов. В однонациональных семьях в 8,3% случаев уровень образования супругов либо совпадает, либо муж более образован; в смешанных семьях преобладают браки между людьми, чье образование одинаково (31,8%), тогда как 27,3% составляют браки мужчин с более образованными женщинами. Эти данные подтверждает общая картина уровня образования местного коренного населения.

Основными занятиями нынешних негидальцев являются рабочие специальности, их имеют 70% мужчин и 30% женщин, из них рыбообработчиками трудятся 66,7% мужчин и 33,3% женщин. Пенсионерами по старости

являются 12,5% мужчин и 87,5% женщин; безработными числятся 75% мужчин и 25% женщин. Среди учащихся в ВУЗах, учителей, работников сельской администрации, домохозяек присутствуют только женщины. При этом треть мужского и женского населения вообще затруднилась указать свое место работы, объясняя это либо временными трудностями с поисками работы, либо желанием заниматься собственным делом, а не «батрачить на дядю». Таким образом, можно сделать вывод о том, что основная масса мужчин и женщин трудятся на производствах, связанных с добычей и переработкой рыбы. Большой процент безработных женщин объясняется, отчасти, тем, что женщинам приходится сидеть дома с детьми и вести домашнее хозяйство.

Почти каждая семья имеет детей. Из общего количества детей – 61 человек (40 мальчиков и 27 девочек), 5 человек (4 мальчика и 1 девочка) родилось в однонациональных семьях, остальные 56 (36 мальчиков и 26 девочек) – в смешанных семьях. Отметим, что в 25% однонациональных браков у детей была фамилия матери; в смешанных, а именно в негидальско-славянских семьях этот показатель составляет 5,3% случаев.

В большинстве смешанных браков, как со славянским населением, так и с представителями других коренных этносов, национальность детей определяется как «негидалец». Например, в негидальско-славянских семьях этот показатель составляет 73,7%; а в славянско-негидальских семьях он вообще составляет 100%. При этом, как было показано выше, фамилия ребенка определяется, главным образом, все-таки по отцу. Таким образом, очевидно, что этническое самосознание лиц, выросших в смешанных по национальному составу семьях, в значительной степени воспитывается тем этническим окружением, в котором вырастают эти лица (при условии, что отец или мать данного лица происходят из среды этого народа).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что негидальцы Ульчского района Хабаровского края все больше отходят от своего традиционного охотничьего промысла, о чем говорит большое количество населения, занятого в рыбной промышленности. Большой процент иноэтнического окружения (нанайцев, ульчей, нивхов, славян) сказывается на увеличении количества смешанных браков; подобная тенденция, без сомнения, будет продолжаться и впредь. Исключение из этого составляют только жители отдаленного села Белоглинка. К сожалению, будет сохраняться и процесс дальнейшей потери негидальцами их родного языка; уже сегодня более 80% из них считают своим родным языком – русский, а негидальский язык знают лишь отдельные представители старшего поколения. Реалии времени таковы, что процесс взаимовлияния и взаимодействия негидальцев и окружающего их населения, со всеми вытекающими негативными последствиями для сохранения этнического самосознания негидальцев, уже не остановить.

Переписи населения Поморья (досоветский период): хронология, анализ, особенности

Переписи – главный источник информации о населении. В отдельных княжествах Руси узнать количество живущих людей пытались еще в XII в., четыре переписи было проведено в годы татаро-монгольского ига в XIII в. Но эти ценнейшие документы, к сожалению, утрачены. Самые ранние материалы переписей сохранились с конца XV – начала XVI в. В Поморье первые общие переписи известны со второй половины XV в., после того, как Новгород официально включен в состав Московского государства (1471 г.), и новгородские боярские земли конфискованы (1476–1478 гг.). Естественно, что при переводе новгородских колоний во владения Великого московского князя потребовался учет доходности колоний, поэтому в переписных документах той поры сведения не только о населении, но и поземельные описания пашней, сенокосов, других угодий, в том числе рыбных ловлей. Учет был доверен московским писцам – именитым людям [1]. Известно, что в Поморье в XVI в. переписи вели писцы Я. Сабуров, И. Кутузов, Н. Яхонтов, А. Беклемешев [2]. Они дают описание по административно-территориальному принципу, то есть по волостям внутри уезда, начиная с погоста, затем описывают все жилые и пустые поселения (деревни, починки). Фиксируют только мужское население за исключением вдов – глав семей, все данные заносят в специальные учетные (писцовые) книги. Переписные документы Поморья XVI в. хранятся в Российском Государственном архиве древних актов (РГАДА).

Проанализируем в хронологической последовательности переписи Поморья на примере конкретного пункта – Ворзогоры Турчасовского стана-уезда (Архангельская губерния). Это селение из двух деревень Яковлевской и Кондратьевской основано выходцами из Великого Новгорода в первой половине XVI в. на Поморском берегу Белого моря (побережье от Онеги до Кемь). В середине XVI в. население Ворзогор записано в вотчине Соловецкого монастыря, с 1685 г. – Крестного монастыря, основанного патриархом Никоном на Кий-острове в Онежской губе [3]. Самый ранний переписной документ – Сотная 1556 г. с книг письма Я. Сабурова и Н. Кутузова. Выписка: «У моря деревни тяглые... на Ворзогорах две трети деревни Кондратовской: во дворе Лукьянко Кондратов, во дворе Игнатко Кондратов, во дворе Павлик Кондратов..., во дворе Сенка Кондратов... Пашни обжа без трети обжы. И всего (в волостке Нименге) девять деревень и треть деревни, а дворов в них 44, а людей в них 49, а сошные пашни 9 обеж и пол-полтрети обжы, а в них 3 сошки и пол полтрети обжы. А оброку с них за 300 за 60 за 7 бел, по три денги за белку, итого 5 рублей и 17 алтын без денги, а за горностаи 7 алтын з денгою, а ямских денег 18 алтын 2 денги, вытных 2 денги, да казначеевых пошлин 5 алтын, да дячих и подячих пошлин 5 жо алтын» [4]. Хозяева четырех дворов родные братья Лука, Игнат, Павел и Семен – сыновья Кондрата, очевидно, того самого, который и основал деревню Кондратьевскую. Имена двух братьев упомянуты еще раз спустя три года в Отписи дячков Казарина Дубровского и Леонтия Ананьина за 1559 г.: «А ловят рыбу семгу переметы: на море на Корелской стороне усть-Рочева ручья в Варзогорьской губе переметом ловит Павлик да Лучка Кондратовы с товарищи, оброку за рыбную ловлю за семежью пять алтын... да с морских волостей за рыбную за семежью ловлю... с Неменги с Ворзо-гор двадцать алтын без дву денег» [5].

В XVII в. переписи стали тягловыми или подворными, сведений об угодьях нет. Учет ведется по дворам (тягло – двор), отмечены число дворов жилых и пустующих, число людей (хозяев дворов). Обозначен и социальный состав: половники (работавшие на монастырских землях за половину урожая), бобыли (одинокки), захребетники (иждивенцы). О населении Ворзогор XVII в. известно по двум источникам: из Боярской и городской книги 1640 г. [6] и из Переписной книги воеводы Василия Жукова 1648 г. Воевода отметил, что в волостке Ворзогоры пустошь, тяглых деревень – 3, бобыльских дворов – 3, крестьянских дворов – 24, в них людей – 18, а детей, братьев, племянников и захребетников – 79. Зафиксировано только мужское население, причем, у мальчиков до семи лет указан возраст. Пример: «Во дворе Завьялко Денисов, двор ево ж Завьялков, а в нем половники Баженко да Слотка Архиповы да Баженковы дети Федка да Митка да Венидитко да Ивашка дву годов да Слоткины дети Фирско да Антипко» [7].

В XVIII в. две первые переписи 1710 и 1716 гг. именуется ландратскими (ландратская коллегия контролировала работу местных органов власти и судов). Особенно информативна перепись 1716 г.: записано и мужское, и женское население, указан возраст, отмечено, кто и когда умер, кто нетрудоспособен, где находятся члены семьи в момент переписи. По переписи 1716 г. в Ворзогорах в двух жилых деревнях жилых дворов – 7, пустых крестьянских дворов – 7, вдовьих пустых дворов – 2, всего человек 75. Пример: «Во дворе крестьянин Корнила Лукин, 56 лет, у него жена Татьяна Васильева дочь, 55 лет, да зять Яков Фомин, 29 лет, у него жена Марья, 22 лета, сын Нестор, полугоду, да племянник родной Максим Евлампьев, 39 лет, у него жена Евдокия Павлова дочь,

32 лета, дети Аверкий, полугоду, дочь-девка Агрипина, 13 лет». Особенность данных переписи 1716 г. в том, что «за скудостью» опустели многие двory, то есть по причине неурожая, голода, нужды и бедности одни – живут подажаниями, другие – нашли работу на стороне (а именно: в Поморье, Архангельском городе, Холмогорском уезде, Кольском остроге, Санкт-Петербурге), а третьи и вовсе – «сошли в мир безвестно». Пример: «Двор пуст вдовы Марфы Яковлевы дочери да крестьянина Аникея Баженова, а он, Аникей умре в 709 году, а вдова за нищетою скитаеца меж двory, а сын Михайло в Поморских усольях кормится своею работою» [8].

С 1719 г. переписи стали ревизскими (по указу Петра Первого о переходе от подворного обложения к подушной подати), введена новая учетная единица – ревизская душа. Это своеобразные ревизии податного обложения населения, обязанного платить подушную подать и отбывать рекрутскую (воинскую) повинность. Всего с 1719 г. по 1857 г. состоялось десять государственных ревизий, в Поморье они проведены в 1719, 1744, 1763, 1782, 1795, 1811, 1816, 1834, 1850, 1858 гг. (в среднем – один раз в четырнадцать лет). В Государственном архиве Архангельской области (ГААО) около четырехсот ревизских книг (фонд 51, фондообразователь – Архангельская казенная палата, отделение ревизское, стол ревизский), но документы 1-й ревизии не выявлены, 2-й – сохранились фрагментарно, 3-й – не полностью [9] (в полном объеме есть в РГАДА).

По Ворзогогорской волости материалы всех десяти ревизий выявлены. Так, в материалах 1-й ревизии 1719 г. записано только мужское население, текст ревизии разделен на «подворно» [10]. В материалах 2-й ревизии 1744 г. разделения на «подворно» нет, все записано сплошным текстом [11] (что заметно осложняет работу). В материалах 3-й ревизии 1763 г. записаны имена всех жителей двory с указанием возраста, отмечено, кто в рекрутах, за кого и куда выданы «дочери-девки» и др. [12].

Проведение ревизий было делом государственной важности, при этом население заранее оповещалось посредством манифеста, а писчики (приказчики, старосты, выборные) несли строгую ответственность за достоверность информации. В поморских волостях ревизии проводили соцкие (выборный от ста двory), и в случае допущенной ошибки их могли строго наказать. Из материалов 4-й ревизии 1782 г. известно, что соцкий Ворзогогорской волости Родион Яковлев сын Пospelов «по силе состоявшегося 1781 г. ноября 16-го ея императорского величества в народе опубликованного манифеста дал сию сказку о положенных реченной волости в нижеописанных деревнях по последней 1763 г. ревизии в подушном окладе крестьянах, с показанием из того числа разными случаями убывших и после ревизии вновь рожденных, и прибывших по самой истине без всякой утайки, а буде кем впредь уличен или по свидетельству найдется, что кого-либо утаил, то повинен положенному по указу штрафу без всякого милосердия». При этом соцкий Пospelов оказался неграмотным, о чем известно из заключительной фразы документа: «К сей сказке вместо соцкого... по его прошению руку приложил дячок Кирил Дмитриев». Но это обстоятельство ничуть не отразилось на ценности документа. В 4-й ревизии население указано поименно, ныне жившие обозначены знаком «плюс», отмечен возраст на момент предыдущей ревизии. Есть сведения о рекрутах (когда убыли), о сбежавших (в каком году), о переведенных в другие волости и округа. Жены прописаны с именами своих отцов и с указанием своего места рождения. Если местная, то записано: «У Луки жена Васса Крысанова дочь, старинная той же волости». Если прибывшая, то: «У Петра жена Стефанида Пospelова, взятая в городе Онеге дочь мещанина Пospelова». Если невеста выходила замуж в другую местность, то указано, куда и за кого: «Дочь Акилина, 36 лет, выдана в Подорожскую волость за Галактиона Сидорова». Записаны и выбывшие. Пример: «Объявленный Алексей Тихонов по жительству семейством своим перешел Архангельской округи Андреановский стан в деревню Биричевская и там в списках показан будет» [13].

В 1795 г. проведена 5-я ревизия, материалы ее оформлены по аналогии с 4-й ревизией. В XIX в. ревизии проводились с интервалом в среднем от семи до двадцати лет, их содержание одинаково, но отличия все же есть. Особый интерес представляют материалы 6-й ревизии 1811 г., когда каждый житель России записан с собственной фамилией (бесфамильных больше нет). Видимо, здесь есть какая-то связь с тем, что именно в 1811 г. при Министерстве полиции открылось первое официальное статистическое учреждение – статистическое отделение (Архангельский губернский статистический комитет открыт в 1835 г.). В отдельных поморских уездах лишь в 1811 г. впервые поголовно по фамилиям записаны крестьяне всей волости. Так случилось и в Ворзогогорах, поэтому большая часть местных фамилий произведена от церковно-славянских имен: Сидор – Сидоровы, Алексей – Алексеевы, Захар – Захаровы, Елисей – Елисеевы. У меньшей части – фамилии устойчивы с прошлых времен, в их основе нецерковные имена: Козоба – Козобины, Ком – Комовы, Курица – Курицыны, Рогач – Рогачевы. В 6-й ревизии заполнено три графы: 1) по последней ревизии состоят, 2) и с того числа выбыли, 3) ныне налицо с прибывшими и вновь рожденными. Возраст указан и на нынешнюю, и на предыдущую ревизии. Пример: «Селиван Львов сын Антонов, 52 лета / 68 лет; Селиванов зять Василий Павлов сын Панчин, 24 лета / 40 лет» [14]. Несмотря на всю прогрессивность 6-й ревизии ее огромный минус в том, что учтено только мужское население, а о женском – ни слова! Но уже четыре с половиной года спустя это упущение было исправлено.

В марте 1816 г. в Поморье проведена 7-я ревизия (в других местностях – в 1815 г.). Материалы ревизии достаточно информативны: указан год умерших, год ухода рекрутов, у мужского населения указаны лета на

предыдущую и нынешнюю ревизии, у женщин – на нынешнюю. Пример: «Иван Яковлев сын Рогачев, 56 лет / 60 лет, Ивана Яковлева жена Соломония, 34 лета, Ивана Яковлева сын Демид, 34 лета / 38 лет, Демиды Иванова жена Агафья, 40 лет, ево же второй сын Михайла, 14 лет / рекрут (1813 г.), от второй жены сын Ларивон, 8 месяцев / умре (1814 г.), Демиды Иванова сын Иван, 10 лет / 14 лет, Демиды Иванова дочь Иривья, 5 лет». Ревизию в Ворзогорах проводил родной брат «переписанного» Ивана Яковлева, но, по известной причине, подписывал документы не он: «к сей сказке вместо соцкого Митрофана Рогачева за неумением его грамоте прошением его лично земской пищик Василий Дмитриев руку приложил» [15].

В апреле 1834 г. в Поморье проведена 8-я ревизия (в других местностях – в 1833 г.). В сведениях о мужском поле заполнено три графы: 1) по последней ревизии состояло и после оной прибыло, 2) из того числа выбыло, когда именно, 3) ныне налицо; для женского пола: 1) во временном отпуске и с которого времени, 2) ныне налицо. Семейства большие (в среднем по десять человек), вместе с семьей хозяина живут и племянники (порою и взрослые со своими женами и детьми) и другие родственники. Поморский век недолог, не все возвращались с опасных промыслов [16], при этом ответственность за сирот, по поморской традиции, брали на себя братья погибших. У каждого переписанного отмечена степень родства по отношению к хозяину. На «женской» половине документа мелькают слова: падчерица, сноха, вдова, золовка, свояченица. Женские имена помимо обычных Параскевы, Иривьи, Феклы и Матрены расцвечены такими редкими для нас, как: Олисава (Елизавета), Опросенья (Ефросинья), Офимья (Евфимия), Пестемья (Епистимия), Соломанья (Соломонида), Ховронья («Крошечка-хаврошечка»). Среди мужских имен одно редкое – Ахтимон. Поморы придерживались строгих житейских норм и правил, но исключения все-таки были. Пример: «У Василия Михайлова Корякова жены Парасковьи прижит в девках незаконнорожденный сын Александр» или: «Ивана Долматова второй племянник Яков Петров, 27 лет, незаконнорожденно до брака с женою Наталью прижил сына Никиту, 2 лета». Данные 8-й ревизии были зачитаны населению, причем, троекратно. Об этом известно из заключительной фразы документа: «В сей ревизской сказке все души к 25 числу апреля месяца 1834 г. в наличности бывших показаны, и прописных нет, и сказка сия на троекратной мирской сходке крестьянам прочитана была. В том составитель сей сказки того же селения деревни Кондратьевской крестьянин Михайло Максимов сын Елисеев руку приложил». Документ заверили в Абрамовском волостном правлении: волостной голова Степан Поспелов, староста Игнатий Шихов и писарь Федор Сидоров» [17]. Из 411 душ женского пола лишь одна – Наталья Елисеева – записана во временном отпуске с 1831 г. Установлено, что ее муж, Петр Максимов Елисеев, в тот же год «отдан в рекруты». Наталья, вероятно, отбыла в свою волость к родителям, так как ее мужу предстояло служить «целых» двадцать пять лет.

Рекрутская повинность – одна из тяжелейших обязанностей, ежегодно молодых мужчин нужно было поставлять в армию и на флот. До 1708 г. набор «даточных людей» проводился от семнадцати до тридцати двух лет, в 1708–1726 гг. – от двадцати до тридцати лет, в 1726–1766 гг. – «всякого возрасту», в 1766–1831 гг. – от семнадцати до тридцати лет, в 1831–1855 гг. – от двадцати до двадцати пяти лет, в 1855–1874 гг. – до тридцати лет. В 1874 г. введена воинская повинность, сроки службы и рекрутский возраст не были постоянными. Так, до 1793 г. служба была пожизненной, с нее уже не возвращались, в 1793–1834 гг. – двадцать пять лет, в 1834–1855 гг. – двадцать лет с последующим пребыванием в отпуске пять лет, в 1855–1872 гг. – последовательно двенадцать-десять-семь лет, отпуск (соответственно) три-пять-восемь лет. Порядок проведения рекрутских наборов и поставки рекрутов был разным. До 1724 г. наборы велись путем подворной раскладки (один рекрут с двадцати дворов), позднее – по числу ревизских душ мужского населения. При обычных наборах набиралось по пять-семь рекрутов с тысячи душ, при усиленных – семь-десять, при чрезвычайных – десять, в военное время – пятьдесят-семьдесят. Во время следования на сборные пункты нередко случались побег, поэтому рекрутов заковывали в колодки и цепи, брили лбы и накалывали кресты на руках. Рекруты были бесправны, их подвергали жестокой муштре и телесным наказаниям. Со второй половины XIX в. **рекрутская повинность перестала быть обязательной, от нее допускались денежные откупы, а также замена рекрутов другими лицами и наем охотников (добровольцев)** [18].

В 1850 г. проведена 9-я ревизия. Ревизская сказка Ворзогорского селения «О состоянии мужского и женского пола государственных крестьянах» датирована 30 июля. В содержании и оформлении нет отличий от 8-й ревизии, материалы также информативны. «Налицо» учтено 858 душ: мужского пола – 405, женского – 453 [19].

В 1858 г. проведена 10-я ревизия, официально именованная Десятой народной переписью (в других местностях – в 1857 г.). Форма переписного документа, как и прежде, и с теми же отметками: умер, отдан в рекруты, переведен в другое селение. Семейства большие, по десять-двадцать и более человек, под одной крышей несколько семей родственников всех поколений. Пример (лета опущены): Иван Демидов Рогачев, Ивана Демидова от первой жены сын Иван (отдан в рекруты), Ивана Иванова от второй жены сын Артемий, Ивана Демидова жена Ирина Кирикова, ево же от первой жены дочь Анна, Ивана Иванова от первой жены дочь Харитина, Ивана Демидова от первой жены другой сын Михайло, Михайлов сын Спиридон, Ивана Демидова от первой жены третий сын Сидор, Ивана Демидова брат Софрон Демидов Рогачев, Софроновы сыновья Елисей и Гаврила. В семейных кланах непростые родственные связи, но писчик сельский старшина Андрей Козобин (он же сельский писарь)

легко в них разбирается. Списки «О наличном числе душ по сказкам 10-й Народной переписи» составлены с ведомости, подписаны 23 мая [20].

Десятая ревизия 1858 г. оказалась последней, так как в 1861 г. крепостное право отменено. Актуальность переписей как таковых свелась к нулю, и более сорока последующих лет государственного учета населения России не проводилось.

«Первая всеобщая перепись населения Российской империи» состоялась в 1897 г. Эта кампания была тщательно подготовлена и детально продумана на основании «высочайше утвержденного положения 5 июня 1895 г.». Из материалов переписи известно, что восемьдесят пять процентов граждан России проживало в сельской местности, три четверти населения страны не владели грамотой. В Архангельской губернии переписано 347 тыс. чел. Это сотни архивных томов, и все они сохранились в целости, что уникально, так как подобные фонды по 1897 г. уцелели полностью лишь в Тобольской губернии, а по всем другим – или частично, или утрачены.

В переписи 1897 г. переписной лист единого типографского образца формата А-3, согнут пополам. На первой странице записаны данные хозяина двора, сведения о дворе (сколько строений, из какого материала, чем крыты), подсчитано количество людей на день, к которому приурочена перепись (в таблице). На развороте переписного листа четырнадцати граф, рассчитанных на заполнение сведений десяти членов семейства. Первая графа – фамилия (прозвище), имя и отчество или имена, если их несколько. Отметка о тех, кто окажется: слепым на оба глаза, немым, глухонемым или умалишенным». Далее (дословно): Пол, м – мужской, ж – женский; Как записанный приходится главе хозяйства и главе своей семьи; Сколько минуло лет или месяцев от роду; Холост, женат, вдов или разведен; Сословие, состояние или звание; Родился ли здесь, а если не здесь, то где именно (губерния, уезд, город); Приписан ли здесь, а если не здесь, то где именно (для лиц обязанных припискою); Где обыкновенно проживает: здесь ли, а если не здесь, то где именно (губерния, уезд, город); Отметка об отсутствии, отлучке и о временном здесь пребывании; Вероисповедание; Родной язык; Грамотность а) умеет ли читать, б) где обучается или кончил курс образования; Занятие, ремесло, промысел, должность или служба а) главное, то есть то, которое доставляет главные средства для существования, б) побочное или вспомогательное занятие и положение по воинской повинности. Таким образом в материалах переписи 1897 г. зафиксированы самые подробные данные на каждого жителя Поморья. По Ворзгорской волости переписной участок – 3, счетный участок – 4, стан – 2. Зафиксировано постоянно живущих 1143 человека: мужского пола – 494, женского – 649. Документ датирован январем 1897 г., свою подпись оставил приезжий «счетчик собиравший сведения» Петр Кузнецов. Жители селения записаны как «крестьяне из государственных», в подавляющем большинстве «здесь родившимися». Среди «лиц некрестьянского сословия» – церковные служители и члены их семей. Пожилые люди чаще неграмотны, молодежь обучалась «дома» или «у старухи», мальчики от восьми до одиннадцати лет учились в церковно-приходских школах. Некоторые семьи бедствуют, то есть живут «собираением подаяния». Но в стороне от капиталистического развития страны Поморье не осталось: в округе заработали лесопильные заводы, появились пароходы и железная дорога. Наряду с традиционными для Поморья занятиями, как «охотник», «ловит рыбу», в графе «побочные занятия» записаны и современные: «матрос коммерческого судна», «работник на Мурманском берегу», «сплавщик леса», «пильщик досок» и др. [21].

В СССР проведено семь общих переписей населения в 1920, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Поморье в советское время упразднено (во всех отношениях), но в постсоветский период в очередной российской переписи 2002 г. зарегистрировано 6524 помора. Перепись 2010 г. проводилась под девизом «России важен каждый!».

Источники и литература

1. Подробнее см.: Мельник Т. Для подсчета тяглого населения назначались именитые люди // Правда Севера. 2002. 17 окт.
2. Крестьянство Севера России в XVI в. Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1984. С. 180.
3. Подробнее см.: Мельник Т. Два Ивана и Сидор Евсеевы из Ворзгор // Кольский родословец. Альманах Мурманского родословного общества. Мурманск, 2004. Вып. III. С. 72-86.
4. Васильев Ю. Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 134-135. Сотная 1556 г. на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я. Сабурова и Н. Кутузова 1551–1553 гг. Сотная (грамота) – выписка или копия из писцовой книги, ее содержание определялось назначением, выдавалась по челобитной населения или вотчинника.
5. Акты социально-экономической истории Севера России: Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / Сост. И. З. Либберзон. Ленинград, 1988. С. 157-159. Со ссылкой на: ЦГАДА. Ф. 1201. Оп. 3. № 613. Л. 1-33 об. Список XVI в., документ 242 «Отпись дьяков Соловецкого монастыря Казарина Дубровского и Леонтия Ананьина о приеме дани и оброков с Каргопольского и Турчасовского уездов 1 марта 1559 г.».
6. РГАДА. Ф. 137. № 1. Л. 30-31 об. Боярские и городовые книги 1640 г., Турчасов, Ворзгорская волость.
7. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 168 «Переписная книга посадских дворов г. Каргополя, посада Турчасово, деревень и дворов в черных волостях Каргопольского и Турчасовского уезда переписи воеводы Василия Ив. Жукова 1648 г.». Л. 784-784 об.

8. РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 169 «Книга переписная посадских людей Турчасовского посада, церковнослужителей, монахов, дворцовых и монастырских крестьян волостей (список волостей) и станов Турчасовского, Устьмошского, Мошенского, Мехрецкого Каргопольского уезда. 1716 г.». Л. 929 об. – 931.

9. Подробнее см.: Гундакова Л., Хрушкая Л. Массовые источники в ГААО // Массовые источники отечественной истории. Материалы X Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX вв.». Архангельск, 1999. С. 61-67.

10. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1263. Л. 302 об.-303.

11. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1273. Л. 35-36 об.

12. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1279. Л. 117-143 об.

13. ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 2. Д. 2673. Л. 619-646.

14. ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 2. Д. 3259. Л. 405-415. Ревизская сказка черносошных крестьян Онежского уезда, экономическая Ворзогорская волость (подано 26 сентября 1811 г., 40-я сказка).

15. ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 41. Д. 8433. Л. 503. Ревизская сказка находящихся налицо Архангельской губернии Онежского уезда экономической ворзогорской волости соцкаго Митрофана Яковлева сына Рогачева о состоящих мужска и женска пола крестьянах. Племянник соцкого «переписанный» рекрут Михаил Иванов Рогачев (1831–1897) – прямой предок автора со стороны дедушки по материнской линии.

16. Подробнее см.: Мельник Т. Ворзогорский мартиролог (по записям метрических книг 1852–1896 гг.) // Ушаковские чтения. Материалы научно-практической конференции. Мурманск, 2004. С. 83-88.

17. ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 8. Д. 12864. Л. 2-36. Писарь волостного правления Федор Сидоров, 1804–1880, старший сын бывшего ворзогорского соцкого Прокопия Сидорова – прямой предок автора со стороны бабушки по материнской линии.

18. Советская военная энциклопедия. М., Воениздат, 1979. Т. 7. С. 103-104.

19. ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 8. Д. 12902. Л. 1-66.

20. ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 23. Д. 445. Л. 1-58.

21. ГААО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 113. Л. 1-472.

Модель социальной структуры Колы XIX – начала XX в.**

Целью настоящего проекта являлась реконструкция модели социальной структуры города Колы в XIX – первой четверти XX в. и ее осмысление в контексте социальной истории Кольского Севера.

Исследовательский проект в ходе своей реализации прошел несколько этапов. На каждом из них были задействованы определенные методы и приемы.

1 этап (эмпирический). Создание электронных баз данных по ревизии 1782 г., духовным росписям и метрическим книгам Кольского собора. Создание каталога «Кольские семьи» с систематизацией всех упоминаний жителей Колы в архивных документах и печатных источниках.

2 этап (сортировка). Создание перечня постоянных жителей Колы с учетом их движения и родственных связей. Усечение электронных баз данных, с исключением из них лиц, временно находившихся в Коле.

3 этап (репрезентация). Построение генеалогических схем кольских семей.

4 этап (аналитический). Выявление демографических данных по постоянному населению Колы. Анализ демографических процессов в контексте всероссийской статистики. Построение модели.

Использованные в проекте методы и приемы предполагают создание системы адресного слежения за каждым жителем Колы в социальной системе всего города: от его рождения или приезда в Колу до смерти или выезда из города. Такой подход, хотя он и весьма трудоемок, позволяет филигранно просчитывать отдельные демографические показатели, вопреки тому, что самим формуляром архивного документа их учет не предполагался (например, национальный состав, механическое движение населения, определение родственности между лицами, количество поколений в семье и т.д.).

Важным элементом системы методов оказывается репрезентация семейной структуры города в генеалогических схемах. Историко-генеалогический метод облегчал поиск нужной информации, просчет необходимых данных и их проверку.

Результаты проекта нашли свое отражение в изданном Мурманским государственным педагогическим университетом в 2010 г. историко-генеалогическом атласе «Коляне» (авторы – А.А. Малашенков, П.В. Федоров). В первую часть атласа вошел словарь, включающий вводный очерк, 244 статьи, в том числе описания 149 проживавших в Коле семейно-родственных групп, 52 персоналий и 43 историко-этнографических категорий, а также приложения. Содержательной основой второй части атласа стали генеалогические схемы кольских семей и фотографии.

Следует заметить, что в атлас включены описания и генеалогические семьи на все семьи, прожившие в Коле более 30 лет. Благодаря этому в научный оборот вводится полный контент наиболее устойчивых структур и элементов городского населения. Что касается демографических данных, представленных в атласе (численность населения, рождаемость и смертность, половозрастная структура, миграционные процессы, национальный состав), то они отражают еще более широкую картину – всего постоянного населения города, включая и тех лиц, кто проживал в Коле непродолжительное время.

Построенная в исследовании модель социальной структуры населения Колы в XIX – первой четверти XX в. основывается на семейно-родственной и сословной/социальной организациях общества. В проекте предпринята попытка связать семейно-родственную и сословную/социальную структуры, с учетом их динамического взаимодействия и возможных отклонений.

В течение XIX – начала XX в. жившие в Коле семейно-родственные группы укреплялись. Средний их размер за период с 1842 по 1915 г. вырос с 3 до 7 человек. Вместе с тем само количество семейно-родственных групп в Коле год от года сокращалось – с 250 в 1842 г. до 92 в 1915 г., что свидетельствовало о происходящем процессе «естественного отбора» наиболее жизнестойких элементов семейной структуры.

Рост семьи обязательно проходил проверку временем. Чем больше был опыт проживания семейно-родственной группы в Коле, тем больше членов она включала. Данное правило, однако, безукоризненно действовало только в пределах 100-летнего отрезка, а при более длительном периоде уже давало сбой. В больших и древних семейно-родственных группах в определенный момент мог начаться процесс вырождения.

---

* **Федоров Павел Викторович** (Мурманск) – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, проректор по НИР Мурманского государственного педагогического университета; **Малашенков Алексей Анатольевич** (Мурманск) – библиограф Мурманского государственной областной универсальной научной библиотеки.

** Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Мурманской области (проект № 10-01-43104а/С).

Семейная структура состояла из малоподвижного ядра и подвижной периферии. В ядро входили наиболее крупные и уже осевшие в Коле семейно-родственные группы с численностью свыше шести человек. Если в 60-е гг. XIX в. ядро включало чуть более 30% от числа всех семей, то в начале XX в. – уже более 50%. Небольшие семьи, окружавшие это ядро, образовывали подвижную периферию, в которой центростремительные токи по мере приближения к границе сменялись центробежными.

В ядре семейно-родственной группы удерживались силами укоренения. Критерием укорененности для жителей Колы оказывалась не столько личная прикрепленность к конкретному участку земли, что было невозможно в силу необходимости значительную часть времени проводить в море, на промыслах, сколько обустройство на этом участке земли семьи и быта, выбор его в качестве проживания в непромысловое время и, наконец, упокоение в нем после смерти. Удельная доля семейно-родственных групп, проживших в Коле 50 и более лет, за пять десятилетий выросла с 22 до 52%. Более медленно росла поколенность: с 1861 по 1915 г. удельная доля семейно-родственных групп с количеством поколений более двух выросла с 45 до 58%. Жизнеспособность ядра поддерживалась обменными процессами. Самые старые семейно-родственные группы, сокращавшиеся в силу вырождения, заменялись новыми, более жизнестойкими, проникавшими в ядро через периферию.

Периферия предохраняла ядро от застойных явлений и вырождения. Анализ количества выбывших и прибывших семейно-родственных групп в Колу показывает, что если до начала XX в. въезд преобладал над выездом (чем частично и покрывался ущерб от вырождения), то в дальнейшем миграционные процессы усилились: на каждую приехавшую семейно-родственную группу стала приходиться одна выбывшая.

Семейная и сословная структуры были своеобразно привязаны друг к другу. Это доказывают вычисления среднего размера семейно-родственной группы по сословиям. Заметно, что ядро города составляли именно мещанские семейные коллективы, тогда как все остальные сословия были на границе ядра и периферии. Увеличивающиеся в размерах и постепенно оседавшие крестьянские, колонистские и чиновничьи семейно-родственные группы все сильнее притягивались к ядру.

Выбранная авторами методика позволила не только описать, собственно, историко-демографическую картину северного уездного города, но и открыла возможности широкого использования отдельных групп данных для интерпретации истории повседневности. Так, была подсчитана сезонность браков, зачатий/рождений и смертей колян. Пик браков приходился на январь, что было связано с завершением рождественского поста, и позднюю осень, время возвращения с промыслов. Церковь не регистрировала браков в марте и декабре, что совпадало с периодами постов. Симптоматично, что с сезонностью браков коррелируется сезонность зачатий (пики в январе и октябре), что вполне доказывает существование определенного порядка брачно-половых отношений. Исследование сезонности смертей в Коле выявляет наибольший пик их в апреле-мае, в период наибольшего ослабления организма после выхода из полярной ночи и суровой зимы. Причем, как выявил анализ метрических записей о причинах смерти, значительная часть колян заболела инфекционными, в частности, простудными болезнями. Одним из источников распространения инфекций могли быть рыбопромышленники из беломорских поселений (так называемые «мурманщики»), до начала XX в. ежегодно в марте приходившие в Колу, которые затем, отдохнув после долгого пути, направлялись к местам промысла на побережье Баренцева моря.

Определение половозрастной структуры Колы позволило подкрепить бытовавшие в досоветское время мнения об особенной, более автономной роли женщин в семейно-бытовой жизни города и сформулировать вывод о некотором смещении гендерных стереотипов в социальном пространстве досоветской Колы, происходившем даже при сохранении патриархального типа семьи как господствующего на данном этапе. Обращает также на себя внимание высокий процент рождений внебрачных детей (9-11%), тогда как в среднем по Европейской России – 2-4% [19].

На основе анализа родственного статуса восприимчивиков и поручителей выявлена динамика родственных и неродственных связей кольских семей и сделан вывод о том, что благодаря активному развитию вторых семейная структура приобретала далеко не упорядоченный, разновекторный характер внутренних отношений.

Синтезный анализ демографических данных и списков жителей Колы, состоявших на государственной службе и выборных должностях, позволил сопоставить общественную востребованность и активность семей с разным опытом проживания в Коле и придти к выводу о существовании определенного баланса в социальной структуре Колы. Этот баланс достигался как за счет сохранения влияния больших и старых семейно-родственных групп, так и благодаря сравнительно быстрой адаптации и социализации новых, вновь прибывших семей.

Научный потенциал апробированной в проекте методики, таким образом, позволяет решать задачи, выходящие за пределы, собственно, демографической истории, и, в частности, реконструировать генезис и развитие адаптивных качеств живущих на Севере в исторической ретроспективе.

Методические подходы к обоснованию демографического проекта**

В настоящее время перед исследователями часто стоит задача оформления и подачи конкурсной заявки в многочисленные научные фонды. От правильности оформления зависит результат – будет проект одобрен и получит финансирование или, наоборот, отклонен. Ниже мы приведем основные разделы разработки и обоснования конкурсной заявки в Российский гуманитарный научный фонд. Проект получил название: «Исследование вопросов демографической безопасности Республики Беларусь и Северо-Запада Российской Федерации (на примере Республики Коми)». Опишем основные разделы подаваемой заявки.

1. Цель и задачи работы, ее актуальность

Авторы совместного проекта, опираясь на статистические материалы, материалы теоретических исследований, обобщения отечественной и зарубежной практики и научной литературы, разработают концептуальные основы долгосрочной политики демографического развития Республики Беларусь и Республики Коми в части обеспечения демографической безопасности. Также предполагается проведение работ над прогнозным сценарием численности и структуры населения и домашних хозяйств в сельской местности с учётом опыта Государственной программы возрождения и развития села на 2005-2010 гг., включая опыт по строительству агрогородов. В программе реализации Закона Республики Беларусь «О демографической безопасности на 2006 – 2010 гг.» уделено недостаточно внимания проблемам демографического и трудового развития села. Важной задачей работы выступает предоставление надлежащих теоретико-эмпирических материалов, способных в определённой степени закрыть данный пробел.

Демографическая ситуация в Республике Беларусь характеризуется рядом негативных тенденций, не отвечающих стратегическим интересам развития и требующих адекватного реагирования со стороны государства. В число демографических угроз, социально-экономические последствия которых оказывают отрицательное воздействие на устойчивое развитие страны входят депопуляция, деформации в институте семьи, старение населения, нерегулируемые миграционные процессы, потери трудового потенциала села в результате негативных изменений демографического потенциала. Демографические и трудовые проблемы, характерные для всей республики, особенно остры в сельской местности, активно теряющей своё население не только за счет депопуляции, но и из-за миграционного оттока населения из села в город. Продолжительность жизни сельского населения меньше, чем городского. Особенно велика разница у сельских и городских мужчин. Деформация половозрастной структуры населения в сельской местности более сильная. Если среди городского населения доля лиц в пенсионном возрасте на 01.01.2005 года была равна 17,2%, то среди сельского – более 33%. Соответственно, в сельской местности демографическая нагрузка на население в трудоспособном возрасте почти в 2 раза выше, чем в городской (соответственно 962 и 521 человека в нетрудоспособном возрасте на 1000 человек населения в трудоспособном возрасте). Человеческий капитал села качественно существенно уступает городскому.

Схожая, а во многом и более сложная ситуация наблюдается в Российской Федерации. В этой связи возникает возможность, определив общие и специфические черты в развитии демографических процессов в Республике Беларусь и Республике Коми, взаимно обогатить научно-методологический арсенал и эмпирическую базу исследования, выходя на глубоко проработанные, получившие объективную оценку со стороны коллег из другой страны научные выводы и рекомендации.

2. Состояние разработки проблемы

В Республике Беларусь реализуется Закон Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь» и Программа по обеспечению демографической безопасности. Аналогичные действия с разной степенью полноты реализуются в ряде стран СНГ и развитых стран.

Существенное отличие данного исследования состоит в принципиально более глубоком и системном рассмотрении проблем демографической безопасности в контексте развития экономической и социальной сфер и развития человеческого и социального капитала.

---

* **Раков Андрей Андреевич** (Минск) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела демографии и человеческого развития Института экономики НАНБ; **Фаузер Виктор Вильгельмович** (Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, зав. отделом социально-экономических проблем ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН; **Грибанов Валерий Владимирович** (Сыктывкар) – доктор политических наук, профессор Коми республиканской академии государственной службы и управления.

** Работа выполнена при финансовой поддержке Проекта «Демографическое развитие северных регионов в условиях социально-экономической трансформации» (2012–2014, проект № 12-С-7-1009).

3. Обоснование целесообразности проведения исследований в контакте с зарубежными учеными

Демографическая ситуация в Российской Федерации и в Республике Беларусь характеризуется наличием целого комплекса сложных и, вместе с тем, похожих проблем, опыт решения которых накоплен в обеих странах. Совместное исследование демографического развития позволит существенно расширить как теоретическую, так и эмпирическую базу, обогатить методологию исследования, использовать белорусский и российский, как позитивный, так и негативный опыт, сформулировать предложения и рекомендации органам государственной власти по противодействию процессу уменьшения численности населения. В частности, для Беларуси могут представлять интерес программы по повышению рождаемости, реализуемые в Республике Коми в рамках одного из национальных проектов.

4. Научная идея исследования

Предлагается дать комплексную оценку внутрисистемным закономерностям и пропорциям демографического развития в связи с необходимостью обеспечения демографической безопасности Беларуси и Коми, сделав это предметом специального научного исследования, что является качественно новым исследовательским подходом в контексте рассматриваемой проблематики. Такой подход позволит приступить к разработке механизма преодоления кризисных явлений, состоящих в отсутствии расширенного воспроизводства населения с его последующей депопуляцией, позволяя отчасти компенсировать негативное влияние объективно неизбежного в ближайшие два десятилетия ухудшения положения с численностью трудоспособного населения посредством повышения эффективности использования имеющегося в стране человеческого потенциала. Участие в совместном исследовании научных коллективов изучающих демографические процессы идущие в во многом разных экономических, природно-климатических и социокультурных условиях позволит расширить разнообразие подходов при решении заявленных целей и задач, повысить достоверность научных выводов и рекомендаций.

5. Структура исследования

В основу исследования будет положен системный подход, в рамках которого произойдет синтез таких отраслей знания как социология, экономика и демография. Исследовательский проект: «Исследование вопросов демографической безопасности Республики Беларусь и Северо-Запада Российской Федерации (в Республике Коми)» будет состоять из восьми этапов, перечисленных ниже:

Этап 1 (первый квартал 2008 г.). Анализ и оценка динамики численности, удельного веса городского и сельского населения Республики Коми и Беларуси в XX веке. **Выявление факторов, наиболее существенно повлиявших на демографическую безопасность страны.**

Этап 2 (второй квартал 2008 г.). Анализ и оценка состояния и тенденций здоровья, рождаемости, смертности и продолжительности жизни населения Беларуси и РК. Выражение характерных черт феномена смертности, раскрытие методических и методологических аспектов его анализа.

Этап 3 (третий квартал 2008 г.). Выявление региональных особенностей и характеристик смертности в сельской местности. Определение влияния черныбыльского фактора. Изучение и описание гендерных особенностей феномена смертности.

Этап 4 (четвёртый квартал 2008 г.). Оценка ожидаемой средней продолжительности жизни при рождении. Проведение возрастного среза при изучении процесса смертности. Формирование общей структуры причин смертности населения Беларуси и РК.

Этап 5 (первый квартал 2009 г.). Выделение этапов демографической энтропии населения Беларуси. Введение индустриализации и урбанизации как важнейших факторов демографической безопасности в стране.

Этап 6 (второй квартал 2009 г.). Анализ и оценка половозрастной структуры населения в качестве главной доминанты демовоспроизводства.

Этап 7 (третий квартал 2009 г.). Разработка парадигмы измерения функций семьи и домохозяйства в трансформирующейся экономике на постсоветском пространстве. Анализ тенденций внутренней и внешней миграции в Беларуси.

Этап 8 (четвёртый квартал 2009 г.). Разработка концептуальной основы долгосрочной политики демографического развития в связи с необходимостью обеспечения демографической безопасности, включая рекомендации органам государственного управления Республики Коми и республики Беларусь по принятию мер по улучшению демографической ситуации в стране.

6. Ожидаемые результаты НИР, их научная и практическая значимость

Будучи основано на новом концептуальном подходе, планируемое к проведению исследование позволит органам государственного управления при разработке долгосрочной политики демографического развития в части осуществления мер по обеспечению национальной безопасности опереться на концептуально целостные, переводные по своему содержанию теоретические положения и практические рекомендации.

7. Возможные области использования результатов исследования

Органы государственного и муниципального управления, НИИ, ВУЗы.

Е.С. Рудаева (Тюмень)

Структура смертности села Мужы Березовского округа в последней трети XIX в.

Научный руководитель – к.и.н. В.Я. Темплинг

Наше исследование посвящено изучению структуры смертности населения с. Мужы Березовского округа во второй трети XIX в. С помощью созданной в программе SPSS реляционной базы данных нами были проанализированы метрические книги Михайло-Архангельской церкви с. Мужы за период с 1869 по 1882 г. Посредством вычислительных функций программы мы выполнили статистические расчеты уровня смертности населения.

С 1869 по 1882 г. в селе умерло 728 чел., 391 мужчина и 337 женщин. При разделении населения на половозрастные группы видно, что треть его умерла в младенческом возрасте – 274 детей, и 239 детей – в возрасте от 2 до 7 лет, что в сумме составляет 70,5% от общего числа умерших. Подавляющей причиной младенческой смертности был «родимец» – 162 случая (59,1%), смертности детей младшего возраста – эпидемические заболевания (от кори и оспы в сумме умерло 116 детей – 48,6%). В группе детей старшего и подросткового возраста, в большинстве – от эпидемических заболеваний умер 41 ребенок, что в общем объеме умерших составило 5,6%. Смертность взрослого активного населения была достаточно высокой. Всего в возрасте от 18 до 60 лет умерло 72 мужчины (18,4% от всей численности умерших мужчин, включая младенцев) и в возрасте от 16 до 55 лет – 39 женщин (11,6%). Наиболее часто встречающейся причиной смерти была горячка – 31 случай у мужчин (43,1% в этой возрастной группе) и 18 случаев у женщин (46,2%). В возрасте от 60 лет и старше за 14 лет в селе умерло 25 мужчин и 38 женщин, доминирующей причиной смерти была «старость»: 18 случаев у мужчин и 24 – для женщин. Естественной смертью («от старости») из 97 умерших мужчин (от 18 лет и старше) умерли лишь 18 человек (18,6%), из 77 умерших женщин (от 16 лет и старше) – 24 женщины (31,2%). Подводя итоги, можно говорить о необычайно высоком уровне детской смертности, что, соответственно, снижает его в остальных возрастных группах, хотя и взрослое население остается подверженным различным заболеваниям, что объясняется трудностями традиционного уклада жизни сельского населения.

В.Н. Ракачев (Кубанский госуниверситет, г. Краснодар)

Население Кубани по материалам переписи 1939 г.: проблема достоверности данных

Проблема достоверности данных, полученных в ходе переписи 1939 г., привлекала в последнее время внимание многих исследователей, однако вопрос этот решался преимущественно на материалах СССР, реже России, и практически остается не освещенным в отношении отдельных регионов страны.

Общий коэффициент приписки коснулся всех территорий, однако в зависимости от региона он варьировался. В районах, где отсутствовали особо экстремальные условия, средняя величина приписки была незначительной, в районах же массового выселения населения, голодного вымирания, к которым можно отнести и Кубань, ситуация была иной: процент приписки здесь резко повышался в целях сокрытия значительной убыли населения.

Основываясь на методике расчета, предложенной В.Б. Жиромской, и используя официальные результаты переписи 1939 г. по Краснодарскому краю и Адыгейской автономной области, мы попытались определить реальную численность населения и возможные размеры приписки.

В результате было установлено, что общий процент приписки по Краснодарскому краю приближается к показателям тех регионов, где убыль населения была более значительной, и составил 2,29% от скорректированной (реальной) численности населения. В Адыгейской автономной области приписка была ниже – 1,7%. Кроме того, приписка к численности мужского населения отличалась от приписки к женскому населению и была выше. В крае процент приписки к мужскому населению был высоким и составлял 3,8%, в Адыгее этот показатель был ниже – 2,8%. Процент приписки к женскому населению был незначительным – 0,9-0,8%. Все это однозначно указывает на то, что в результате раскулачивания, репрессий, выселений в первую очередь сокращалось мужское население.

Полученные путем перерасчетов цифры наглядно демонстрируют убыль населения в крае к 1939 г. Так, если в 1926 г. население региона насчитывало 3 146 013 чел., то в 1939 г. – 3 102 757 чел. (с Адыгейской АО). Убыль составила 43 256 чел., или 1,4% к 1926 г.

Я.В. Ракачева (Кубанский госуниверситет, г. Краснодар)

Голод 1932–1933 гг. на Кубани и его демографические масштабы и последствия

Тема голода начала 1930-х гг. в отечественной науке долгие годы была закрытой. И сегодня отдельные и разрозненные архивные данные, косвенные подсчеты дают возможность лишь в общих чертах представить масштабы этого события.

Данные относительно смертности в регионах, охваченных голодом в этот период, разнятся у отечественных и зарубежных исследователей. Кубань – одна из тех территорий, которая особенно сильно пострадала от голода. По некоторым данным, в станицах «особо неблагоприятных районов» число умерших от голода колебалось от 40 до 60%, а в отдельных местах и более. Р. Конквест отмечает, что в 1932–1933 гг. на Северном Кавказе от голода погибло до 1 млн чел., 80% этих смертей пришлось на северо-западные районы Кубани.

Косвенным образом о масштабах трагедии могут свидетельствовать данные о компенсаторных переселениях, с помощью которых власти пытались решить проблему обезлюдивших районов.

20 декабря 1932 г. Реввоенсоветом Союза была принята секретная директива № 97299 о порядке вербовки, отбора и отправки красноармейцев в станицы Кубани, пострадавшие от голода и опустевшие в результате выселений кулацкого элемента в ходе сплошной коллективизации. Массовый характер переселенческой политика и практика принимают к концу 1933 г. В начале декабря 1933 г. пришли первые эшелоны с переселенцами, их численность составила 31 458 чел., в том числе 16 997 мужчин. Из них в станицу Медведовскую прибыло 500 семей, в станицы Троицкую и Голубицкую – примерно 200 семей, 136 семей поселилось в Старомышастовской. Переселенцы приезжали с Урала, центральных областей России, из южнорусских и украинских областей. К середине декабря 1933 г. на Кубань «прибыло 105 эшелонов с общим числом переселенцев 38 504 чел., из них мужчин – 19 499 чел., женщин – 11 388 чел., детей – 7 617 чел. На 1934 г. планировалось вселение еще приблизительно 50 тыс. семей. Одновременно осуществлялось переселение на Кубань целых колхозов из Ростовской области и Ставропольского края.

РЕЦЕНЗИИ

И.А. Разумова*

Северный уездный город в зеркале демографической истории

Работа доктора исторических наук, проректора по научно-исследовательской работе Мурманского государственного педагогического университета П.В. Фёдорова и библиографа Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеки А.А. Малашенкова, обозначенная как «историко-генеалогический атлас», представляется интересной и научно значимой во многих отношениях (Малашенков А.А., Фёдоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас / Под общ. ред. П.В. Фёдорова. В 2-х ч. – Мурманск: МГПУ, 2010. – Ч.1: Словарь. – 280 с.; Ч.2: Схемы. – 253 с., ил.). Прежде всего, в ней суммированы впечатляющие результаты чрезвычайно объемного историко-демографического исследования населения исторического города Колы на протяжении достаточно длительного периода. Исследование по его содержанию, методологии и аналитике является столь же «академическим», сколь новаторским. С одной стороны, оно выполнено в лучших традициях исторической науки, то есть основывается на репрезентативных историографической и источниковой базах, четкой программе, строгих методах анализа данных.

С другой стороны, направление, которого придерживаются авторы, лишь относительно недавно обозначилось в отечественной исследовательской практике, а предложенная составителями Атласа комплексная методика во многом инновативна. Предметом изучения являются важные социально-исторические процессы на микроуровнях: городского сообщества и семейно-родственных коллективов. Работа убедительно свидетельствует о том, что феноменологический подход в сочетании с «жестким анализом» в высшей степени результативен и приводит к перспективным выводам, далеко выходящим за рамки так называемой «локальной истории».

Относительно небольшой по объему вводный очерк представляет описание и выводы исследования со всей необходимой полнотой, он отличается четкостью формулировок, логичностью, аргументированностью, ясностью изложения авторской позиции, в том числе по ряду спорных вопросов историографии, а также содержит анализ состояния источников. Целый ряд выводов, касающихся социально-демографических характеристик жителей Колы, могут и должны быть учтены в социально-исторических исследованиях населения различных городов и регионов Севера и России, в том числе в сравнительно-типологическом ракурсе. Главной целью и результатом работы является реконструкция модели социальной структуры Колы в ее динамике. Цель достигнута с использованием, прежде всего, историко-генеалогического метода и анализа демографических данных. В свою очередь, методы сбора демографических сведений составляют сложный и органичный комплекс, который заслуживает специального внимания и изучения, в том числе при обучении будущих историков. Таким образом, вводный очерк имеет самостоятельное теоретическое значение.

Основную часть работы составляют систематизированные эмпирические данные в виде отдельных статей с описанием 149 проживавших в Коле семейно-родственных групп, 52 персоналий, а также 43 социально-исторических, географических, историко-этнографических категорий. Бесспорно, что в рассматриваемый период семья является по типу преимущественно патриархальной, и потому может определяться как «семейно-родственная группа», по «родственному» и экономическому критериям: как «коллектив родственников, проживающих вместе, имеющих общий быт и общее имущество, ведущих совместное хозяйство». Следует принять во внимание, что именно на протяжении XIX – первой трети XX в. российская семья неравномерно у разных социальных групп претерпевала качественные институциональные трансформации, и в значительной степени это подтверждает настоящее исследование.

Словарные статьи по структуре, содержанию и соблюдению формальных требований к документированию представляются корректными. Кроме того, обширный и очень ценный фактический материал репрезентируется в таблицах, графиках и схемах, приложениях, генеалогических схемах, фотографиях. В целом, все материалы,

* **Разумова Ирина Алексеевна** (Апатиты) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН.

которые вводятся в науку данной работой, а также выводы авторов, без сомнения, призваны способствовать дальнейшей разработке самых разных аспектов истории и социального развития Кольского Севера и России: миграционных процессов, истории взаимодействия социальных институтов, истории повседневности и др. Историко-генеалогический атлас имеет помимо собственно научного большой образовательный и познавательный потенциал. Он стимулирует интерес к истории на всех ее уровнях: от истории Отечества до истории отдельной семьи, и в этом качестве будет востребован не только научной общественностью и системой образования, но и широкой читающей аудиторией.

Всероссийские симпозиумы по исторической демографии

1–2 июля 2010 г. в Сыктывкаре состоялся III Всероссийский симпозиум по исторической демографии. Его организаторы – Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Институт российской истории РАН, Институт истории и археологии УрО РАН, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Министерство национальной политики Республики Коми.

В состав организационного совета симпозиума входили председатель Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии академик Ю.А. Поляков, директор ИИиА УрО РАН академик В.В. Алексеев, директор ИРИ РАН член-корр. РАН А.Н. Сахаров, зам. председателя Президиума Коми НЦ УрО РАН, директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН член-корр. РАН В.Н. Лаженцев, директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН А.Е. Загребин, директор ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН А.Ф. Сметанин, зам. директора по научным вопросам ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН И.Л. Жеребцов, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН Л.Л. Рыбаковский, профессор кафедры истории России Белорусского государственного университета В.И. Меньковский, министр национальной политики Республики Коми В.И. Коробов, старший научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН Е.Н. Рожкин.

Председателем оргкомитета являлся д.и.н. И.Л. Жеребцов (Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН). В оргкомитет входили также зав. сектором экономической истории Института истории и археологии УрО РАН Г.Е. Корнилов, старший научный сотрудник Института российской истории РАН К.А. Аверьянов, зав. кафедрой этнографии, археологии и источниковедения Сыктывкарского государственного университета В.А. Семенов, зав. отделом социальных проблем Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН В.В. Фаузер, ученые ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН И.О. Васкул, Н.М. Игнатова, П.Ю. Павлов, Ю.П. Шабаев, М.В. Таскаев.

Основной темой симпозиума традиционно являлась проблема источниковедения и историографии историко-демографических исследований: типы источников по историко-демографическим и этнодемографическим процессам в странах и регионах в различные исторические периоды, методы их анализа, доступность и достоверность источников, возможности их публикации, прошлое и современное состояние историко-демографических исследований и перспективы их развития. Обсуждались демографические процессы в России в различные исторические периоды, общее и особенное историко-демографического и этнодемографического развития государств мира.

Работа симпозиума проходила в трех секциях. Состоялись также два пленарных заседания, на которых были заслушаны доклады д.и.н. В.А. Исупова (Новосибирск) «Проблемы и перспективы историко-демографических исследований в Сибири», д.и.н. Ю.В. Аргудяевой (Владивосток) «Роль миграций в изменении структуры и состава семей крестьян – переселенцев Дальнего Востока (по материалам центральных и региональных архивов)», д.и.н. И.Л. Жеребцова (Сыктывкар) «Демографический кризис XVI–XVII вв. на Севере Европы», д.э.н. В.В. Фаузера (Сыктывкар) «Демографическая ситуация и ее влияние на трудоустроенность северных регионов России», д.и.н. Ю.П. Шабаева (Сыктывкар) «Миграции, северные сообщества и идентичности» и др. В симпозиуме очно или заочно (с постер-докладами) участвовали ученые из Минска (Белоруссия), Алматы (Казахстан), Уральска (Казахстан), Карроллтона (США), Краматорска (Украина), Полтавы (Украина), Одессы (Украина), Сум (Украина), Архангельска, Ижевска, Перми, Муром, Вологды, Нальчика, Москвы, Казани, Ульяновска, Петрозаводска, Екатеринбурга, Краснодара, Уфы, Красноярска, Нижнего Тагила, Омска, Тюмени, Златоуста, Сургута. Всего в программу было включено 90 устных и постер-докладов. 25 докладов представили доктора наук, 39 – кандидаты наук. Принято решение опубликовать материалы симпозиума в журнале «Историческая демография».

В ходе симпозиума состоялся обмен мнениями о современном состоянии историко-демографических исследований в регионах России и перспективах их развития. Гости симпозиума отметили, что Сыктывкар стал одним

из признанных российских центров историко-демографических исследований, и научные форумы всегда проводятся здесь на высоком уровне.

I Всероссийский научный симпозиум по исторической демографии «Этнодемографические и этнокультурные процессы на Севере Евразии в прошлом и настоящем: источники изучения и методика их анализа» состоялся в Сыктывкаре 15–16 июня 2006 г. и был приурочен к 525-летию проведения первой на территории Коми края переписи населения (1481 год), ставшей чрезвычайно важным событием в истории коми народа. **II Всероссийский симпозиум по исторической демографии** прошел в Сыктывкаре 23–24 июля 2009 г. Кроме традиционно рассматриваемых на симпозиумах вопросов источниковедения, историографии и некоторых других, в ходе этого научного форума состоялся «круглый стол», посвященный вопросу о вхождении коми и других народов и регионов в состав Российского государства в контексте развития этнодемографических процессов. **IV симпозиум** состоится в Сыктывкаре в июне 2012 г.

И.Л.Жеребцов, В.А.Исупов, В.И.Меньковский

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»

Журнал публикует научные статьи объемом до 0,4 п.л. (до 16 000 знаков, включая пробелы) по следующим проблемам: история и современное состояние историко-демографических исследований; источники для проведения историко-демографических исследований и методика их анализа; этнодемографические процессы в древности и средневековье; общее и особенное в историко-демографическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития. К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, комментарии к ранее опубликованным работам, хроника научной жизни. В разделе «Научное наследие» планируется публиковать не издававшиеся ранее труды ушедших из жизни ученых.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования с учетом новизны, научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редколлегией, повторно не рассматриваются. Авторы несут ответственность за научное содержание, достоверность и оригинальность приводимых данных.

Требования, предъявляемые к оформлению текстов для публикации:

1. Материал предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе Microsoft Word. Имя файла составляет фамилия первого автора, например: Ivanov.doc. Формат А4. Поля по 2 см; шрифт – Times New Roman; размер кегля – 10 пунктов; межстрочный интервал – одинарный.

Вставка символов – Symbol. Просим не пользоваться особыми шрифтами и оригинальными символами. Текст набирается без принудительных переносов. Разрядки слов не допускаются.

2. Абзацы задаются автоматически (0,7 см), а не с помощью пробелов. Расстановка переносов – автоматическая (в словах из прописных букв переносы не ставятся).

3. В первой строке печатается индекс УДК (выравнивание влево). Во второй строке печатаются инициалы и фамилия автора с выравниванием по центру, курсивом. Третья строка оставляется пустой. В четвертой строке печатается название статьи полужирным шрифтом, выравнивание по центру. Пятая строка остается пустой. С шестой строки печатается аннотация (не более 7 строк) на русском языке обычным шрифтом с выравниванием по ширине. После аннотации печатаются ключевые слова на русском языке (не более 7 слов и словосочетаний). Далее печатаются на английском языке с соблюдением тех же требований: инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова. После этого пропускается одна строка, далее печатается текст обычным шрифтом с выравниванием по ширине.

4. Рисунки, фотографии, схемы, диаграммы необходимо присылать отдельными файлами. Максимальное количество иллюстраций – 5.

Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми в формате TIFF с разрешением не ниже 300 пикс/дюйм. Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и иметь названия. В тексте необходима ссылка на конкретный рисунок или таблицу, например: «Рассмотрим численность населения Северного края (табл. 1)».

Название таблицы располагается над ней и оформляется следующим образом:

Таблица 1

Численность населения Северного края в 1939 г.

Все графы в головке и боковике таблицы должны быть заполнены текстом.

Ссылки на источники к таблице даются под ней (не в сноске), например: «Источники: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5.».

Название рисунка и комментарий располагаются под ним, например: «Рис. 2. Источники роста населения Северного края.».

5. Список ссылок приводится отдельным разделом в конце статьи и оформляется в соответствии со следующими требованиями. Архивные и литературные источники располагаются в порядке их упоминания по тексту в виде пронумерованного списка. Ссылка на источник по тексту оформляется как число в квадратных скобках, вручную. Например: [1]. Автоматические сноски не допускаются!

6. Ссылки на неопубликованные работы допускаются только в том случае, если они переданы на хранение в государственные архивы, научные архивы учреждений, например: Сидоров С.С. Очерки демографической истории вымичей // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 45 л.

7. Если есть сокращения, прилагают список с расшифровкой, например:

МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

8. В конце статьи указывается фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью, город (населенный пункт), ученая степень, должность, место работы (без сокращений), служебный адрес, адрес электронной почты, например: Иванов Иван Иванович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, заведующий кафедрой этнографии Сыктывкарского государственного университета, 167982, г. Сыктывкар, Ленинский проспект, 222, e-mail: ivanov@mail.ru; Петров Петр Петрович (Новосибирск) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора демографии Института истории Сибирского отделения РАН, 000000, г. Новосибирск, ул. Академическая. 333, e-mail: ppp21@bk.ru.

Образец оформления:

УДК

И.И.Иванов

Демография

Проблемы демографии.....

Ключевые слова: демография, численность населения, миграции...

I.I.Ivanov

Demography

Problems...

Key words: demography, ...

Аааааааааааа бббббббббббббббббб вввввввввввв гггггггггггггггг [1]. Дддддддддд ееееееее жжжжжжжжжжжжжж [2].

Источники и литература

1. Иванов И.И., Петрова И.Н. Демографическая политика // Социологические исследования, 2006. № 2. С. 15–16.
2. Сидоров В.В. Демография. М.: Дело, 2006. С. 75. (или: 557 с.).
3. О милиции: федеральный закон от 15.12.2005 № 152-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2005. Ст. 575.
4. Волков П. О войне // Красное знамя, 1990. 16 авг.
5. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.
6. Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. С. 14.
7. Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Ростовского государственного университета (далее – ПМДЭЭ РГУ). Информатор И.Р. Пшеничнова, 1926 г.р., записана в станице Елизаветинской Азовского района Ростовской области в июле 2003 г.
8. Кремлева С.О. Сетевые сообщества. URL: [http:// www.library.by/portalus/modules/psychology](http://www.library.by/portalus/modules/psychology) (дата обращения: 11.11.2005).

Редколлегия оставляет за собой право отклонять материалы, не соответствующие указанной тематике или предъявляемым требованиям к оформлению.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

Оригинал-макет – Н.К.Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 1/8. Уч.-изд. л. 10,0.

Тираж 150 экз. Заказ № 46 (159).

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36